

28.762 К

**ЛИТЕРАТУРНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ
В ШКОЛЕ**

*

ИВАНОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1955

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

Из книг
Л.А. Розановой

ЛИТЕРАТУРНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ
В ШКОЛЕ

(В помощь учителю)

Под редакцией П. В. Куприяновского

Нашему славному коллеге —
дорогой Людмиле Янагольцевне
Розановой —
в знак большой симпатии
и уважения.

Автор сборника:

ИВАНОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1955

Л. Янагольцев
В. Бартев

2/1111-55

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Предисловие</i>	3
О краеведческой работе по литературе в школе. <i>П. В. Куприяновский</i>	5
Устное народное творчество. Древняя русская литература. <i>В. А. Бартнев</i>	22
<i>А. Н. Островский. О. М. Матвеева.</i>	46
<i>В. Г. Короленко. П. Е. Шамес.</i>	71
<i>А. П. Чехов П. Е. Шамес.</i>	80
<i>А. М. Горький. П. В. Куприяновский.</i>	92
<i>А. С. Серафимович. П. В. Куприяновский (при участии А. М. Мягкова)</i>	104
<i>Д. А. Фурманов. А. Бартнев.</i>	117
<i>Приложение</i>	123
<i>Библиография</i>	131

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ

Редактор В. И. Кузнецова. Художественный редактор А. В. Пелипенко.
Технический редактор Р. Н. Боголюбова.
Корректоры Н. А. Смирнова, Г. В. Маклашина.

Сдано в набор 18/IV—1955 г. Подписано к печати 28 VI—1955 г. Бумага 84×108^{1/2} — 8,25 печ. л.—6,67 усл.-печ. л., 6,4 уч.-изд. л. Тираж 4000 экз. КЕ—95788.

Типография треста Росполиграфпром, г. Иваново, Типографская, 6.

Заказ № 2681.

Цена 1 руб. 90 коп.

ПРЕДИСЛОВИЕ

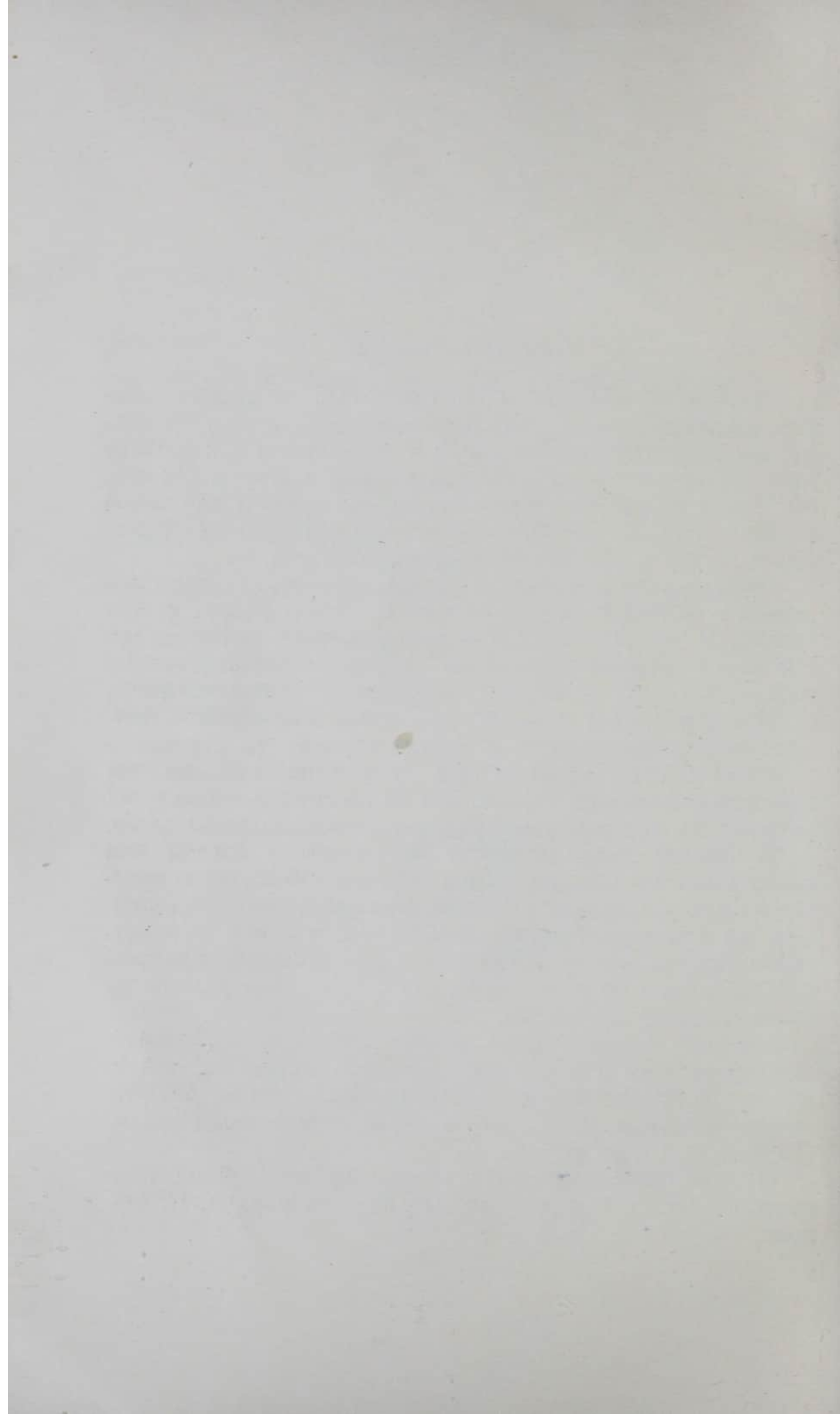
Настоящий сборник, подготовленный кафедрой литературы Ивановского педагогического института, предназначен учителю русского языка и литературы как пособие для литературно-краеведческой работы в школе. Он ставит своей целью дать необходимые материалы для такой работы, а также наметить некоторые пути литературного краеведения в школах Ивановской области.

Фактический материал в разных статьях сборника изложен с разной степенью полноты. Это сделано сознательно. В тех случаях, когда краеведческий материал исследуется впервые или он не собран в общедоступных источниках (о Чехове, Короленко, Серафимовиче, А. Н. Островском), авторы стремились к возможной полноте освещения вопроса. В других случаях (в статьях о Горьком и Фурманове) авторы поступались многими сведениями и фактами, считая, что их не трудно найти в тех работах, на которые в тексте даются специальные ссылки.

В каждой статье имеются методические советы или примечания об использовании данного литературно-краеведческого материала в школе. Эти указания носят примерный характер. Учителю виднее, что и как в конкретных условиях можно сделать для налаживания краеведческой работы по литературе, что и как использовать из предлагаемого материала.

Сборник одновременно может представлять определенный интерес и для более широкого круга читателей: культурно-просветительных работников области, любителей-краеведов, всех тех, кто интересуется родным краем, его историей и культурой.

В подготовке сборника к печати, кроме авторов, принимала участие кандидат педагогических наук А. П. Орлова.

П. В. КУПРИЯНОВСКИЙ

О КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЕ ПО ЛИТЕРАТУРЕ В ШКОЛЕ

В постановлении ЦК ВКП(б) о школе от 25 августа 1932 г. указывается на необходимость внедрения элементов краеведения в школьное преподавание географии, истории, литературы и других предметов. А. М. Горький называл краеведение «делом, глубоко важным».

Умело, хорошо организованное школьное краеведение связывает теорию с практикой, делает преподавание более наглядным, способствует улучшению учебно-воспитательной работы. Оно развивает у учащихся пытливость, наблюдательность и самостоятельность, прививает им навыки трудиться сообща и тем самым способствует созданию дружного детского коллектива.

Велика роль краеведения в деле воспитания чувства советского патриотизма, которое включает в себя и любовь к родному краю, его истории и культуре. Уместно вспомнить в связи с этим слова писателя И. Эренбурга: «Говоря о широкой реке, не следует забывать о ручьях, они создают реку. Для того, чтобы патриотизм был крепким, плотным, непоколебимым, нужно, чтобы он исходил из любви к своей маленькой родине, к родному городу, селу, краю».

Имеются ли возможности для краеведческой работы по литературе в школах Ивановской области? Безусловно, имеются. Об этом, в частности, свидетельствует опыт некоторых учителей, которые пытаются, хотя порой и в весьма ограниченных рамках, использовать эти возможности.

Примечателен опыт учителя Хлебницкой средней школы Ильинского района Дмитрия Евгеньевича Чернявского. Он заметил, что при изучении литературы и истории

ученики часто сталкиваются с названием предметов, о которых они не имеют никакого представления. Поэтому, рассказывая на уроке биографию Шевченко, они говорят: «Шевченко разжигал барину цыгарку». Это вместо того, чтобы рассказать, как в мальчишеском возрасте, во время службы у барина казачком, Шевченко должен был разжигать барину чубук. Что такое чубук? Что такое соха, косуля, светец, ручной ткацкий станок и т. п.? Поиски наглядных пособий привели Д. Е. Чернявского к созданию школьного краеведческого музея, в котором представлены многие предметы старинного обихода, мечи, кольчуги, вериги, старинные медали и т. д.¹ Сейчас этот музей пользуется большой популярностью не только у школьников, но и у окружающего населения. На его основе создан районный краеведческий музей.

Д. Е. Чернявским и другими учителями школы с помощью учащихся была организована также запись устного народного творчества у местных жителей. Ими собрано около 4000 частушек.

Интересную работу проводил учитель В. Е. Мамушин в средней школе № 1 в г. Тейкове. Руководимый им литературный кружок выпускал рукописный журнал «Наше творчество», где печатались стихи, очерки и рассказы учащихся о нашем крае. Таково, например, стихотворение В. Смирнова «Рассказ ткачихи», в котором речь идет о забастовке тейковских рабочих 5 мая 1910 года. Кружковцы встречались со старыми большевиками-тейковцами, записывали и литературно обрабатывали их воспоминания о прошлом, о революционной борьбе рабочих. Некоторые ученики увлеклись изучением местного фольклора. Ученик В. Смирнов собрал около 200 пословиц и поговорок. Все это вызвало в школе большой интерес к родному городу, его истории. Материалы кружка, в том числе и материалы краеведческого характера, несколько раз передавались в «Литературной страничке», организованной местным радиовещанием.

Восемнадцатый год существует литературный кружок в средней школе № 1 в г. Комсомольске. За это время он выпустил 28 номеров журнала «Искатель». Кружок уделяет внимание и вопросам краеведческого характера.

¹ См. М. Шошин, По родной области, Ивановское областное государственное издательство, 1949, стр. 253.

Учитель А. Андреев пишет: «О многих знатных людях нашего города и района собрали большой материал «искатели»-очеркисты и через журнал ознакомили с ними всю школу»¹.

К краеведческому материалу обращаются некоторые учителя г. Иванова. Например, учительница Е. М. Набилкова (школа № 54) во время педагогической практики студентов педагогического института при изучении в 10-м классе творчества А. М. Горького организовала беседу учащихся с поэтом Д. Н. Семеновским. Поэт рассказал о своих встречах и переписке с великим писателем, и в результате учащиеся на живом примере уяснили роль Горького в воспитании советских писателей.

Встречи с ивановскими писателями и поэтами устраивались также в 30-й, 32-й, 55-й и других школах областного центра. В ряде школьных библиотек, особенно в дни подготовки ко Второму Всесоюзному съезду советских писателей, организовывались выставки произведений ивановских литераторов за 20 лет.

При изучении в 9-м классе драмы А. Н. Островского «Гроза» учителя очень часто опираются на книгу профессора А. И. Ревякина «Гроза» А. Н. Островского» (М.—Л., изд-во Академии педагогических наук, 1948). В ней, среди реальных источников драмы, указаны и кинешемские (видовая панорама первого действия, картина «геенны огненной», общественно-бытовой облик города, люди, подобные Кулигину, и т. д.). Иногда эти сведения сообщаются учащимся (например, в школе № 21 г. Иванова).

Следует, однако, подчеркнуть, что элементы краеведения недостаточно внедряются в преподавание литературы. Налаживанию краеведческой работы по литературе в значительной мере мешает то обстоятельство, что до сих пор не было сделано попыток обобщить местные материалы для использования их в школе.

**

Переходя к вопросу о материале, который может быть привлечен для школьного краеведения по литературе, необходимо прежде всего сказать, что многое здесь зави-

¹ «Ленинец», 1955, 6 марта (статья «Искатель»).

снт от конкретных условий, в которых находится та или иная школа, от инициативы учителя. Но нет такой школы, которая не могла бы заниматься собиранием и исследованием местного устного народного творчества, так как нет такого селения, где бы не было фольклора.

Помещенные в сборнике статьи показывают, что краеведческий материал можно использовать при изучении устного народного творчества, древней русской литературы, творчества А. Н. Островского, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, А. М. Горького, А. С. Серафимовича, Д. А. Фурманова.

Однако краеведческая работа может быть организована не только в связи с изучением творчества отдельных писателей или прохождением определенных разделов программы по истории литературы. Целесообразно также для внеклассных занятий, для литературного кружка взять широкую тему, например: «Наша область (наш край) в художественной литературе». Это позволит частично использовать материал, включенный в названные выше статьи, и привлечь новые источники.

Ивановская область — преимущественно текстильная. У нее богатое историческое и революционное прошлое. Детям будет интересно знать, как жили их отцы и деды до Великой Октябрьской социалистической революции, какова была их роль в революционном движении, какие изменения произошли в области за годы советской власти, как все это отразилось в художественной литературе и фольклоре.

Знакомя учащихся с произведениями на эту тему, следует раскрыть, какие типические стороны жизни, труда и борьбы всего нашего народа нашли в них свое выражение, сравнить рекомендованные ниже произведения с другими аналогичными произведениями, которые известны учащимся по школьной программе или внеклассному чтению.

Такая постановка вопроса позволит учителю выйти за пределы специфически областных рамок рассмотрения литературы, что чрезвычайно важно во всякой литературно-краеведческой работе.

О жизни и борьбе рабочих-текстильщиков немало фольклорного материала. На эту тему писали многие художники слова. Не потеряли своего познавательного значения очерки и рассказы Ф. Д. Нефедова о фабричном

быте середины XIX в. («Наши фабрики и заводы», «Девичник» и др.). Как бытописатель города Иванова и общитель фабрикантов выступал писатель В. А. Рязанцев (повести «Добрый человек», «Тихий омут»). В романах А. А. Потехина «Около денег» и «Молодые побеги», в его повестях и очерках, отразивших наблюдения автора над фабричной жизнью Вичугско—Кинешемского района, изображены развитие капитализма в текстильной промышленности и начало революционной пропаганды среди рабочих. Названные произведения не относятся к числу значительных явлений литературы, но в них не трудно найти правдивые картины прошлого, имеющие познавательное значение. Руководствуясь статьями о Нефедове, Рязанцеве и Потехине в сборнике «Писатели текстильного края» (Ивановское книжное издательство, 1953), учитель сможет отобрать наиболее ценное в творчестве этих писателей для раскрытия темы о прошлом рабочих-текстильщиков в художественной литературе.

При освещении этой темы надо вспомнить описание детского труда на текстильной фабрике в стихотворении Н. А. Некрасова «Плач детей», указав, что существует версия, будто это стихотворение написано поэтом под впечатлением посещения Иваново-Вознесенска. Кстати, «ивановские ситцы» Некрасов упоминает в поэме «Кому на Руси жить хорошо», а в поэме «Современники» едко говорит о том, что шуйско-ивановские фабриканты в своей погоне за барышами не хотят отставать от американских буржуа:

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно..
Шуйско-ивановский гусь —
Американец?.. — Конечно!
Что ни попало — тащат,
«Наш идеал,— говорят,—
Заатлантический брат...»

Мимо этих высказываний великого поэта не следует проходить.

С точки зрения краеведческой работы в школе несомненный интерес представляют сказы М. Кочнева, являющиеся своеобразной летописью текстильного края. Они повествуют о творческом труде и тяжелом социальном быте рабочих-текстильщиков, рассказывают о борьбе лю-

дей нашего края с иноземными захватчиками, о их протесте против угнетателей. Ценно то, что писатель показывает, как рабочий народ, несмотря на все неблагоприятные условия жизни, умел находить в труде поэзию и красоту. Сказы Кочнева написаны выразительным языком, опираются на богатый фольклор текстильщиков. Они дают яркое представление о нашем крае в прошлом и в то же время содержат картины и образы, имеющие более широкое значение. В школе лучше всего пользоваться сборником сказов Кочнева «Шелковые крылья», который издан в 1953 г. Детгизом и рекомендован для среднего и старшего возрастов¹.

О жизни и быте рабочих нашего края до революции много хороших стихов написал А. Благов, один из старейших советских поэтов, пользующийся большой популярностью у читателей нашей области. Сборники его стихов, особенно «Избранное» (Иваново, 1953), необходимо иметь в виду при проведении мероприятий краеведческого характера. Особое внимание следует обратить на тему «Революционная борьба ивановских рабочих и её отражение в фольклоре и литературе».

Ивановцы законно гордятся своими славными революционными традициями. Эти традиции высоко ценили такие выдающиеся художники слова, как М. Горький, В. Маяковский, Д. Фурманов, А. Серафимович. Показательно, что Маяковский в поэме «Владимир Ильич Ленин» говорил об Иваново-Вознесенске как о месте, где эксплуатация трудящихся достигла высшей степени («станки потогонные»), а потому здесь и рано родились задорные революционные частушки, возникла мечта о рабочем вожде-освободителе:

У Иванова уже
у Вознесенска
— каменные туши

¹ Можно пользоваться также и другими изданиями сказов М. Кочнева: «Серебряная пряжа. Сказы ивановских текстильщиков» (М., «Советский писатель», 1946); «Расписной узор» («Московский рабочий», 1948); «Сорок веретен» (Иваново, 1948); «Дело человеком славится» (М., «Советский писатель», 1950); «Живой родник» (Иваново, 1951); «Сказы» (М., Гослитиздат, 1952). О Кочневе см. предисловие Б. Волгина к сб. «Шелковые крылья» и статью в сб. «Писатели текстильного края» (Ивановское книжное издательство, 1953). В этом же сборнике см. статьи о Д. Семеновском, А. Благове, А. Лебедеве и других поэтах и писателях-ивановцах.

Будоражат

выкрики частушек:

«Эх, завод ты мой, завод,

Желтоглазина.

Время нового зовет

Стеньку Разина».

Для разработки этой темы можно порекомендовать следующие произведения: рассказы Д. Фурманова «Талка», «Как убили Отца», «Незабываемые дни» (см. III том Сочинений Д. Фурманова, М., Гослитиздат, 1952); рассказ А. Серафимовича «История одной забастовки» (см. X том Собрания сочинений А. Серафимовича, М., Гослитиздат, 1948); очерк А. Фадеева «Михаил Васильевич Фрунзе» (М., «Правда», Б-ка «Огонек», 1938); повесть Арк. Васильева «Смело, товарищи, в ногу» (Детгиз, 1954), его же рассказы о Фрунзе «Товарищ Арсений» (Детгиз, 1952, или Ивановское книжное издательство, 1954); сказы М. Кочнева о революции 1905 г. и о Фрунзе — «Все за одного — один за всех», «Злая рота», «Доброе семя», «Шапка-невидимка», «Дорогой перевоз» и др., а также стихи А. Благова (поэмы «Десять писем», «Трилогия», стихотворения: «Начало», «День», «Песня старого ткача», «Иваново», «Красная Талка», «Имя Фрунзе неразлучно с нами» и др.), Д. Семеновского («Отец», «Кровь тридцати» — в сб. «Огни мира», Ивановское областное государственное издательство, 1952), М. Дудина (поэма «Ольга», «Песня ткачей» — в сб. «Ливень», Ивановское областное государственное издательство, 1940) и др.

В текущем году широко отмечается 50-летие первой русской революции, в которой трудящиеся нашей области приняли самое активное участие. В связи с этой датой необходимо провести несколько занятий литературного кружка, организовать литературный вечер «1905 год в литературе», подготовить специальный пионерский сбор, провести беседы или читательские конференции по прочитанным книгам. Всё это можно сделать с привлечением большого местного материала. Так, в литературном кружке старших классов могут быть разработаны доклады: «Рассказы Д. Фурманова о 1905 годе», «Образ Фрунзе — руководителя ивановских рабочих в художественной литературе», «Стихи и поэмы А. Благова и Д. Семеновско-

го о революции 1905 г.» и др. На материале ряда названных выше произведений можно составить монтаж для литературного вечера, обязательно включив в этот монтаж революционные песни тех лет, пользовавшиеся популярностью у рабочих-ивановцев. Для этого необходимо побеседовать со старыми партийцами и рабочими, участниками революции 1905 г.

Революционная борьба иваново-вознесенских рабочих в годы гражданской войны нашла незабываемо яркое воплощение в творчестве Фурманова («Чапаев», очерки). Счастье свободного труда советских людей воспели А. Благов, Д. Семеновский, М. Шошин, М. Кочнев и другие писатели и поэты-ивановцы. Их произведения полезно рассмотреть в плане противопоставления безрадостному быту ткачей до революции. В связи с этим нелишне вспомнить и следующие строки Маяковского, написанные в 1928 г. и подчеркивающие огромную перемену в жизни рабочих за первые десять лет советской власти:

Десять лет —
и Москва и Иваново
И чинились
и строились наново.
В одном Иваново —
триста домов!
Из тысяч квартир
гирлянды дымов,
Лачужная жизнь
отошла давно.
На смывах
Октябрьского вала
Нам жизнь
хорошую строить дано,
И много рабочих
в просторы домов
Вселились из тесных подвалов.¹

¹ Из стихотворения «Дождемся ли мы жилья хорошего? Товарищи, стройте хорошо и дешево!». Любопытно отметить, что Иваново-Вознесенск и Шуя упоминаются Маяковским в 6-м действии «Мистерии-буфф». В этом произведении очень силен элемент условности и фантастики. В нем рассказывается, как «нечистые» (т. е. трудящиеся), попав в обетованную землю, с удивлением узнают, что они «опять очутились на земле, опять у того же угла», но уже

При изучении обзорной темы в 10-м классе «Советская литература в период Великой Отечественной войны» может быть подготовлено внеклассное занятие об ивановских писателях-фронтовиках и их творчестве: о поэте А. Лебедеве, авторе сборников «Огненный вымпел» (М.—Л., Военмориздат, 1942) и «Морская сила», с предисловием Н. Тихонова (Иваново, 1945); о поэте М. Дудине, одном из славных защитников Ханко, выпустившем во время войны семь сборников стихов (из них итоговый — «Переправа», Лениздат, 1945; см. также «Избранное», Иваново, 1951); о писателе В. Полторацком, который был фронтовым корреспондентом газеты «Известия» (его очерки и рассказы военных лет см. в книге «В дороге и дома», М., издательство «Известия», 1952), и др. На это занятие в школах г. Иванова можно пригласить местных писателей и журналистов, участников Великой Отечественной войны, например, Д. Прокофьева, Л. Кудрина и др., которые могут рассказать о характере работы писателя на фронте. Яркое представление о деятельности армейских журналистов и художников дает роман Вл. Рудного «Гангутцы» (М., Военмориздат, 1952), в числе героев которого выведены наши земляки поэт М. Дудин и художник Б. Пророков.

Кроме указанных выше произведений, в круг краеведческой работы по литературе можно включить книги местных писателей для детей (например, «Товарищи» В. Великанова, «Когда мы вместе» М. Шошина и др.), устройство читательских конференций по этим книгам, встречи с их авторами.

Необходимо, чтобы при обсуждении и оценке этих книг, как и вообще произведений писателей-земляков, не делалось скидок на то, что они написаны земляками. Критерии идейности и художественности, как важнейшие оценочные критерии в литературе, должны обязательно учитываться в краеведческой работе.

Из большой и широкой темы «Наша область в художественной литературе» для занятий литературно-краеведческого кружка правомерно выделить более узкую тему: «Наш город (район) в художественной литературе и искусстве». Много материалов для такой работы найдется в Иванове и Кинешме. С Кинешмой, например, связаны

преображенного революцией. Они узнают и не узнают Иваново-Вознесенск, Шую, Москву — так изменились эти города.

жизнь и творчество А. Н. Островского, А. Ф. Писемского, А. А. Потехина, Д. А. Фурманова. Здесь производились съёмки ряда кинофильмов по пьесам Островского («Гроза», «Бесприданница») и М. Горького («Васса Железнова»). Недалеко от Кинешмы, в Соколове, композитор А. П. Бородин работал над своей знаменитой оперой «Князь Игорь». Художник Б. М. Кустодиев, готовя декорации для «Грозы», приезжал сюда, чтобы писать волжские пейзажи и подлинные кинешемские виды.

Живая и увлекательная краеведческая работа может быть связана с Палехом, тонкое и своеобразное искусство которого получило мировую известность и славу. Эту работу целесообразно развернуть в двух направлениях.

1. Палех в художественной литературе и оценках выдающихся общественных деятелей и писателей.

Необходимо составить альбом с высказываниями о Палехе Чехова, Горького, Луначарского, В. М. Молотова, Н. М. Шверника, Поль Вайяна-Кутюрье, Ромэн Роллана, Станиславского и Немировича-Данченко, Эренбурга, Новикова-Прибоя и др. Эти высказывания помогут уяснить значение палехского искусства. В план следует включить также сбор фольклорного материала о Палехе. В связи с этим интересно прочитать сказ М. Кочнева «Палей и Лелюх», являющийся обработкой предания о происхождении Палеха. В литературном кружке могут быть подготовлены и прочитаны такие сообщения и доклады: «Чехов и Палех»; «Герой романа А. Толстого «Петр I» — Андрей Голиков — живописец из Палеха»; «Образы палешан в произведениях Горького «Встряска» и «В людях»; «Советский Палех в стихах и очерках Д. Семеновского¹ и Е. Вихрева²».

2. Мотивы и образы фольклорных и художественных произведений в творчестве палешан.

Значение краеведческой работы в этом направлении будет состоять в том, что она приобщит учащихся к народному изобразительному искусству и явится средством их эстетического воспитания. Произведения палешан на фольклорные и литературные сюжеты многочисленны. Из фольклора их особенно привлекали к себе сказка, былина и песня, из писателей — Пушкин и Горький. Но мож-

¹ Стих. «Ефиму Вихреву», «Художники», «Палех», «Артель», «Цветы», «Лукоморье» — в сб. «Избранные стихи», Ивгиз, 1946.

² Палех, М., Гослитиздат, 1938.

но сказать, что нет почти ни одного писателя-классика, которого не иллюстрировали бы палешане. Неоднократно обращались они и к произведениям советской литературы («Двенадцать» А. Блока, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Чапаев» Д. Фурманова, «Железный поток» А. Серафимовича, песни М. Исаковского и т. д.). В оформлении палешан выходили книги сказок Пушкина, «Слово о полку Игореве» («Academia», 1934) и другие издания.

Репродукции произведений палешан можно использовать как иллюстративный материал на уроках и во внеклассной работе. Хорошо сделать из них тематические альбомы, подготовить специальную выставку.

Занятия литературно-краеведческого кружка лучше всего завершить экскурсией в Палех, где следует осмотреть музей и художественные мастерские, и тематическим вечером.

В краеведческой работе по теме «Палех» существенную помощь учителю окажут следующие книги: А. В. Бакушинский, «Искусство Палеха», М.—Л., «Academia», 1934; Е. Вихрев, «Палех», М., Гослитиздат, 1938; сб. «Палех», Ивановское книжное издательство, 1954; Г. В. Жидков, «Пушкин в искусстве Палеха», М.—Л., Изогиз, 1937; «Николай Васильевич Гоголь в изобразительном искусстве и театре», М., Государственное издательство изобразительного искусства, 1953 (здесь воспроизведены миниатюры Т. И. Зубковой и А. А. Котухиной на сюжеты Гоголя).

Необходимо всячески поощрять тех учителей, которые систематически проводят параллель между литературой и живописью и тем самым способствуют развитию эстетических вкусов школьников. В этой работе также возможен краеведческий уклон, причем связанный не только с Палехом. На берегах Волги, в Плесе и Юрьевце, творил такой крупный русский художник-реалист, как И. И. Левитан. В Юрьевце писал некоторые свои этюды и картины замечательный пейзажист А. К. Саврасов. Родом из Луха—известные живописцы первой половины XIX века братья Г. Г. и Н. Г. Чернецовы. Фрагмент их картины «На Марсовом поле», изображающий Пушкина, Крылова, Гнедича и Жуковского, часто воспроизводится на открытках, в иллюстрированных изданиях Пушкина, плакатах и пособиях, изданных в помощь школе. На него следует обратить внимание учащихся. Интересно, что на

эскизе, изображающем Пушкина, есть пометка Г. Чернецова: «Рисовал с натуры». Одно из произведений Н. Чернецова — «Дарьяльское ущелье» находилось некоторое время в кабинете поэта. Повидимому, он ценил его пейзажную живопись¹.

При изучении творчества Горького и Маяковского необходимо познакомить учащихся с замечательными иллюстрациями к их произведениям об Америке, сделанными нашим земляком лауреатом Сталинской премии Б. И. Пророковым. Эти иллюстрации учитель найдет в сборниках «Маяковский об Америке» и «Горький об Америке», выпущенных издательством «Молодая гвардия» в 1952 г.² С творчеством художника Пророкова можно познакомиться по книге «Борис Иванович Пророков» (издательство «Советский художник», 1953, вступительная статья А. Каменского) и альбому «Борис Пророков. Политические рисунки» (М., Государственное издательство изобразительного искусства, 1954).

В своей работе учитель литературы должен непременно обращаться и к материалам местных музеев: там он подберет наглядные пособия, во время обзорной экскурсии обратит внимание учеников на экспонаты, которые помогут конкретнее представить социально-бытовую обстановку, изображенную в том или ином художественном произведении, помогут уяснить значение некоторых ранее малопонятных слов. В принципе возможно и проведение уроков в музеях по отдельным темам.³

В Ивановском краеведческом музее сосредоточено много ценных экспонатов, знакомство с которыми будет способствовать расширению кругозора учащихся, а так-

¹ О художниках Чернецовых см. статью П. Галкиной «Братья Чернецовы», «Рабочий край», 1948, 18 апреля, № 78.

См. также очерк Г. В. Смирнова «Г. Г. Чернецов и Н. Г. Чернецов» в кн.: Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников первой половины XIX века. Под ред. А. И. Леонова. М., «Искусство», 1954, стр. 545—570.

² Некоторые из иллюстраций Б. И. Пророкова к произведениям Горького об Америке воспроизведены в альбومه «Образы Горького в иллюстрациях советских художников», М., «Искусство», 1954.

³ См., например, статью М. А. Горюхина «Урок литературы в краеведческом музее» («Литература в школе», 1954, № 6, стр. 57—62), а также главу о литературных экскурсиях в книге В. В. Голубкова, «Методика преподавания литературы», изд. 5-е, М., Учпедгиз, 1952.

же более глубокому уяснению литературы. Это в первую очередь относится к произведениям живописи XVIII и XIX веков, которые, будучи сопоставлены с классицизмом и реализмом в литературе, помогут создать обобщенное представление о стиле и некоторых особенностях различных видов искусства в отдельные эпохи. Во-вторых, в музее есть материалы, имеющие непосредственное отношение к литературе, отдельным писателям: древнерусские рукописные книги, один из лучших портретов Н. В. Гоголя работы художника Ф. А. Моллера (писан с натуры в Риме в 1840 г.; в настоящее время экспонируется на Всесоюзной гоголевской выставке), автограф Л. Толстого и ряд других толстовских материалов, письмо А. П. Чехова поэту Трефолеву, большая выставка, посвященная Д. Фурманову, его документы, некоторые рукописи и т. д.

Во время экскурсии в музей (а такую экскурсию могут организовать не только городские школы, но и сельские) школьники, несомненно, заинтересуются тем, что относится к писателям, которых они изучают. Особенно их заинтересуют толстовские материалы. История поступления их в Ивановский музей вкратце такова.

Ивановский фабрикант Д. Г. Бурьин, желая прослыть культурным человеком и меценатом, организовал музей. Для музея он скупал художественные изделия, картины, коллекции текстильных рисунков, собирал автографы великих людей и т. п. С целью пополнить коллекцию автографов фабрикант стал добиваться встречи с Л. Н. Толстым. В 1908 г. он побывал в Ясной Поляне. Во время беседы он сообщил великому писателю, что намеревается открыть при своем музее читальню. Это послужило поводом для следующей записи, которую сделал в книге музея Л. Н. Толстой:

*«Желаю успеха устройству читальни
для жителей Иваново-Вознесенское.*

Лев Толстой.

9 ноября 1908 г.»

Однако, добившись от Толстого автографа, Бурьин своего обещания не выполнил¹.

Этот эпизод ярко характеризует Л. Толстого как на-

¹ См. Ю. Глебов, История одного автографа, «Рабочий край», 1953, 9 сентября, № 178.

Кр 28762

родного писателя, искренне заинтересованного в просвещении широких слоев трудящихся. С другой стороны, он не менее ярко характеризует и Бурлыгина как «просвещенного» эксплуататора-фабриканта.

Кроме записи в книгу музея, Бурлыгину удалось получить от Толстого одно письмо, несколько страниц романа «Воскресение» с авторской правкой и ряд мемориальных вещей, связанных с празднованием 80-летнего юбилея писателя. В музее хранится также несколько писем жены Толстого Софьи Андреевны.

Наряду со всем изложенным выше, объектом краеведения в школе может служить природа. В произведениях, с которыми знакомятся школьники, часто встречаются описания природы, в том числе и описания нашей средне-русской природы (у Некрасова, А. Островского, Чехова и других писателей). Надо научить учащихся любить и понимать природу. Образцом для них в этом отношении могут служить писатели-классики. При изучении пейзажных произведений методика литературы, как известно, рекомендует проводить экскурсии в природу. Сравнение того, что увидят школьники своими глазами, с тем, как это тонко, метко, с большой чуткостью к прекрасному воспроизведено художником слова, обострит их внимание, наблюдательность, возбудит любовь к родной природе.

Последней цели будут способствовать также подготовка и проведение большого вечера на тему «Волга-матушка река» (или «Волга-русская река» и т. п.). Волга протекает по нашей области на протяжении 200 километров, и наша область по праву может считаться приволжской. С Волгой связаны важнейшие события в русской истории. Она воспета народом в чудесных песнях. Великая русская река вдохновляла на творчество многих выдающихся писателей, поэтов, композиторов, художников.

В пределах нашей области на берегах Волги жили, бывали или творили такие известные представители русской культуры, как А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, А. П. Бородин, Б. М. Кустодиев, Г. И. Невельский, Ф. А. Бредихин, А. П. Чехов, Д. А. Фурманов, А. С. Серафимович (Кинешма и её окрестности), протопоп Аввакум, В. Г. Короленко, А. К. Саврасов (Юрьевец), П. И. Мельников-Печерский (Пучеж), И. И. Левитан (Плес, Юрьевец), Ф. И. Шаляпин (Порошино) и т. д.

Сейчас на Волге, в том числе и в нашей области, идут грандиозные стройки. Советские писатели, художники, композиторы создали немало замечательных произведений, посвященных новой, советской Волге.

Под руководством учителя ученики должны подобрать фольклорный, литературный, музыкальный и живописный материал для докладов в кружке, для вечера и для выставки репродукций картин дореволюционных и советских художников о Волге¹. Несомненно, что эта большая коллективная работа будет полезной во многих отношениях: она позволит учащимся проявить инициативу, познакомит их с интересными, новыми для них произведениями искусства, вызовет чувство гордости за красоту русской природы — Волгу, научит ценить великий преобразующий труд советского человека.

В каком бы плане учитель ни развертывал краеведческую работу по литературе, какими бы материалами ни пользовался, нам хочется здесь предупредить об одном: краеведение в школе не должно стать самоцелью, вылиться в коллекционирование и повлечь к перегрузке учащихся учебной и неучебной работой. Нужно всегда помнить основной педагогический принцип школьного краеведения — подчинение его учебно-воспитательным задачам школы. Местный материал надо использовать для конкретизации и иллюстрирования более широких и общих положений, выдвигаемых в процессе коммунистического воспитания и обучения. Отправляясь от этого материала, необходимо подводить учащихся к обобщениям и выводам, имеющим не только узко-местное значение. Не следует забывать и того, что по своему содержанию и методике краеведческая работа должна соответствовать уровню развития и подготовки учащихся, учитывать их возрастные особенности.

Главным образом краеведческая работа строится как внеклассная и внешкольная (на уроке можно сообщить лишь минимум самых важных и интересных краеведческих сведений). Поэтому в проведении её следу-

¹ См. сб. «Волга — река русская», Саратов, 1954.

ет опираться на комсомольскую, пионерскую и ученическую организации, всеми мерами их активизировать, способствуя пробуждению и развитию творческой инициативы и самостоятельности пионеров и школьников.

В настоящей статье не ставится задачей подробно рассказать о формах и методах краеведческой работы в школе: об этом учитель узнает из рекомендованной ниже литературы. Здесь мы ограничимся лишь перечислением возможных видов работы.

Центром литературного краеведения в школе должен стать литературно-краеведческий кружок. В зависимости от местных условий и возраста учащихся кружок проводит следующие виды работы: собирает произведения устного народного творчества и предметы народного прикладного искусства; записывает воспоминания, рассказы, предания об исторических и литературных деятелях, о знатных земляках; выявляет архивные материалы, изобразительные материалы, мемориальные вещи и предметы, могущие быть наглядными пособиями; организует экскурсии или туристические походы по пути героев тех или иных произведений;¹ проводит экскурсии в места, где жил писатель или которые он описал, делает зарисовки и фотографирование этих мест;² составляет карту литературных мест края (материалы для «литературной карты» области имеются в настоящем сборнике — см. «Приложение»), альбомы с отрывками из художественных произведений, в которых описывается родной край, книжки и справочники с биографиями земляков — деятелей литературы и искусства; проводит встречи с ме-

¹ Школьники нашей области могут, например, провести интересный поход по пути героев поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Герои этой поэмы странствовали в пределах Ярославской, Костромской и Владимирской областей, недалеко от границы этих областей с Ивановской областью. Маршрут похода поможет определить статья А. Попова «Топография поэмы «Кому на Руси жить хорошо» («Литература в школе», 1946, № 2). О задачах и методике организации литературно-туристических походов см. В. Д. Седов, Литературно-туристические походы, сб. «Из опыта учителя литературы», Учпедгиз, 1951, стр. 356—372.

² Такие экскурсии можно провести в места, где жили А. Н. Островский и Д. Фурманов; за пределами области, в близлежащие пункты — в Ярославль и Карабаху (места пребывания Н. А. Некрасова), в Горький, по памятным местам А. М. Горького (домик Каширина, литературный музей им. Горького и др.).

стными писателями; устраивает тематические вечера;¹ литературные конференции, доклады и сообщения о писателях-земляках, чтение их произведений; организует выставки, выпускает специальные бюллетени, рукописные журналы или стенгазеты; организует конкурс на лучшее сочинение о природе нашего края; обсуждает спектакли местного театра и т. д.

Важно, чтобы деятельность литературно-краеведческого кружка должным образом оформлялась и оставалась в школе как материал для литературного отдела **школьного краеведческого музея**. А такой музей может быть создан усилиями всего педагогического коллектива школы, при условии, если краеведение является составной частью работы всей школы.

Работа по краеведению в школе пойдет успешней, если больше будет тем комплексного характера. В ряде случаев, например, при разработке тем «Наша область в художественной литературе», «Революционная борьба ивановских рабочих в литературе», «Волга-матушка река» и других, учитель литературы должен установить тесный контакт с учителями истории, географии и других предметов.

¹ Например, на такие темы: «Устное народное творчество нашего края», «Писатели-ивановцы», «А. Н. Островский и наш край», «Д. А. Фурманов», «Революционные события 1905 г. в нашей области и их отражение в художественной литературе и фольклоре», «Палех и художественная литература», «А. М. Горький и наш край» и т. д.

В. А. БАРТЕНЕВ

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО. ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Устное поэтическое творчество, являющееся началом искусства слова и выражающее мировоззрение народа, его мечты и стремления, представляет глубокий интерес и само по себе, и как один из основных источников нашей отечественной литературы.

Велика познавательная и воспитательная ценность устного народного творчества.

Воспитание у юного поколения советских людей пламенного патриотизма, беззаветной любви к родине, являющееся одной из основных задач нашей школы, практически осуществляется ею прежде всего посредством углубленного изучения своей страны, истории народа. А подлинную историю народа, как убедительно говорил А. М. Горький на I Всесоюзном съезде советских писателей, нельзя знать, не зная устного народного творчества. Данное положение в полной мере распространяется и на изучение родного края: ведь в местном фольклоре в той или иной степени отразилась жизнь, характерная для всего нашего народа как в его прошлом, так и в настоящем.

Отсюда в системе краеведческой работы, проводимой в школах Ивановской области, определенное место должно занять и устное народное творчество нашего текстильного края. Работа в этом направлении может получить известное отражение и в процессе классного изучения устного народного творчества, и в занятиях соответствующих кружков (краеведческого, литературного, исторического), организуемых в школе.

Произведения устного народного творчества в настоящее время, в соответствии с программой, изучаются

лишь в 5—6-х классах. В порядке классной работы программой предусмотрено рассмотрение ряда произведений и дореволюционного фольклора, и устного народного творчества советской эпохи, а именно: песенной лирики, дореволюционных сказок и сказов пооктябрьского времени, а также малых форм устного народного творчества: загадок, пословиц и поговорок.

На наш взгляд, целесообразно, приступая к беседе о сущности устного народного творчества (это предусмотрено школьной программой), довести до сведения учащихся, что поэтические произведения, создававшиеся в прошлом и продолжающие создаваться в настоящее время, творились и нашими земляками, широко распространяясь среди трудящихся Ивановской области.

В процессе изучения соответствующих жанров устного народного творчества полезно, наряду с предусмотренными программой произведениями, прочитать в классе или рассмотреть в порядке кружковой работы и те произведения, которые записаны на территории нашей области. Это тем более необходимо, что в школьных хрестоматиях 5 и 6-х классов приведено очень небольшое число текстов устнопоэтических произведений, посредством которых нельзя создать у учащихся достаточно полное представление о богатстве русского народного творчества. Данное положение относится ко всем жанрам устного поэтического творчества как традиционного (дореволюционного), так и современного (советского).

Тексты фольклорных произведений, записанных на территории Ивановской области, до сих пор не опубликованы в особом сборнике. Поэтому ниже мы приводим ряд таких произведений. Большая часть из них записана студентами Ивановского педагогического института в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы, некоторые же были напечатаны на страницах областной газеты «Рабочий край».

Значительное место в общей сокровищнице русского народного творчества занимает песенная лирика. К ней относятся многочисленные и разнообразные песни, содержанием которых является внутренний мир человека, его чувства, переживания, настроения. «Такие песни существуют у всех народов,— писал великий русский критик Н. А. Добролюбов,— но по свидетельству всех занимавшихся исследованием народной поэзии, ни один народ не

отличается такой любовью к пению, как славяне, и между ними русские».

В разделе дореволюционной песенной лирики в хрестоматии для 6-го класса помещено всего лишь три произведения («Весна, весна красная!», «Ах, кабы на цветы не морозы», «Как далече-далеченько, во чистом поле»).

При рассмотрении этого жанра устного народного творчества к ним следует присоединить в указанных нами целях ряд произведений, бытовавших на территории нашей области.

В составе лирических песен, распространявшихся, как пережиток, в широких кругах населения нашей области вплоть до Октябрьского переворота, следует отметить обрядовые песни, календарные и семейно-бытовые. Они сохранились до сих пор в памяти многих пожилых людей, особенно тех из них, которые в молодые годы жили в деревне. Эти песни в пооктябрьское время и, в частности, в течение последних лет записаны в ряде селений Юрьевоцкого, Тейковского, Гаврилово-Посадского, Ивановского и других районов нашей области.

Возникновение календарных песен относится к далекому прошлому и тесно связано с трудовой деятельностью наших предков в области сельского хозяйства. Таковы «колядки», «веснянки», «семицкие», «жнивные» и другие песни.

Так, отмечавшийся в конце календарного года (в дни, когда, по народному выражению, «солнце поворачивает на лето, зима на мороз» и когда крестьянин уже всерьез начинал заботиться о новом сельскохозяйственном годе) праздник коляды обычно сопровождался обрядовыми песнями — «колядками». Их назначением было: посредством словесных образов вызвать представление о будущем щедром урожае.

Первоначальное аграрно-магическое назначение сопровождавших этот праздник обрядов с течением времени стиралось, и в новое время праздник коляды отмечался лишь молодежью, причем с единственной целью — погулять, провести весело время. Молодежь ходила по улицам деревень или окраинам городов и, останавливаясь перед окнами домов, пела песни, которые обычно завершались пожеланием хозяину и всему его дому благополучия. Хозяева обычно выносили колядующим что-

либо из съестного. «Колядование», широко распространенное в дореволюционной России, имело место и на территории Ивановской области вплоть до 1917 года, причем не только в деревнях и поселках, но и в городе Иванове. В предрождественский вечер на окраинах города обычно собирались подростки, которые ходили по улицам и, останавливаясь перед окнами домов, пели:

Коляда-маляда
Накануне рождества.
Тетенька добренька,
Пирожка-то сдобненька
Не режь, не ломай,
Поскорее подавай... и т. д.

В нашем крае и другие календарные праздники, например, пользовавшийся в прошлом большой популярностью так называемый «семик», давным-давно утратили свое прежнее культовое значение. Они превратились в игру и задолго до революции целиком перешли к молодежи, а затем — к детворе. Семик относился к весенним праздникам и отмечался в четверг на седьмой неделе после пасхи. Отсюда происходит и его название. В день семика девушки (а впоследствии — ребята) шли в лес «заламывать» берёзки, а затем, принеся их домой, «завивали», украшая цветными тряпочками или лентами, при этом водили хоровод и пели песни в честь берёзки, знаменовавшей расцвет природы. В одном из районов нашей области в 1937 году был записан такой текст:

Иё, иё, берёзынька, завивайся,
Берёзка, завивайся, кудрява,
К тебе девки идут со яшинками,
Со кокорочками, со сдобными.
Где девки шли, там рожь густа,
Где ребята шли, там и пастбища.

Цикл обрядовой календарной поэзии замыкают жатвенные или жнивные песни. В них отражается завершающий этап борьбы за урожай — жатва хлеба. Работа эта, выполнявшаяся в прошлом вручную, при помощи серпов, главным образом женщинами, была тяжелой, изнурительной. Начиналась она, как правило, «по месяцу», то есть еще при месяце, до восхода солнца, и завер-

шалась поздним вечером. Часто жнеи и ночевали в поле. Обо всем этом так рассказывается в одной жнивной песне:

Жали мы, жали,
Жали, пожинали:
Жнеи молодые,
Серпы золотые,
Нива долговая,
Постать широкая,
По месяцу жали,
Серпы поломали,
В краю не бывали,
Людей не видали.

К календарным песням очень близки хороводные игровые песни, в своеобразной форме, при помощи пантомимы и художественного слова воспроизводящие процесс крестьянского труда и исполнявшиеся сельской молодежью в часы досуга. Такова песня, отражающая приемы обработки льна, широко бытовавшая среди крестьянского населения нашей области и сохранившаяся в памяти многих тружеников и тружениц деревни до сего времени:

Под дубравую лён, лён,
Под зеленою лён, лён.
Уж я сеяла, сеяла ленок,
Уж я, сея, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой ленок,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!..» и т. д.

В календарных обрядовых песнях отразилась психика нашего крестьянина-земледельца, в дореволюционное время испытывавшего на себе тяжелую «власть земли». Все его мысли прикованы были к борьбе за кусок хлеба, за существование. О будущем урожае он начинал думать еще глухой зимой, с тревогой и надеждой встречал весну — начало полевых работ (это настроение отражено в песне «Весна, весна красная»), без устали трудился летом над своей узкой полоской, оберегая ее от превратностей погоды, с тем, чтобы, собрав скудный урожай,

большую часть его отдать своим «дольщикам»: царю, помещику и попу.

Семейно-бытовые обряды и соединенные с ними песни, а также поэтические плачи и причитания сложились в прошлом, главным образом, в крестьянской среде в результате таких явлений народного быта, как свадьба, рекрутчина и похороны родственников.

Особенно сложен был свадебный обряд, что определило и богатство сопровождавших его песен.

В различных районах Ивановской области записано немало свадебных песен, плачей и причитаний. Вот текст, недавно записанный одной из студенток Ивановского педагогического института в Середском районе от крестьянки М. Н. Кулагиной (84 лет):

Не в трубоньку трубят рано по заре —
Девушка плачет по русой косе.
Вечор моя косанька в мылинке была:
Родимая матушка головку мыла,
А милые подруженьки чесали, плели,
Чесали головушку гладко-наглядко.
И всю мою косаньку жемчугом низали,
И всю-то мою русую золотом обвивали.¹
Приехала сваханька немилостива,
Стала мою косаньку рвать-порывать,
Весь-то с моей косаньки жемчуг спускала,
Все-то с моей русой золото развивала.
Разделила мою косаньку на шесть прядочек,
Запдела из косаньки две русы косы.
Положила косаньку поверху головы.
Вот тебе, косанька, век вековать,
А тебе, милая, в девках не бывать,
С подружками не гуливати,
По малинку в лес не хаживати,
Цветочков не рвати, веночков не свивати.

В последних словах этой песни подчеркивается особо тяжелое положение замужней женщины-крестьянки, которая, неся общую кабалу, обязана была, кроме того, как говорил Н. А. Некрасов, «до гроба рабу покоряться».

¹ Упоминание о жемчуге и золоте, которыми якобы «обвивали» косу крестьянской девушки-невесты, следует представлять условно, как своеобразный поэтический прием. (В. Б.)

Еще более глубоко и ярко положение широких крестьянских масс в старое время отразилось в народных песнях о крепостном праве. Вот одна из них, запечатлевшая страшные картины жизни крестьян на территории нашей области в условиях «крепости». Песня эта была записана в одном из селений Гаврилово-Посадского района в середине 30-х годов. Дабы создать целостное впечатление от этой песни, мы воспроизводим ее полностью:

При селе было, при Турбаеве,
У помещика-князь Демидова.
Мужики его из окрестных сел
И дворовые люди хмурые,
И рабочие с барской фабрики
Возводили соруженьице:
Холм из глины круглый, конусом
Насыпали за усадьбою.
И копали за селом пруды
Для развода рыб
К столу барскому.
А дорогу вдоль садов цветных
Насыпали галереями.
Глину вязкую, песок с гравием
От реки-то Кзы, из-под Юркова,
Подвозили лошадьми сюда.
И в холме том, что у речки Кзы,
Были вырыты ямы страшные,
Те, что волчьими прозываются.
Лошадей-то здесь мужики мучили,
Мужиков господа секли розгами,
Баб и девок били плетками.
Холм насыпали — барин пир задал,
Пир богатый, с вином, с яствами,
Не крестьянам, а помещикам.
И с того ж холма наблюдал наш князь,
Как работают да на барщине
Крепостные его милости.
Марью Уськову, Варьку Власову
За работу их на ржаном поле
Закопал барин в землю по груди...
Всю-то ноченьку они мучились,
Страшно было им, тяжело в земле,

К утру бедные помешались.
А роженицу села Юркова
Степаниду Патрикееву
По приказу князя-барина
От борзой суки молодых щенят
Грудью выкормить да принудили,
А ребенка у ней отняли.
А кузнец Степан, тот, что сватался
К Варьке Власовой, на цепи сидел,
На цепи сидел в темном погребе...
Не стерпели тут люди честные —
Против князя, против изверга
Все поднялись на восстание,
И с рабочими, и с дворовыми
Осаждали князью вотчину...
Так-то жил народ на Руси святой,
В нашем крае, при помещиках.¹

В том же селении, где бытовала эта песня, была записана и лирическая «протяжная». В ней говорится о положении замужней женщины-крестьянки в прошлом. Эта песня может быть приведена в дополнение к помещенной в хрестоматии для 6-го класса песне «Ах, кабы на цветы не морозы»...

Песня отличается большой художественной силой. Для нее характерны те поэтические приемы, которые выработались в русской народной лирике на протяжении длительного исторического времени. Песня эта такова:

Текут, текут слезыньки по белу лицу,
Утираю слезыньки белым платком,
Пташкой-птичкою к маме улечу,
Сяду я у маменьки в зеленом саду,
На любиму яблоньку моего отца;
Горькими слезами я весь сад потоплю,
И тяжелым горем я весь сад подсушу.
Закукую в садике жалобненько,
Горькими причетами родну мать разбужу.
Матушка по горенке похаживает,
Любезных невестушек побуживает:
«Встаньте вы, невестушки, голубушки мои,

¹ Записана песня Дм. Сивухиным. «Рабочий край» от 8 сентября 1936 г., № 207.

Что в саду за чудо у нас сделалось:
Что у нас зеленый сад без жары засох,
Без дождя без сильного в воде затонул.
Что у нас во садике пташка поет,
Жалобными песнями сердечко мне рвет?»
Старшая невестушка возговорит:
«Что это за пташечка, пойдем-поглядим!»
Средняя невестушка: «Пойдем — изловим!»
А милой-то братец: «Пойдем — застрелим!»
Жена ему молвила: «Пташечку не бей:
Пташечка-кукушечка — сестрица твоя!
Прилетела горькая с чужой стороны,
С чужой стороны, из лихой семьи»...
«Нет же, не безумная сестрица у меня:
Белая, румяная, всегда весела.
Эта же забитая, худа и бледна». —
«Оттого худа-бледна, что в чужой стороне,
А в чужой сторонушке — горькое житье».¹

Наряду с фольклором, который в прошлом бытовал среди крестьянского населения нашей области и кратко нами охарактеризован, устное творчество было широко распространено среди фабрично-заводских рабочих. На нем следует обязательно остановиться в беседе с учащимися.

Вот одна из песен, которая распевалась в старое время среди рабочих Вичуги (впрочем, она с некоторыми изменениями распространялась и на фабриках Московской области). Она начиналась следующими словами:

Лето красное проходит,
Зима морозна настает,
Зима морозна настает —
У фабричных сердце мрет:
Ведь трудится наш рабочий за гроши,
А хозяину приходят целым тыщам барыши... и т. д.

В этом же районе бытовала и ниже приводимая песня. Она представляет большой интерес, так как в ней конкретно и правдиво отражается жизнь наших текстильщиков в прошлом:

¹ Записана М. Орловым в с. Скомово, Гаврилово-Посадского района. «Рабочий край» от 8 сентября 1936 г., № 207.

В три часа народ фабричный
Пробуждается, встает.
Несмотря на выюгу-стужу,
Он на фабрику идет.
Запоздаешь минут десять —
Смотришь, табельщик идет,
Он в расчетный лист заносит
Твой опозданный приход.
За неправильну заводку,
За отбитый ткани край
И за каждую подплетину
Расчетну книжку подавай.
Отстоим мы часов десять —
В ушах воеет и звенит,
Подгибаются колени,
Сон давным-давно валит.
На квартиру мы приходим:
Сырость, грязь и духота,
Запах тяжелей уборной:
Ведь, живем хуже скота.
В каждой хате штук по двадцать,
Как в собачьей конуре.
Летом спим мы на полотах,
А зимой-то на дворе.

В период всеобщей стачки рабочих и в революционные дни 1905—1907 годов среди ивановских текстильщиков получили широкое распространение такие песни, как «Зимушка», «Всероссийский император», «Нагайка» и другие, созданные неведомыми авторами и передававшиеся в порядке устной традиции. Они наполнены большим политическим содержанием, заострены не только против капиталистов, но и против царской власти, во всем поддерживавшей эксплуататоров трудящихся масс. Например, песня «Зимушка» содержала в себе следующие куплеты, исполненные большой неприязни по отношению к царю:

Вся Россия торжествует —
Николай вином торгует.
На столбе висит корона —
Николай-второй — ворона.
От Алтая до Дуная
Нет глупее Николая.

Эта песня обычно сопровождалась припевом:

Эх, эх, доля моя,
Где ты водою заплыла.

Но в некоторых случаях рабочие изменяли этот припев на другой, политически более заостренный:

Эх, эх, русский народ
В тюрьмах весело живет.

В песне «Нагайка» обличалась вся династия Романовых, управлявшая Российской империей при помощи террора:

Нагайка ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.
Царит нагайка всюду,
Сильна в стране родной,
Но ей царя-Иуду
Спасти не суждено.

Наряду с песнями более или менее крупного размера, среди ивановских рабочих было широко развито творчество коротеньких песенок-частушек. Частушки или «припевки» большею частью состоят из четырех строк, они ритмически организованы, как «складные» произведения, и живо откликаются на современную действительность. Так, в частушках ивановских текстильщиков отражено и положение рабочих на капиталистической фабрике, и их выступления против фабрикантов, и различные стороны семейного быта. Вот несколько из этих частушек:

Не кукушечка кукует,
Не соловушка поет —
Родна матушка горюет:
На заводе дочь живет.
Встань-ка, маменька, поутру,
Да послушай на заре:
Не твоя ли дочка плачет
На фабричной стороне.
Дербеневская контора —
Сам буржуй и сыновья,
На него, на злого вора,
Десять лет работал я.

Я поеду в город Шую,
Там куплю гармонь большую
И рабочим, при всем сборе,
Заиграю про их горе.
 Распроклятый подмастерье
 Не уделыват станки.
 Каждый час, каждую минуту
 Разминает челноки,
Разминает, обрывает,
Все ко штрафу вызывает,
А за этот за брачок
Пишут штрафу пяточок.

Забастовочное движение, широко развернувшееся в первую русскую революцию, также не могло не быть отмеченным в частушке:

Корпус длинный, трехэтажный,
Наверху свисток отважный,
Он и свищет, и орет,
А рабочий не идет.
 Ай, люли, ай, люли,
 Не работают мюли,
 И не слышно банкаброш,
 День-то стачечный хорош.
У Гарелина-купца
Стоит фабрика пуста,
На дворе собаки лают,
А рабочие гуляют.

Великая Октябрьская социалистическая революция, освободившая трудящиеся массы России от ига капитализма, ознаменовалась, как говорил В. И. Ленин, прекрасным размахом народного творчества во всех областях жизни: хозяйственной, политической, культурной. Этот размах сказался и в развитии устного художественного творчества.

Произведения советского фольклора разнообразны по жанрам, причем наиболее актуальными из них являются сказы, песни, частушки, пословицы и поговорки. От них веет дыханием новой жизни, они запечатлели отдельные этапы борьбы советского народа за социалистический строй, в них выражена твердая уверенность в том, что

здание коммунистического общества в нашей стране будет построено.

Естественно, что в некоторых произведениях устного народного творчества, созданных в пооктябрьский период, мы обнаруживаем и отзвуки прошлого, в частности, отдельных эпизодов революционной борьбы. Они отражены в так называемых мемуарных сказах, представляющих собою живые воспоминания о прошлом. В программе для 6-го класса отмечаются сказы о Ленине и Сталине. На территории нашей области, в Тейковском районе, в 1936 году от одного из активистов колхоза А. С. Иванова записан рассказ. В нем дается воспоминание о М. В. Фрунзе, скрывавшемся в 1906 году в одной из деревень Тейковского района от преследования царских властей. Приводим этот рассказ полностью:

«Наша деревня Марьино стоит в стороне от проезжего тракта, а от железной дороги — в тридцати километрах. Она окружена с трех сторон крупным хвойным лесом, который доходит до самых задворок.

В то время деревня состояла из тридцати дворов: половина бедняцких хозяйств, половина — середняцких. После подавления народного восстания в 1905 году царская полиция и жандармы начали всюду преследовать вождей, пролетарских ораторов, ссылать, сажать в тюрьмы, предавать мучительным пыткам. В самое это время нашу деревню и посетил Михаил Васильевич Фрунзе.

Стоял жаркий июльский день. Небо предвещало грозу. Касатки с пронзительным криком летели низко над землей. Вот послышался далекий раскат грома, потянуло теплым ветром, потемнело. В это время в деревню вошел незнакомец. Был он невысокого роста, в простом пиджаке, в картузе с высоким околышем. На вид не более двадцати пяти лет. Открытая, радушная такая улыбка. Поздоровавшись с мужиками, попросился переночевать. Меня особенно заинтересовал незнакомец. Новое, думаю, что услышу. Пригласил его к себе.

После ужина мы пошли покурить на завалинку. Весть о незнакомце облетела уже всю деревню. К нам приходили все новые и новые мужики. Беседа сначала не вязалась, незнакомец пылливо вглядывался в лица. Окольным путем узнав, что в деревне для него нет опасных людей, он постепенно перевел разговор на внутренние события. Рассказал, как народ, не имея больше сил

терпеть, пошел 9 января к царю с иконами и попом. Но царь их встретил пулями, казачьими шашками.

Оставшись со мной наедине и убедившись из беседы, что опасность ему от нас не грозит, незнакомец мне объяснил: зовут его Михаил Васильевич Фрунзе, а пришел он сюда с целью на некоторое время скрыться от глаз жандармов и полиции, которые его всюду разыскивали, чтобы арестовать. Я согласился оставить его у себя и обещал держать это втайне. День Фрунзе проводил в лесу, а на ночь являлся ко мне. После каждого ужина у нас с ним заходили долгие беседы.

Прожив у меня тайно две недели, он объявил об устройстве митинга. Об этом сообщено было в соседние деревни: митинг собрался. Опрокинув кверху дном бочку, Фрунзе поднялся и обвел собравшихся внимательным дружелюбным взглядом. Гул умолк — и вот его первые слова:

— Товарищи! Что у нас происходит в России? Крестьяне мучаются в кулацкой кабале, рабочие задыхаются от непосильной работы. На фронте гибнут наши братья и сыновья, а царь пирует, стреляет в беззащитную толпу, сажает в тюрьмы тех, кто говорит правду. Долой царя, не надо нам кровопийцев!..

— Не давайте оброков,— продолжал Фрунзе,— не отпускайте своих сыновей в солдаты. Объединимся с рабочими и свергнем царя, буржуев, эксплуататоров и угнетателей трудового народа!..

И долго над толпой носились слова, зовущие к бою и к великому делу. Наконец, толпа колыхнулась: «Верно, верно, правда...» А старухи боязливо крестились и терли подолом красные от слез глаза.

Когда на небе загорелись яркие звезды и хлынувшим с лугов туманом освежило толпу, она стала расходиться.

После этого Фрунзе скрылся, и мы слышали о нем лишь после революции».¹

Отражая отдельные этапы, пройденные советским народом в послеоктябрьский период, устное художественное творчество в нашей области особенно живо откликнулось на события революционного времени.

В лирических песнях и, прежде всего, в частушках передаются решающие события первых лет великой

¹ «Рабочий край» от 16 августа 1936 г., № 188.

революции, связанные с защитой завоеваний Октября, когда «большевистская партия поднимает рабочих и крестьян на отечественную войну против иностранных захватчиков и буржуазно-помещичьей белогвардейщины»¹.

Ты не плачь, чужая тетка,
Не грусти, родная мать,
Разобью белогвардейцев
И приду домой опять,—

так говорится в одной из частушек того времени. В дальнейшем мотивы защиты социалистической Родины красной нитью проходят через всю народную песенную лирику. Так, в середине 30-х годов в селениях Палехского района распевались такие частушки:

Полно, милка, по мне плакать,
Понапрасну слезы лить —
В Красну Армию иду я
Своей родине служить.
 Не тужи по мне, мамаша,
 И не плачь напрасно:
 Власть Советов защищаю
 И живу прекрасно.

А в частушке, записанной в селе Новлянском, советские люди предупреждают:

Коль войны захочет враг,
Все мы встанем в тот же час,
Ведь сухой в патроне порох
И штыки остры у нас.

Одновременно трудящиеся упорным трудом на хозяйственном фронте создают материальную основу для победы над врагами:

Посмотри-ка, заграница,
Какова у нас пшеница,
О войне затеешь речь,—
Что ни зернышко — картечь.

Эта частушка записана в селе Шипова Слободка, Гаврилово-Посадского района. Здесь же пели такие частушки, которые отразили различные стороны нового быта в колхозной деревне:

¹ История ВКП(б). Краткий курс, 1952, стр. 236.

Я куплю себе трюмо —
Мой доход избыточный,
Потому что очень-очень
Наш колхоз зажиточный.
 Наши песни голосисты,
 Долетают до небес,
 Я на курсы трактористов
 Завтра еду в МТС.
В наш колхоз приехал трактор:
Сразу труд заспорится.
Через год — какое чудо! —
Урожай утроится.

Глубокое отражение в устном народном творчестве нашей области получила Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Народная поэзия этого времени воплотила огромный патриотический подъем советских людей, их любовь к родине и ненависть к врагу, глубокую веру в то, что наше правое дело победит. В сказе, записанном одной из студенток Ивановского педагогического института от старой колхозницы Дарьи М. (76 лет) в деревне Анисимово, Лежневского района, так говорится о причинах войны и о том отпоре, который готовил советский народ фашистским захватчикам:

«Хорошо, привольно мы до войны жили-то... И думали: ничто не в силах нарушить жизни нашей, счастливой такой да радостной. Да не давала покою наша радость светлая лиходеям чужестранным. Крикнул тут пес-атаман Гитлер ихней-то: «Пошли на Рассею походом. Всю землю трупами застелем, реки быстрые кровью наполним, истребим всех русских в одну неделюшку, погуляем там, дескать, вволюшку, все богатство их нам достанется». Зашипели тут гады ползучие, с огнем и мечом они к нам пришли, дым от пожарищ небо застлал. Но люди-то советские не стали рабами. Собрался народ наш в единый кулак, в упор врага встретил, не выскажешь как. «Бей без пощады врага» — говорили советские люди и били крепко его, по-русскому били».

Такими словами начинается сказ, а затем повествуется о героической борьбе советских людей в тылу и на фронте.

В песнях, бытовавших в порядке устного поэтического творчества на территории нашей области в годы Великой

Отечественной войны, художественно отражены отдельные драматические эпизоды этого времени. Такова песня «Зина», записанная в 1948 году в одном из селений Родниковского района, где она распевалась на мотив «По долинам и по взгорьям»:

Солнце жжет, тиха долина,
Отгремел далекий бой.
«Где ж ты, дочка, где ж ты, Зина,
Что случилось с тобой?

Иль твое не слышит ухо,
Иль дошла ты до беды?
Отзовись! Твоя старуха
Принесла тебе воды».

Дочь лежит, не отвечает,
Не выходит наперед.
Мать родную не встречает,
Ключевой воды не пьет!

Спит она под солнцем жгучим,
Спит она с ружьем в руке
На сыпучем, на горячем,
Окровавленном песке.

Платье девичье измято,
И растрепана коса,
И, не двигаясь, куда-то
Смотрят черные глаза.

Мать сама глаза закрыла,
Молчалива и грустна,
Мать сама ее зарыла
У зеленого куста.

Положила серый камень
На могилушку ее.
Прядь волос взяла на память
И еще взяла ружье.

И по горным перекатам,
По пескам и по камням
За своим пошла народом,
За советским войском,

За страну нашу родную,
За советские дела,
И за воду ключевую,
Что не выпита была.

Послевоенный период мирного строительства получил также яркое художественное воплощение в устном творчестве трудящихся нашей области. Особенно большое развитие приобрели частушки, которые, как известно, обладают свойством быстро откликаться на современность. Наряду с лирическими припевками, среди них немало и таких, которые выражают народное мнение по вопросам хозяйственным и политическим, готовность по ударному трудиться и самоотверженно защищать любимую родину. Вот некоторые частушки, записанные студентом Ивановского педагогического института П. Рогозиным в течение 1952—1954 годов:

Ждать подачек от природы
Не намерен наш народ,
Он природу в переделку
По-мичурински берет.
 Воевать мы не хотим,
 Мир со всеми мы крепим,
 А затеют с нами спор,
 Дать сумеем мы отпор.
В небе звезд красивых много,
Небо бесконечное,
Но среди них красивой нету,
Чем пятиконечная.
 Скоро, скоро день желанный —
 Все на выборы пойдем,
 И о партии любимой
 Много песен пропоем.
Милый в армию поедет,
Я тогда ему спою:
«Защищай страну Советов,
Береги любовь свою!»

Немалый интерес представляют и пословицы, которые, как говорил М. Горький, «образцово формируют весь жизненный социально-исторический опыт трудового народа». Вот некоторые из них, записанные в последнее время в разных районах нашей области:

«Народы Советской страны дружбой и братством сильны».

«Хороша нива только у коллектива».

«От ленинской науки крепнут разум и руки».

«Сражайся смело за родное дело».

«Никогда море не высохнет, никогда народ с пути не собьется».

Эти пословицы учитель может привести в 5-м классе в связи с объяснением материала, посвященного советским пословицам, выражающим «мнение народное».

Учитывая огромную ценность изучения устного народного творчества, создавшего наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев, учителям-словесникам не следует ограничиваться только занятиями с учениками средних классов. Они должны вести эту работу и с учащимися старших классов, сосредоточив ее в литературном или краеведческом кружке. Здесь можно организовать и углубленное изучение местного фольклора на основании собранных и опубликованных уже материалов, и собственную собирательскую и исследовательскую работу.

Проводя занятия первого рода, полезно, в частности, обратить внимание учащихся на интересный факт перевоплощения песен литературного происхождения в процессе их бытования в народе в порядке устного распространения. Как пример этого перевоплощения, можно указать на изменения, которые претерпела на территории нашей области популярная в широких кругах трудящихся песня «Рябина».

В основе ее, как известно, лежит стихотворение поэта И. З. Сурикова, написанное им в 1865 году. Вскоре после опубликования оно широко распространилось в порядке устной передачи в различных районах нашей страны, в том числе и среди населения Ивановской области, став по существу народной песней. Здесь эта песня получила и соответствующее мелодическое оформление. Сопоставляя суриковское стихотворение и бытующую в нашей области народную песню «Рябина», мы отмечаем значительное изменение текста этой песни по сравнению с ее основой. При этом следует отметить, что в устном бытовании, подвергаясь многократной коллективной обработке и шлифовке со стороны исполнителей, которые являются одновременно и своеобразными соавторами, произведение приобрело большую компактность (выпало два четверостишия, повторявшие, но не углублявшие основной мотив стихотворения) и художественную завершенность.

Характерно также, что во многих селениях области,

в частности в Родниковском районе, эта песня исполняется с дополнением к тексту стихотворения И. З. Сурикова, составляющим заключительное четверостишие песни. Оно представляет собою обращение к рябине:

Ты не плачь, рябина,
Горькими слезами,
Вот весна настанет —
Расцветешь цветами.

Нет сомнения, что данная строфа — недавнего происхождения, и в ее светлом, жизнеутверждающем звучании получило известное отражение то оптимистическое мировоззрение, которое типично для свободного народа Советской страны. Не исключена возможность, что и в других областях указанная песня, а равно и иные песни литературного происхождения, подверглись соответствующим изменениям в процессе их бытования в широких кругах трудящихся.

Интересно отметить в связи с этим, что в период Великой Отечественной войны в порядке устного распространения широко бытовали песни, созданные неизвестными авторами из народа и представляющие переработку на современный лад давно распевавшихся песен. Так, студентка Ивановского учительского института З. Меркулова, ныне работающая учительницей в одной из школ областного центра, в период с 1941 по 1946 год записала в Иванове 16 песен, которые представляют собою «современенные» варианты песен «Раскинулось море широко», «Синий платочек», «Когда б имел золотые горы», «Катюша» и другие.

Вот как, например, звучит в измененном виде стихотворение М. Исаковского «Катюша»:

Получил боец письмо из дома —
На его послание ответ,
В том краю любимая, родная
Шлет Катюша ласковый привет.
«Я теперь, — Катюша пишет другу, —
Не хожу на берег, где туман,
Темной ночью, взяв винтовку в руки,
Я ушла с отрядом партизан»... и т. д.

А вот как была переделана песня «Раскинулось море широко»:

Раскинулось поле широко,
И ветры бушуют на нем,
Товарищ, мы едем далеко,
Сражаться с фашистским зверьем.
«Товарищ, я злобу не в силах сдержать,—
Сказал пехотинец танкисту,—
За муки народа, за родину-мать
Отмстим ненавистным фашистам...» и т. д.

Полезно в порядке кружковых занятий с учащимися проследить и другой процесс взаимосвязи литературы и устного поэтического искусства, а именно воздействие последнего на творчество отдельных писателей. В качестве примера такого воздействия можно привести литературные сказы М. Х. Кочнева, созданные в значительной степени на основе бытовавших среди наших земляков устно-поэтических преданий.

Эти сказы в настоящее время получили известность не только среди советских читателей, но и далеко за пределами нашей родины (Китай, Чехословакия, Германская Демократическая Республика). Учителям-словесникам их можно использовать в кружковой работе с учащимися, одновременно сделав и соответствующую справку о них в 5-м классе при изучении народных сказок.

Важнейшей и интереснейшей формой работы краеведческого характера надо признать разыскание и запись фольклорных произведений в районе нахождения школы и места жительства учащихся. Такая работа практикуется, например, в школах Ильинского района.

Работа эта должна проводиться учащимися под руководством учителя, причем в основу ее необходимо положить установленные принципы записи произведений устного народного творчества. Они изложены в инструктивном письме Союза советских писателей и сводятся к следующему.

Прежде всего нужно стремиться к точности записи. Всякий, интересующийся поэзией, знает, что творение того или иного поэта не допускает произвольного искажения не только слов, но даже часто отдельного звука, так как при этом может исказиться смысл и разрушиться стихотворный размер. Такое же внимание к каждому отдельному слову и звуку требует и народная песня. Однако поспеть при записи за словами песни одному человеку бывает трудно. Для того, чтобы не было искажений

и пропусков, рекомендуется производить запись не одному человеку, а несколькими сразу, а затем, проверяя друг друга, уже составить отдельный текст.

Опыт показывает, что запись песен и частушек лучше всего делать «с голоса», во время нормального исполнения песни, а не под специальную диктовку или пересказ. Пересказывая песню без напева, певец невольно может сбиться с ритма, невольно пропустить слово и разрушить весь песенный склад. По этим же причинам не рекомендуется во время исполнения песен перебивать певца, переспрашивать его. Лучше попросить его несколько раз спеть одну и ту же песню. То же правило следует соблюдать и при записи художественной прозы, сказок, легенд, преданий, сказов, т. е. устных рассказов о своей собственной жизни, о гражданской и Великой Отечественной войнах, о социалистическом строительстве и т. п.

Далее не надо забывать, что каждый сказочник или рассказчик является не только автором, но и художником-исполнителем, своего рода артистом. Многие в сказке о пережитом зависят от того, в каком настроении находится рассказчик, так сказать, в ударе или нет, охотно ли рассказывает. Сказка у хорошего сказочника-мастера может быть подлинным художественным произведением, когда рассказчик передает ее с любовью, непринужденно.

Поэтому при записи сказок и сказов, как и при записи песен, желательно не перебивать плавной речи рассказчика вопросами. Лучше после восстановить недослышанное, непонятное, перечитав запись рассказчику. Так как многие сказки и рассказы очень длинны, к тому же некоторые рассказчики говорят их довольно быстро, одному человеку, даже опытному в фольклорных записях, записывать рассказ будет трудно, — поэтому желательно и тут производить запись коллективно, небольшой группой лиц, с последующей взаимной проверкой.

Собранные при помощи учащихся фольклорные материалы необходимо подвергнуть рассмотрению в кружке, отмечая лучшие по содержанию и точности записи, выясняя вопросы, связанные с обстановкой и временем происхождения устнопоэтических произведений, их художественной формой и т. п.

Собирание фольклора является не только увлекательной, но и весьма полезной во многих отношениях работой для учащихся. «Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его», — призывал великий русский

писатель М. Горький. Он рекомендовал записывать не только то, что отражает нашу современность, но и прошлое, ибо «чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче и тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего».

Привлекая к собиранию произведений устного народного творчества прежде всего учащихся, учителя в этой работе должны опереться также на актив местных клубов, домов культуры, изб-читален, библиотек.

В дальнейшем на основе собранного материала можно создать в школе, при краеведческом музее или в методическом кабинете, «уголок фольклора» с соответствующей выставкой произведений устного народного творчества данного района.

Материал этот следует постоянно пополнять и пользоваться им в учебных целях всем учителям школы или района.

**

Связи с краевым материалом можно установить и при изучении в школе древней русской литературы.

Прежде всего необходимо указать на величайший памятник литературы древней Руси — «Слово о полку Игореве». Поэтическое переложение этого произведения на современный русский язык, наряду с другими писателями, сделано нашим земляком — Д. Н. Семеновским. Работой поэта над «Словом» интересовался М. Горький. «Слово» в поэтическом переложении Д. Н. Семеновского, получившее положительную оценку в печати, выпущено Ивановским областным издательством в 1939 году, причем книга весьма искусно проиллюстрирована художником-ивановцем И. Т. Колочковым. Оно включено также в сборники избранных стихов поэта. «Плач Ярославны» в переводе Семеновского вошел в издание «Слова о полку Игореве» в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., «Советский писатель», 1952 г.). Во вступительной статье к этому изданию отмечается, что поэтическое переложение «Слова» Семеновским относится к числу лучших в советской литературе (стр. 40).

Замечательное художественное оформление «Слова о полку Игореве» сделано по инициативе А. М. Горького

для издательства «Academia» выдающимся художником Палеха И. И. Голиковым. Им были выполнены не только иллюстрации к «Слову», но и созданы переплет, форзац, титул, заставки, концовки и написан весь текст литературного памятника для литографского его воспроизведения. На этом преподавателю литературы обязательно следует остановиться при изучении «Слова о полку Игореве» в 8-м классе.¹ Издание «Слова» в оформлении И. И. Голикова в настоящее время является библиографической редкостью, но его все же можно найти в Палехском музее и в ряде крупных библиотек области (например, в областной библиотеке, Ивановской городской библиотеке им. Горького и др.). Репродукции титульного листа этого издания и картин И. И. Голикова, художественно иллюстрирующих содержание «Слова» («Боян», «Князь Игорь и Ярославна», «Войско князя Игоря в походе»), даются в серии диaposитивов к «Слову о полку Игореве», выпущенных Главучтехпромом Министерства просвещения РСФСР в 1954 году.

В целях непосредственного ознакомления учащихся со старинными русскими книгами и рукописями, бывавшими на территории нашей области, учителям ивановских школ полезно совершить экскурсию с учениками в областной краеведческий музей.

Обследование архивных материалов музея, недавно проведенное научными сотрудниками Института русской литературы (ИРЛИ) Академии наук СССР, показало, что в нем находится до 600 рукописей, 186 старопечатных книг XVI—XVIII веков и около 170 рукописных документов, часть из которых имеет более чем пятисотлетнюю давность. Многие из этих материалов представляют большую научную ценность, как, например, первые издания русского первопечатника Ивана Федорова, которые в настоящее время не найдешь даже во многих крупнейших книгохранилищах Советского Союза. Отдел древнерусской литературы ИРЛИ подготовил обзор всех этих материалов, с которым учителя и могут ознакомиться в X томе «Трудов» отдела. С учащимися можно провести беседу о содержании этих материалов, имеющую большое значение в плане краеведения.

¹ Подробные сведения об этом издании «Слова» учитель найдет в книге П. Куприяновского «А. М. Горький в общении с ивановцами», Иваново, Облгиз, 1950, стр. 52—54.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

При изучении творчества великого русского драматурга А. Н. Островского учитель, как правило, привлекает дополнительный материал к школьному учебнику по литературе. Основными пособиями, которыми пользуются учителя, являются статьи Н. А. Добролюбова, книги А. И. Ревякина «Гроза» А. Н. Островского» (М.—Л., Академия педагогических наук, 1948) и «А. Н. Островский. Жизнь и творчество» (Учпедгиз, 1949), книга А. И. Дубинской «А. Н. Островский. Очерк жизни и творчества» (Академия наук СССР, 1951).

Большую роль в углубленном раскрытии творчества Островского может сыграть и краеведческий материал. С нашим краем Островский связан и своей жизнью, и деятельностью, и творчеством. Он считал себя природным волжанином и неоднократно называл себя жителем Кинешемского уезда. Он любил наши места. Это нашло отражение в его дневниках, письмах, произведениях. Наш край дал драматургу богатейший материал для наблюдений и был источником многих его пьес.

Краеведческий материал, связанный с А. Н. Островским, учитель может использовать и на уроке и на внеклассных занятиях, главным образом, на занятиях литературного кружка. На уроке сообщаются лишь самые необходимые краеведческие сведения.

Учащимся можно сообщить, что род Островских исконно волжский. Дед драматурга окончил Костромскую духовную семинарию и был священником в самой Кост-

роме. В Костроме, где жили его родственники, А. Н. Островский часто бывал.

Посещал Островский и другие города Волги: Тверь, Рыбинск, Ярославль, Кинешму, Нижний Новгород. Особенно часто бывал он в Кинешме.

Частое посещение Кинешмы вызывалось тем, что недалеко от города (в 20—23 километрах) находилась его усадьба Щельково, где он проводил летнее время в течение последних 20 лет. Небольшая усадьба Щельково, Кинешемского уезда, Костромской губернии, была куплена отцом драматурга в конце 1847 года. Вскоре Николай Федорович перебрался в усадьбу с семьей и стал заниматься сельским хозяйством.

Первый раз Александр Николаевич Островский приехал в Щельково 25-ти лет, когда им уже были написаны «Несостоятельный должник» (отрывок из незаконченной тогда комедии «Банкрот»), «Картины семейного счастья» и «Записки замоскворецкого жителя». Он продолжал работать над комедией «Банкрот», озаглавленной впоследствии «Свои люди — сочтемся». Комедия писалась медленно, с трудом. Писатель решил на время оставить работу и съездить отдохнуть на Волгу.

В апреле 1848 года Островский совершил свое первое путешествие из Москвы до Щелькова. Он ехал через Переяславль, Ярославль, Кострому.

Костромское и Кинешемское Заволжье с изумительно красивой Волгой, дремучими вековыми лесами и людьми могучего характера произвело на начинающего драматурга неотразимое, незабываемое впечатление. Возвратившись в Москву, драматург энергично принялся за свою комедию, и вскоре она была закончена. Комедия «Свои люди — сочтемся» имела исключительный успех. Она принесла Островскому известность, выдвинула его в ряд передовых русских писателей. Итак, первый творческий успех Островского был в какой-то мере связан с поездкой за Кинешму.

Впечатления, вызванные первым знакомством с великой русской рекой и ее людьми, глубоко запали в душу Островского и пробудили в нем интерес и любовь к Волге.

В 1856 году Островский вместе с группой литераторов принимает живейшее участие в научно-этнографической поездке по Волге, организованной Морским министерством.

В экспедицию Островский сначала не был привлечен, он узнал о ней случайно от писателя А. А. Потехина, уроженца Кинешмы. Для исследования Островский взял всю верхнюю Волгу от самых ее истоков до Нижнего Новгорода, Потехин — от устьев Оки до Саратова¹.

Исследование верховьев Волги дало возможность драматургу внимательнее присмотреться к жизни русского народа, ближе познакомиться с бытом, нравами и устным народным творчеством приволжского населения. Это путешествие еще более сроднило Островского с Волгой и с людьми, живущими на ее берегах, дало богатый материал для творчества.

С первой поездки Островский не мог забыть Щелыково. Но после смерти отца в 1853 году имение досталось мачехе. Только в 1867 году Александр Николаевич с братом Михаилом Николаевичем сумели выкупить у мачехи усадьбу. И вот, с 1867 года до конца жизни драматург каждое лето проводил в Щелыкове. Приезжал он сюда ранней весной (иногда в апреле) и жил в нем до поздней осени (иногда до октября).

Щелыково неразрывно связано с именем Островского, как Ясная Поляна — с именем Толстого. Здесь драматург создал многие пьесы: «Лес», «Последняя жертва», «Волки и овцы», «Таланты и поклонники», «Бесприданница», «Поздняя любовь», «Правда хорошо, а счастье лучше», «Трудовой хлеб», «Сердце не камень», «Комик XVII столетия».

Ознакомление учащихся с фактами связи Островского с нашим краем поднимет у них интерес к изучению его жизни и творчества.

**

На занятиях литературного кружка целесообразно поставить доклад «Островский в Щелыкове». Ученикам, работающим над таким докладом, можно порекомендовать следующие работы: И. Власов, «Островский в Щелыкове» (журнал «Рабочий край», 1935, № 3), Ю. Добряков, «Усадьба в Костромском лесу» («Огонек», 1946,

¹ Следует отметить, что между А. Н. Островским и А. А. Потехиным были близкие отношения. Островский сыграл значительную роль в писательской судьбе последнего. См. статью Дм. Проккофьева «А. А. Потехин» в сб. «Писатели текстильного края», Ивановское книжное издательство, 1953.

№ 30), А. Часовников, «В усадьбе драматурга» (сб. «А. Н. Островский, 1823 — 1948 гг.», Кострома, ОГИЗ, 1948), П. Пашков, «Милое Щельково» («Огонек», 1948, № 13), Н. Мезенина, «Народный любимец» («Рабочий край», 1948, № 73), Д. Волгин, «За Кинешмой» («Ивановский альманах», 1950, № 13), М. Мезенин, «Город Кинешма» (Иваново, книжное издательство, 1954).

Назначение подобного доклада состоит в том, чтобы дать представление о личности Островского и восполнить в этом отношении школьный учебник.

В докладе надо остановиться на роли Щелькова в жизни Островского.

«Милое Щельково», «Наше великолепное Щельково», — так называл писатель свою усадьбу. И только в ней он чувствовал себя дома. Здесь он отдыхал от тревог и волнений напряженно-беспокойной московской жизни, от материальной нужды, которая, несмотря на всероссийскую известность, постоянно преследовала его. Собираясь на Волгу Островский начинал еще зимой. Особенно с нетерпением ждал он поездки в свое Щельково в последние десять лет, когда здоровье от интенсивной работы сильно пошатнулось. «Одна надежда на Щельково, только бы как-нибудь дотянуть до весны», «только о том и думаю, как бы поскорее уехать в деревню» — подобные замечания неоднократно повторяются в его письмах того времени.

Щельково благотворно действовало на Островского, укрепляло его силы. По воспоминаниям друзей, писателя «среди этих красот природы» видели «здоровым и жизнерадостным».

Рассказ о пребывании Островского в Щелькове дает возможность показать, как драматург любил родную природу.

Щельково расположено в красивой местности. Дорога к нему идет по крутому обрыву. Дом Островского стоит на высокой горе. Оттуда перед драматургом открывались живописнейшие виды. В большой солнечной долине прихотливыми лентами бегут две реки — Куенга и Сендега, быстрые, извилистые и шумливые. Видна и более спокойная река Мера, текущая в красивых берегах. А за реками видны холмы, овраги, за которыми спряталась где-то Волга, видны и леса, громадные, дремучие, тянущиеся на десятки верст.

Александр Николаевич любил щельковские места. Он называл их настолько «удивительными», что «никак не выдумаешь ничего подобного». «...Что за реки, что за горы, что за леса!.. — восклицает он в своем дневнике. — Если бы этот уезд (Кинешемский — О. М.) был подле Москвы или Петербурга, он бы давно превратился в бесконечный парк, его бы сравнивали с лучшими местами Швейцарии и Италии»¹.

Жизнь писателя в Щелькове дает возможность судить о драматурге как о простом, доступном человеке. Во взаимоотношениях с крестьянами ярко проявлялись его душевная простота, мягкость, гуманность.

Ученику, готовящему доклад «Островский в Щелькове», следует обратиться к воспоминаниям современников писателя: жителей села Николо-Бережки И. И. Соболева, А. М. Зерновой и жительницы Кинешмы М. И. Ивановой.

По воспоминаниям современников, Островский часто встречался с крестьянами, бывал в их избах, подолгу беседовал о «жизье-бытье», задушевно относился к крестьянским детям. Он старался всемерно облегчить жизнь крестьян: давал им бесплатно лес, помогал большим семьям. Так, у А. М. Зерновой была огромная семья (8 человек), и Островский «покупал одежду детям, платил за обучение». Писатель научил грамоте И. И. Соболева, которого называл своим «любимым учеником»². Современники вспоминают Островского как человека «большой души, хорошо знавшего и понимавшего простого русского человека».

В крестьянах Островский видел не только людей, судьбу которых надо облегчить, но и строгих судей своего труда. Потому он нередко читал им свои пьесы, советовался с ними, приглашал в домашний театр на любительские спектакли. Душевное волнение крестьян при просмотре его пьес доставляло Островскому большую радость.

¹ А. Н. Островский, ПСС, М., Гослитиздат, 1952, т. XIII, стр. 185. В дальнейшем все ссылки будут даны в тексте по этому изданию А. Н. Островского.

² Воспоминания Соболева и Зерновой приводятся в статье А. Часовникова «В усадьбе драматурга», сб. «А. Н. Островский, 1823—1948 гг.», Кострома, 1948. Воспоминания Ивановой приводятся в статье Н. Мезениной «Народный любимец», «Рабочий край», 1948, № 73.

Островский был общительным, гостеприимным, жизнерадостным человеком. Щелыково охотно посещалось друзьями и знакомыми драматурга — писателями, художниками и артистами. Часто бывали в усадьбе известные артисты Малого театра — Садовские, Ф. А. Бурдин, И. Ф. Горбунов, приезжал писатель-этнограф С. В. Максимов и др. Особенно много гостей собиралось 30 августа, в день именин Островского. В этот день читались отрывки новых пьес, ставились домашние спектакли.

Следует отметить отзывчивость, добросердечность драматурга, охотно помогавшего нуждающимся писателям и артистам.

От своих житейских невзгод приезжал отдохнуть в Щелыково писатель Е. Дрианский, доживавший жизнь в нищете. Островский старался облегчить жизнь провинциального актера — бедняка Загорского. Заботливо и чутко отнесся он к начинающему драматургу Н. Я. Соловьеву, пригласил его на лето в Щелыково, выхлопотал ему ссуду в «Обществе русских драматических писателей и оперных композиторов», работал вместе с ним. В течение четырех лет (1876—1880 гг.) совместно они написали пьесы: «Счастливые день», «Женитьба Белугина», «Светит, да не греет», «Дикарка». До конца своей жизни он продолжал помогать Соловьеву: делился своим опытом, поправлял его пьесы, способствовал их постановке на сцене.

Материал о пребывании Островского в Щелыково является прекрасным доказательством исключительного трудолюбия писателя. Освещение этого вопроса на уроке или на занятии литературного кружка имеет для учащихся большое воспитательное значение.

Щелыково было местом самой усиленной и плодотворной работы писателя. Каждое лето он писал здесь новую пьесу, а иногда и две. Здесь он трудился над переводами, сочинял оперные либретто для композиторов, писавших на сюжеты его произведений.

Для работающих над темой «Островский в Щелыкове» можно порекомендовать дневниковые записи писателя за 1867 год (т. XIII, стр. 262—271). Из них видно, что, несмотря на болезнь, Островский за лето перевел и приспособил для сцены комедию итальянского писателя Итало Франки «Великий банкир», Т. Чикони «Женатые овечки», перевел комедии Гольдони «Обманщик» и «Вер-

ный друг». Для композитора П. И. Чайковского он написал либретто оперы «Воевода»; для композитора А. Н. Серова писал либретто оперы «Вражья сила» на сюжет пьесы «Не так живи, как хочется». Кроме того, этим же летом он писал историческую пьесу «Василиса Мелентьева».

Письма из Щелькова также свидетельствуют об упорной работе драматурга. В письмах к друзьям он сообщает, что работает «день и ночь до упаду», работает, «не разгибая спины». 9 июня 1879 года он писал Н. Я. Соловьеву: «...я знаю, что я бы поправился, если бы имел возможность отдохнуть от работы и от всякой думы месяца два или три, но об этом и мечтать нельзя. Я, как Вечный Жид, осужден постоянно итти, итти без отдыха» (т. XV, стр. 146). «Работаю я непрерывно и много, — пишет он в июле 1881 года, и не только конца работы, но даже не вижу впереди и возможности отдохнуть хоть немного» (из письма к Н. Я. Соловьеву, т. XVI, стр. 19). За два года до смерти он писал, что у него столько работы, что почти не выходит из комнаты, «разве на несколько минут в сад».

Последние годы Островский был очень болен. Болезненное состояние перед отъездом в Щельково в последний год жизни усилилось еще и потому, что писатель простудился, в результате чего ревматические боли усилились, по целым часам он не мог пошевеливаться. Для близких было ясно, что дни Александра Николаевича сочтены. Но даже в таком состоянии писатель не переставал усиленно работать: читал, наблюдал, писал, переводил, даже думал о поездке из Щелькова в Нижний Новгород. Работал Островский до последнего дня своей жизни. Утро 2 июня 1886 г. (день смерти писателя) стало его за работой. Островский умер за своим письменным столом в кабинете.

Островский был связан не только с Щельковым, но и с городом Кинешмой. На занятиях литературного кружка было бы интересно поставить тему «Островский в Кинешме». Особый интерес эта тема вызовет в школах г. Кинешмы и Кинешемского района.

Разрабатывая эту тему, можно очень ярко и доступно раскрыть еще важную черту облика драматурга — большую склонность к общественной деятельности.

В учебнике по литературе для 9-го класса есть некоторые сведения об общественной деятельности писателя. Сообщается, что по его инициативе основывается «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым», организуется «Артистический кружок» и «Общество русских драматических писателей и оперных композиторов».

Но этим далеко не ограничивается многосторонняя деятельность писателя. Важно подчеркнуть, что общественная деятельность связывала его не только с театральным миром, но и с миром простых людей: крестьян, мещан, мелких чиновников.

В 1872 году Островский единогласно был избран почетным мировым судьей по Кинешемскому уезду. Он с увлечением занимался уездными делами и в течение 14 лет посещал судебные заседания. Бедняки города Кинешмы и Кинешемского уезда нашли в знаменитом писателе своего заступника.

Деятельность Александра Николаевича в роли почетного мирового судьи способствовала его сближению с кинешемцами. Кинешемцы любили великого драматурга и гордились его именем. Среди них были у него друзья и близкие. В Кинешме, например, жил его друг по рыбной ловле местный лесничий Виссарион Верховский. Предполагается, что он под именем Аристарха выведен в комедии «Горячее сердце».

В работе над темой «Островский в Кинешме» следует использовать указанную выше книжку М. Мезенина «Город Кинешма». Эта книжка даст представление об одном из самых древних городов нашей области, имеющем большую и славную историю. Из нее учащиеся узнают и о Кинешме времен Островского, о роли писателя в жизни города.

**
*

Краеведческий материал дает учителю возможность конкретно показать Островского как реалиста и народного писателя.

В заметке об английском писателе Ч. Диккенсе Островский писал: «Для того, чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине... надобно еще знать хорошо свой народ, сойтись с ним покороче, сродниться» (т. XIII, стр. 137).

Это требование к народному писателю Островский сумел воплотить в своем творчестве. Пьесы Островского, по верному замечанию Н. А. Добролюбова, «служат выражением народной жизни, народных стремлений».¹ Пьесы Островского Добролюбов назвал «пьесами жизни». В них были нарисованы реальные картины русского общества, они отражали типичное, главное в жизни.

В своем творчестве Островский шел от жизненных наблюдений, от живых образов, от глубокого изучения быта и психологии народа. В основу его творчества легла сама русская жизнь, из которой он черпал сюжеты, образы, язык. Его отличало, как говорил Добролюбов, «глубокое понимание русской жизни и великое умение изображать резко и живо самые существенные ее стороны».²

Органическая связь с народом, выражение народных интересов, превосходное знание быта и психологии народа, близость к революционерам-демократам,— вот что сделало Островского народным писателем, писателем-демократом.

Русскую жизнь Островский изучал не только в Москве. Он изучал ее и на Волге, в волжских городах, в заволжской глуши. Волга, на берегах которой разыгрывались тяжелые человеческие драмы, дала драматургу богатство человеческих характеров, указала новые темы. Многие его пьесы, особенно написанные в Щелькове, связаны с волжским районом нашего края, с его историей, жизнью, людьми, природой. С нашим краем связана историко-патриотическая пьеса «Козьма Захарьич Минин-Сухорук».

Путешествие по Волге в 1856 году повысило интерес драматурга к истории русского народа. Здесь зародились у Островского планы написания исторических пьес. Древние русские города — Тверь, Ярославль, Кострома, Юрьевец, Кинешма, Нижний Новгород воскресили в воображении писателя картины битв на Волге, героические страницы далекого прошлого родной страны.

Особенно заинтересовало его начало XVII века, время борьбы русского народа с интервенцией польской шляхты. В борьбе за национальную независимость роди-

¹ Н. А. Добролюбов, Луч света в темном царстве, Соч., т. II, стр. 331.

² Там же, стр. 310.

ны большую роль сыграли жители Кинешмы, Решмы, Юрьевца, Луха. В 1609 году в Кинешме организуется народное ополчение. Кинешма была местом неоднократных битв ополченцев Кинешмы и Решмы с войском польской шляхты. Жестокие бои с польскими захватчиками происходили и на территории Лухского и Юрьевоцкого районов.

Жители нашего края принимали живейшее участие в событиях 1612 года. Народное ополчение под предводительством нижегородского старосты Минина и князя Пожарского шло от Нижнего Новгорода через Юрьевец, Решму, Кинешму, Кострому, Ярославль.

Эти события и нашли отражение в пьесе «Козьма Захарьич Минин-Сухорук». В пьесе говорится о том, как волжские места пострадали от иноземцев:

Вот Кинешма, и Лух, и Балахна,
И Юрьевец омылся в крови.

(Д. IV, сц. II, явл. 3)

В пьесе дается точный маршрут движения ополченцев:

...по нашей стороне
Нагорным берегом пойдут по Волге,
На Балахну, на Юрьевец, на Решму.

(Эпилог, явл. 1)

В марте 1612 года народные ополченцы вошли в Кинешму. Кинешемцы торжественно встретили ополченцев Минина. Несмотря на то, что город был разорен и разрушен поляками, жители выделили ополчению деньги и ратных людей.

Продолжая пушкинские традиции исторической реалистической драмы, Островский в пьесе «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» показал решающую роль народа в исторических событиях.

Героями этой пьесы являются Минин и народные ополченцы. Островский воспел ополченцев Минина, подчеркнул их величие и мощь, ненависть к чужеземному игу, готовность к борьбе за свою родину. Среди ополченцев Минина были жители Кинешмы, Решмы и других городов и селений нашей области. В пьесе говорится о крестьянине Григории Лапше, ставшем во главе ополченцев из Решмы.

Минин, знакомя Марфу Борисовну с Лапшой, не забывает заслуг Лапши в борьбе с польскими захватчиками:

...а это Гриша

Лапша, из Решмы, тоже воевода,

Взял мужичков, кой-чем вооружились

Да с богом и пошли на супостата,

И бог помог, себя не осрамили.

(Д. II, сц. II, явл. 2)

Перед выходом ополчения из Нижнего Новгорода Лапша говорит нижегородцу Аксенову, близкому к Минину, что ополченцы на Ярославль пойдут «по нашей стороне», через Балахну, Юрьевец, Решму. Аксенов уверен, что эти места поддержат Минина и тогда ополченцы будут непобедимы:

И любо, братец, будет посмотреть!

Как есть,—река польется. Ваши села

И города, что мелкие ручьи,

Воды прикопят,—взбухнет, пополнеет,

И вдруг широким половодьем хлынет

На супостатов веры православной.

Снесет и смочет их с лица земли.

Лапша подтверждает мысль Аксенова:

Я с решемцами тоже потянуся,

Хоть кучка малая, а все помога.

(Эпилог, явл. 1)

Так исторические события 1609—1612 годов, в которых принимали активное участие жители нашего края, помогли Островскому показать величие и мощь русского народа, его определяющую роль в жизни страны.

На занятиях литературного кружка целесообразно поставить доклад «Участие нашего края в самоотверженной борьбе с польскими интервентами и отражение этих событий в пьесе А. Н. Островского «Козьма Захарыч Минин-Сухорук». При работе над ним нужно воспользоваться помощью и консультациями учителя истории. Доклад на эту тему повысит у учащихся интерес к творчеству Островского, чувство гордости за людей своего края, за его героическое прошлое, будет способствовать развитию навыков самостоятельной работы учащихся. Помощь в работе над таким докладом окажет указанная брошю-

ра М. Мезенина «Город Кинешма» и книга М. Шошина «По родной области» (Ивановское книжное издательство, 1949).

С верхним Поволжьем связана и другая историческая пьеса Островского «Воевода», отразившая жизнь Поволжья XVII века. В пьесе рисуется самодурство воеводы и тяжелое положение крестьян.

Но Волга, ее города и селения привлекали писателя не только своим прошлым. Жизнь в Щелыкове и Кинешме давала обильный материал для создания пьес на современные темы из жизни дворянства, купечества, трудовой интеллигенции.

Щелыково находится недалеко от древнего бойкого тракта Кинешма — Семеновское — Галич. По обе стороны тракта до революции было раскидано много больших и маленьких помещичьих усадеб, которые ко времени Островского под влиянием развития капитализма дробились и скудели. Островский был свидетелем экономического распада и морального разложения дворянства. В Заволжье драматург встречал типы промотавшихся дворян, провинциальных помещиц, властных, жестоких и развратных. Непосредственные наблюдения сыграли большую роль в создании таких пьес, как «Лес», «Волки и овцы», к тому же они и написаны были в Щелыкове.

Очевидно, здесь, в этой глухой лесной стороне, встретил драматург и прообраз Гурмыжской, лицемерной, развратной барыни, занятой своими любовными похождениями, и прообраз Мурзавецкой, помещицы-ханжи, способной на подлог и обман. Жизненные наблюдения Островского над вырождающимся барством, безусловно, способствовали выработке антидворянских взглядов и изображению дворянства и дворянских гнезд без смягчающих тонов.

Многое для своих пьес Островский взял и в Кинешме. Город привлекал Островского богатыми ярмарками, славившимися по всей Волге. На них собирались купцы из Казани, Нижнего Новгорода, Ярославля, Костромы и окружающих районов. По свидетельству современников, Островский любил посещать эти ярмарки.

Кинешма, бывшая типичным уездным городком, привлекала Островского и своим бытом. В ней писателя интересовала не только жизнь дворянства, но и жизнь нарождающейся буржуазии. Постройка железнодорожного пути

от Москвы до Кинешмы в 1871 году способствовала торгово-промышленному развитию города, который во второй половине XIX века становился крупным промышленным центром.

Наблюдения над промышленниками и судовладельцами Кинешмы помогли Островскому создать образы Василькова («Бешеные деньги»), Паратова, Кнурова, Вожеватова («Бесприданница»). Паратов и Кнуров — типичные судовладельцы приволжских городов.

Огромный запас наблюдений над уездной жизнью дали Островскому судебные заседания. Большой интерес драматурга вызвало дело об убийстве мужем на почве ревности молодой жены, бывшей предметом домогательства целой группы богатых людей. Дело разбиралось на судебном заседании в присутствии Островского.

История погубленной молодой жизни не давала ему покоя. Вскоре им была написана пьеса «Бесприданница», страстно обличающая жизнь, где женщина превращается в товар, продается и покупается, разыгрывается в орлянку.

Впечатлениями от Кинешемского уезда, повидимому, навеяны пьесы из жизни провинциального захолустья: «Поздняя любовь», «Трудовой хлеб», «На бойком месте».

С Волгой связано и лучшее творение Островского — пьеса «Гроза». Драма была задумана в 1856—1857 годах непосредственно под впечатлением поездки по Волге.

Поездка по Волге в 1856 году значительно углубила наблюдения Островского над «темным царством», с которым он впервые столкнулся в Замоскворечье. К тому же дикость и самодурство купечества в провинциальных городах проявлялись обнаженнее, чем в столице. В городах Верхнего Поволжья драматург встретился с отвратительными явлениями ничем неприкрытого хищничества, страшной силы денег, купеческой «домостроевщины», бесправного положения женщины, презрения к просвещению и правам человеческой личности.

В «Грозе», пишет исследователь творчества Островского профессор А. И. Ревякин, отразились наблюдения писателя над бытом, нравами и природой Твери, Торжка, Костромы, Кинешмы, Городца. В пьесе сказались впечатления драматурга от кинешемской природы («Видовая панорама первого действия «Грозы» — проекция кинешемской») и от жизни в уездном городке. А. И. Ревя-

кин указывает и на предметные реалии, связывающие «Грозу» с Кинешмой.¹

Насколько картины жестоких нравов, описанные в «Грозе», соответствовали жизни верхневолжских городов, видно из того, что жители Торжка, Ярославля, Костромы, Кинешмы утверждали и утверждают, что в «Грозе» описаны места и события их города.

По мнению старожилов Кинешмы, прообразом Кабанихи послужила местная купчиха Е. Л. Баранова — Бараниха, как ее звали. Это была своенравная, властная, жестокая старуха, которую побаивалась вся Кинешма. Костромичи же настойчиво заявляют, что в основу сюжета драмы легло нашумевшее в 1859 году уголовное дело помещанско-купеческой семьи Клыковых, жившей в Костроме.² Однако, как уже доказали исследователи творчества Островского, события в семье Клыковых, столь близкие к событиям пьесы «Гроза», произошли на месяц позже создания пьесы.

Следовательно, не к чему искать прототипы действующих лиц пьесы. Явления и образы, изображенные в пьесе, были характерны, типичны и для приволжских городов, и для всей страны в целом. Можно говорить лишь о том, что с многочисленными типами «темного царства» Островский особенно близко встретился в волжских городах, и эти наблюдения помогли создать бессмертную драму. «Реальным источником «Грозы», — пишет А. И. Ревякин, — послужила вся совокупность жизненного опыта драматурга, т. е. все его познания о России, в особенности же его впечатления, связанные с поездками в Кострому, с путешествием по Верхней Волге и, в частности, с пребыванием в Кинешме»³.

Все свои симпатии драматург отдал «маленьким» бесправным людям, трудовой интеллигенции, людям из народа. Он был страстным певцом всего честного, благородного и талантливого. «Темному царству» купцов,

¹ А. И. Ревякин, «Гроза» А. Н. Островского, М.—Л., Академия педагогических наук РСФСР, 1948, стр. 98—105 (глава «Реальные источники «Грозы»).

² См. статью Ф. Крошкина «Островский А. Н. и костромские леса», в сб. «А. Н. Островский, 1823—1948 гг.». Кострома, 1948.

³ А. И. Ревякин, «Гроза» А. Н. Островского, М.—Л., Академия педагогических наук РСФСР, 1948, стр. 105.

промышленников, помещиков он противопоставил простых людей: крестьян, разночинцев, учителей, артистов.

С большой симпатией нарисованы образы русских женщин. Это — Катерина в «Грозе», Лариса в «Бесприданнице», Кручинина в пьесе «Без вины виноватые», Параша в «Горячем сердце», Аксюша в «Лесе». Драматург показал душевную чистоту, благородство и силу характера русской женщины.

Разглядеть в жизни положительные силы, способные противостоять «темному царству», помогли Островскому поездки по Волге, жизнь в Щелыкове. На Волге он увидел безысходную нищету и бесправное положение крестьян и городских бедняков. Здесь наблюдал тяжелый труд бурлаков. О бурлаках и бурлацкой песне, рожденной неволей, нуждой и безмерным трудом, говорится в исторической пьесе «Козьма Захарьич Минин-Хохломин». В уста Минина вкладываются такие слова:

Вон огоньки зажглись по берегам.
Бурлаки, труд тяжелый забывая,
Убогую себе готовят пищу.
Вот песню затанули. Нет, не радость
Сложила эту песню, а неволя,
Неволя тяжкая и труд безмерный,
Разгром войны, пожары деревень,
Житье без кровли, ночи без ночлега.
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Все слезы с матушки широкой Руси,
Новгородские, псковские слезы,
С Оки и Клязьмы, с Дона и с Москвы,
От Волхова и до широкой Камы.
Пусть все они в одну сольются песню
И рвут мне сердце, душу жгут огнем
И слабый дух на подвиг утверждают.

(Д. I, сц. I, явл. 3)

В Щелыкове Островский столкнулся с не менее тяжелым крестьянским трудом.

Вместе с тем, на Волге Островский более близко, чем где-либо, познакомился с простыми русскими людьми, которых не смогли сломить ни бесправное положение, ни тяжелая доля.

Еще во время первой поездки в Щелыково в 1848 году

он записал в своем дневнике: «С Переяславля начинается.. земля, обильная горами и водами, и народ и рос- лый, и красивый, и умный, и откровенный, и обязатель- ный, и вольный ум, и душа нараспашку. Это земляки мои возлюбленные, с которыми я, кажется, сойдуь хоро- шо» (т. XIII, стр. 180).

Вскоре по приезде в Щельково он пишет в дневнике: «Я начинаю привыкать к деревне, я обошел почти все ок- рестности, познакомился кой с кем из мужиков, видел крестьянский праздник. И все это хорошо, а лучше все- го природа... А какой народ здесь!..» (т. XIII, стр. 187— 188). Несколько ранее Островский замечает, что здесь «каждая мужицкая физиономия значительна» и что при- рода и люди — «все это ждет кисти, ждет жизни от твор- ческого духа» (т. XIII, стр. 187).

Широкое общение с народом раскрыло перед писате- лем благородную душу русского человека. С чувством на- циональной гордости Островский и показал в своих поло- жительных героях, особенно в Катерине и Кулигине, многие лучшие черты русского характера.

В образе талантливого самоучки Кулигина воплоще- ны наблюдения драматурга над многими русскими людь- ми, в том числе и волгарями. Долгое время считалось, что прототипом Кулигина являлся нижегородский механик- самоучка и поэт Кулибин. А. И. Ревякин в своей книге о «Грозе» указывает, что Островскому не было нужды спи- сывать Кулигина с Кулибина, умершего в 1818 году, так как вокруг себя он видел достаточно много людей, по- добных Кулигину. Среди них были и наши земляки. В Щелькове жил И. Соболев, которого писатель учил гра- моте. Это был искусный столяр, склонный к изобре- тельству. В Кинешме писатель знал механика-самоучку Плугина, который, не читая ничего о паромоходах, не имея руководителей, самостоятельно построил паромоходик. До 1853 года в Костроме, а позже в Москве жил самоучка- механик и писатель П. А. Зарубин, родом из посада Пу- чежа бывшего Юрьевецкого уезда.¹ Имя Зарубина, несом- ненно, было известно Островскому, специально интересо- вавшемуся «отечественными самоучками».

¹ См. о нем статью М. Колосова «П. А. Зарубин», в сб. «Писатели текстильного края», Ивановское книжное издательство, 1953, стр. 33—47.

Не связывая непосредственно образ Катерины с каким-либо конкретным прототипом, все же следует сказать, что он также навеян волжскими просторами, волжским раздольем, силой великой русской реки. Не случайно действие пьес, где изображаются положительные образы русских женщин, в большинстве случаев происходит в волжских городах или в приволжских местах («Гроза», «Бесприданница», «Лес», «Горячее сердце»).

Итак, глубокое знание русского быта, жизненные наблюдения, конкретные факты действительности, в частности, действительности приволжских мест, помогли писателю нарисовать реальные картины русской жизни. Эти наблюдения помогли ему создать «пьесы жизни», пьесы с ярко выраженным национальным характером, органически связанные с нравами русского общества. От конкретных явлений жизни Островский шел к обобщениям, к широкой типизации.

**

Краеведческий материал следует привлечь и при раскрытии своеобразия художественного мастерства драматурга.

В школьном учебнике говорится об искусном использовании драматургом языковых богатств народной поэзии. Но, к сожалению, только говорится. Это положение, столь важное для правильного освещения творчества драматурга, не нашло в учебнике раскрытия. Между тем, интерес Островского к народной поэзии, творческое использование ее в произведениях есть проявление любви драматурга к народу, выражение его демократического мировоззрения.

Островский был высоким ценителем устного народного творчества. Оно было для писателя лучшим доказательством таланта, богатства внутренних сил русского народа.

Произведения устного народного творчества помогли писателю проникнуть в гущу народных мыслей и переживаний.

Островский собирал, изучал устное творчество народа не только по книжным источникам, а и непосредственно в самой жизни. В этом отношении очень многое дала ему связь с волжскими местами.

Надо остановиться на том, как Островский относился к народной поэзии и на том, что и как из народной поэзии он использовал в своем творчестве. К этим вопросам целесообразно привлечь внимание большого количества учеников, а может быть, и всего класса. Много полезного узнаете, работая над такой темой, найдут в книжке Л. А. И. Орлова «А. Н. Островский и фольклор Ивановской области» (Иваново, 1948).

Прежде всего, следует обратить внимание на отношение Островского к народной русской песне. Он слушал ее дома, в семейном кругу, среди друзей, на Волге, в Щелькове, на кинешемских ярмарках. Искусными исполнителями народной песни были первая подруга писателя Агафья Ивановна, его приятели Т. И. Филиппов и А. Григорьев. Пел песни и сам писатель.

Настоящее, серьезное изучение народной песни драматургом связано с Волгой. Еще во время первой поездки в Щельково Островский познакомился с волжскими народными песнями. Его в восторг привели «восхитительные» песни бурлаков. 28 апреля 1848 года он записал в дневнике: «Мимо нас бурлаки тянули баржу и пели такую восхитительную песню, такую оригинальную, что я не слыхивал ничего подобного из русских песен». В этот день он снова пошел на Волгу и снова его поразила бурлацкая песня: «Мы стоим на крутейшей горе, под ногами у нас Волга, и по ней взад и вперед идут суда то на парусах, то бурлаками, и одна очаровательная песня преследует нас неотразимо. Вот подходит расшива, и издали чуть слышны очаровательные звуки; все ближе и ближе, песня растёт и полилась, наконец, во весь голос, потом мало-помалу начала стихать, а между тем уже подходит другая расшива и разрастается та же песня. И так нет конца этой песне» (т. XIII, стр. 183, 185).

Народными волжскими песнями наслаждался драматург и позднее, в Щелькове. В волжских песнях раскрывалась и удаль волгарей, и душевная красота русских людей, и тяжкая бурлацкая доля, и сердечная тоска.

Островский был не только настоящим знатоком, но и собирателем и хранителем народной поэзии. Путешествуя по Волге в 1856 году с композитором К. П. Вильбоа, Островский записывал народные песни. В результате в

1860 году были созданы два сборника песен. Народные песни драматург собирал до конца жизни. По воспоминаниям современников, в Щелыкове Островский любил посещать народные гулянья, где слушал старинные русские песни, а также сам собирал крестьян из окрестных деревень и просил их петь. Многие песни он просил повторять несколько раз и записывал их.

Народная русская песня в пьесах Островского занимает большое место. Многие его пьесы песенные. Нужно остановить внимание учащихся главным образом на пьесах «Бедность — не порок», «Доходное место», «Гроза», «Снегурочка».

Ряд песен, включенных в пьесы Островского, можно найти в сборниках народных песен 1860 года. Так, в сборниках есть песня «За реченькой, за быстрою». Эту песню писатель использовал в пьесе «Бедность — не порок», д. II, явл. 5. В сборник была внесена самим Островским юмористическая песня: «Я на камушке сижу, я топор в руках держу». Эту песню исполняет в пьесе «Не так живи, как хочется» кузнец Еремка (д. III, явл. 3).

Ряд песен, использованных в пьесах Островского, продолжает бытовать в нашем крае, что подтверждается позднейшими записями, в частности, записями А. И. Орлова. Такова песня «Лучинушка», которую исполняет Жадов в пьесе «Доходное место» (д. III, явл. 4).

Волжские песни, которые Островский слышал от бурлаков, воспроизводятся в пьесах «Тушино» и «Воевода». Максим Редриков («Тушино») исполняет бурлацкую песню «Прикажи-ка нам, хозяин» (сцена 4). В отношении «Воеводы» драматург сам признавался, что две волжские песни дали толчок к созданию этой пьесы. Одна из таких песен — «Кормилица ты наша, мать родная».

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты нас поишь, и кормишь, и лелеешь!
Челом тебе! Катись до синя-моря
Крутым ярам да красным бережочкам
На утешенье, нам на погулянье!
Недаром слава про тебя ведется,
Немало песен на Руси поется,
А всех милей: по матушке, по Волге!
Вниз по матушке, по Волге,

По широкой, славной, долгой,
Взбушевлася погодка
Немалая, волновая.

(Д. IV, явл. 3).

Нельзя пройти мимо и такого вопроса, как сила воздействия волжской песни на русского человека. Это Островский с исключительной убедительностью показал в своей исторической пьесе «Козьма Захарыч Минин-Сухорук». Из Москвы «от разоренных и плененных братьев» пришли гонцы звать нижегородцев на помощь. Минин обращается к воеводам и просит их возглавить народ, но воеводы «и слышать не хотят. Не их, вишь, дело». Минина «оборвали, обругали». Расстроенный Минин идет на Волгу. Что делать? «Народ страдает, кровь отмщенья просит». Но кто подымет, «кто поведет народ. Он (народ — О. М.) без вождя, как стадо робкое, рассеян розно». Но «в старину бывало», думает Минин, «в годы тяжкие народных бедствий» выходили вожди и из народа. Темнеет, по берегам зажглись огоньки, то бурлаки после тяжелого труда готовят ужин.

«Вот песню зятянули». Не радость, а «неволя тяжкая и труд безмерный» сложили эту песню. И эта бурлацкая песня, в которой слились «все слезы с матушки широкой Руси», окончательно убедила Минина самому встать во главе народа.

... Я чувствую неведомые силы,
Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братьев —
И грудь в бой кровавый и последний,
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего Кремля грозит вам Минин.

(Д. I, сц. 1, явл. 3).

Следует также обратить внимание учащихся на широкое использование драматургом народных обрядов, явившихся для Островского богатым источником изучения народной жизни. В народных обрядах его привлекала поэтичность, высокая художественность, драматизм действия. Многие из них писатель наблюдал в наших местах. Потому-то так любил он праздничные гулянья и так охотно посещал их, когда жил в Щелыкове.

Народные обряды особенно широко использованы в поэтической сказке-пьесе «Снегурочка», целиком сотканной из мотивов и образов устной народной поэзии. Основной чудесной сказки являются обряды и песни, которые наблюдал писатель в Заволжье.

Массовые сцены пьесы насыщены песнями, играми, обрядами. В пьесе подробно изображен обряд проводов зимы берендеями (проводы масленицы), а также обряд летнего праздника «семика».

Весенняя сказка заканчивается встречей Ярилина дня, радостным приветствием берендеями появления Солнца-Ярилы. В Костромском и Кинешемском Заволжье долгое время проходили «Ярилы гулянья». Записи в дневнике показывают, что Островский знал и тщательно изучал этот праздник. В дневнике 1867 года он записывает: «11-го июня — Ярилин день». По воспоминаниям И. И. Соболева, в Троицын день у ключа в Ярилиной долине устраивались народные гулянья. Здесь девушки и парни водили хороводы, пели народные песни. Соболев помнит, как на гулянье приходил Островский со всем семейством.¹ Название местности «Ярилина долина» до сих пор сохранилось в Островском районе, Костромской области (долина за рекой Куекшей).

Очень часто в своих произведениях драматург использовал народные пословицы и поговорки. В них он видел отражение мудрости, опыта народа. Исследователи творчества Островского указывают на наличие более 350 пословиц и поговорок в его пьесах. Пословицами часто озаглавливались сами пьесы. Огромная часть пословиц и поговорок, встречаемых в пьесах Островского, бытовала в приволжских местах Ивановской области.

Краеведческий материал полезно использовать и при определении роли пейзажа в пьесах Островского. Как уже указывалось, Островский очень любил русскую природу, особенно волжский пейзаж. Видами на берегах Волги восторгался писатель еще во время первой поездки в Щельково, о чем говорит дневник этой поездки. Волжской природе писатель посвящает вдохновенные строки. Передавая свое впечатление от ярославского берега при переезде через Волгу, он записывает: «По луговой стороне виды восхитительные: что за села, что за

¹ А. Часовников, В усадьбе драматурга, сб. «А. Н. Островский. 1823—1948 гг.», Кострома, 1948, стр. 58.

строения». Виды костромского берега он находит «очаровательными». Красота волжских берегов волновала его до слез. Описывая, как он любовался в Костроме Волгой, Островский замечает: «Тут я, признаюсь, удержаться от слез был не в состоянии... Описывать этого вида нельзя... Тут все: все краски, все звуки, все слова... Тут небо от самого яркого блеску солнечного заката перешло через все оттенки, до самой загадочной синевы, тут Волга отразила все это небо, да еще прибавила своих красок...» (т. XIII, стр. 184). Через несколько дней, когда к впечатлениям от Волги добавилось впечатление от живописных щельковских мест, Островский писал: «Здесь все вопиет о воспроизведении...» (т. XIII, стр. 187).

Волжский пейзаж получил воспроизведение в пьесах драматурга, особенно в драме «Гроза». Волга в значительной части пьес является местом действия. Действие во многих пьесах («Гроза», «Горячее сердце», «Лес», «На бойком месте») происходит в городе Калинове (или около него), являющемся типичным волжским городом.

Островский в своих пьесах воспел красавицу Волгу. Кулигин («Гроза») пятьдесят лет каждый день любит Волгу и налюбоваться не может. «Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! — восторженно говорит он Кудряшу. — Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется».

Большой интерес учащихся может вызвать тема «Волжский пейзаж в пьесах Островского». Эта тема частично может быть раскрыта самим учителем на уроке (при изучении «Грозы»), в основном же на занятиях литературного кружка. При работе над этой темой следует осветить такие вопросы: как относился драматург к природе Волги, в каких пьесах действие происходит на Волге, в каких Волга упоминается, как использован в его пьесах волжский пейзаж, какую роль он играет в произведении, как пейзаж Волги помогает художнику в обрисовке своих персонажей и в раскрытии идейного содержания пьесы.

При работе над этой темой нужно использовать указанные дневниковые записи писателя, которые дадут представление об отношении писателя к Волге. В заключение неплохо составить альбом из высказываний самого Островского о природе Волги и из отрывков его пьес, в которых описывается родной край.

**
*

Краеведческий материал может быть использован в 9-м классе и при раскрытии заключительной темы по творчеству Островского — «Значение Островского».

Островский сыграл огромную роль в жизни города Кинешмы. Для кинешемской интеллигенции середины XIX века Островский был символом всего передового и прогрессивного. С именем Островского связана история Кинешемского театра. Было бы полезно, в порядке кружковых занятий, познакомить учащихся с историей театра, с тем, какую роль в его развитии играли пьесы Островского. Материал по истории Кинешемского театра частично приведен в рекомендованной книжке М. Мезенина.

Говоря об отношении советского народа к наследию и памяти великого драматурга, следует подчеркнуть отношение к памятным местам нашего края, связанным с именем Островского. Именем Островского в Кинешме назван не только театр, но и школа и улица. К дому великого русского драматурга не заросла «народная тропа». В тридцатые годы в усадьбе Щельково был создан дом отдыха Московского Академического Малого театра. С 1953 года усадьба Островского стала домом отдыха Всероссийского Театрального общества. В доме Островского устроен музей, вещи писателя бережно хранятся. Каждый год, особенно летом, сюда съезжаются экскурсанты. Среди посетителей бывшей усадьбы Островского не только артисты, но и ученые, и рабочие, и колхозники, и студенты, и школьники. Сюда приезжают из самых различных мест нашей необъятной страны, всех влечет усадьба создателя бессмертных творений. Советские люди отдают дань уважения и глубокой любви тому, кто сумел воспеть красоту русского человека и кто сделал так много для создания русского национального театра.

**
*

В итоге изучения творчества А. Н. Островского желательно провести ряд мероприятий.

Большую пользу учащимся принесет литературная экскурсия в некоторые места нашего края, где жил и бы-

вал Островский и которые описаны в его произведениях. Маршрут этой экскурсии можно определить так: Кинешма, Щельково. В Кинешме следует познакомить учащихся с театром, а также с двумя каменными часовнями, построенными на месте братских могил в память самоотверженной борьбы кинешемцев с польской шляхтой в 1609 году (одна — в парке завода им. Калинина, другая — на торговой площади).

В Щелькове учащихся надо познакомить с домом-музеем Островского, с кабинетом, где он творил и умер. где сохранились вещи писателя: стол с канделябрами, кресло, дорожный ящик для рукописей. Надо показать щельковские места, столь любимые писателем: беседку между сосен — любимое место работы и мельничную запруду — место рыбной ловли. Надо сводить учащихся в щельковскую школу, выстроенную дочерью Островского Марией Александровной Шателен. После Щелькова следует зайти в небольшое село Николо-Бережки, где был похоронен Александр Николаевич.

Здесь, на сельском кладбище, стоит скромный морской памятник с надписью:

Александр Николаевич

Островский

Родился 31 марта 1823 года

Скончался 2 июня 1886 года.

Учащиеся во время этой экскурсии могут сделать зарисовки, фотоснимки, описания памятных мест; запишут воспоминания, предания и рассказы об Островском, бережно хранящиеся в народе.

Результаты такой экскурсии надо оформить в виде стенной газеты и рукописного альбома. Можно сделать рукописный альбом или журнал («А. Н. Островский в Щелькове» или «А. Н. Островский и наш край») даже в том случае, если не удастся провести подобную экскурсию. Такой журнал будет завершением всей работы по Островскому. Сюда могут войти выдержки из проведенных докладов, образцы народной поэзии, использованной драматургом, отрывки из пьес, где дается описание родного края, фотографии и зарисовки памятных мест (фотографии и зарисовки можно взять в работах, указанных на стр. 48—49, особенно в сб. «А. Н. Островский. 1823—1948 гг.», Кострома, 1948 г.).

В итоге всего желательно провести литературный вечер «А. Н. Островский и наш край». Литературный вечер будет лучшим показателем всей работы, проведенной учителем-словесником и учащимися по изучению творчества Островского.

К вечеру следует выпустить номер стенной газеты, где рассказать о своей работе и подвести итоги ее. Очень хорошо к вечеру приготовить рукописный альбом и специальный сборник ученических работ о жизни и творчестве Островского. Желательно, кроме того, организовать выставку фотоснимков и зарисовок памятных мест.

Раскрытие биографических и творческих связей А. Н. Островского с нашим краем поможет учителю сделать облик великого драматурга более доступным, близким и вместе с тем более дорогим.

В. Г. КОРОЛЕНКО

Жизнь и творчество В. Г. Короленко не выделены в школьной программе для монографического изучения. Однако с именем и произведениями Короленко учащимся приходится встречаться неоднократно. В 5-м классе изучаются «Дети подземелья»; в 9-м классе в обзорной лекции о литературе конца XIX века нельзя не сказать о его творчестве; при изучении жизни и творчества М. Горького в 10-м классе также нельзя не упомянуть о Владимире Галактионовиче как об одном из первых и замечательнейших литературных учителей великого пролетарского писателя — основоположника советской литературы. В письме к жене Короленко Горький писал в 1925 году (7 октября): «...он для меня идеальный образ русского писателя... Он был моим учителем недолго, но он *был* им, и это моя гордость по сей день. Говоря так, я ничего не преувеличиваю»¹. В другом месте Горький отмечал: «Короленко первый сказал мне веские человеческие слова о значении формы, о красоте фразы, я был удивлен простой, понятной правдой этих слов и, слушая его, жутко почувствовал, что писательство — не легкое дело»².

Помимо сказанного, в списках литературы для внеклассного чтения в 6—10-х классах рекомендованы «Слепой музыкант», «История моего современника», сборники избранных произведений, наконец, собрание сочинений Короленко.

В литературном кружке несомненный интерес представит для учащихся ознакомление с замечательным ху-

¹ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 29, М., 1955, стр. 444.

² Там же, т. 15, М., 1951, стр. 16.

дожественным очерком В. Г. Короленко «На затмении», имеющим прямое отношение к нашему краю, к городу Юрьевцу.

Согласно предсказанию ученых, 7 августа 1887 года должно было произойти полное солнечное затмение. Удобнее всего было наблюдать его в Юрьевце. Сюда и приехали ученые-астрономы. На небольшом возвышении у берега Волги сделали все необходимые приготовления: построили небольшие балаганчики, обнесенные низкой дощатою оградой; в ограде на выравненной и утрамбованной площадке установили медную трубу на штативе—так называемый секстант; из-под навеса нацелились в небо разного вида и разных размеров телескопы. Все эти астрономические приборы, закрытые кожаными чехлами, имели «вид артиллерии в утро перед боем», по словам Короленко, который в день солнечного затмения прибыл рано утром на пароходе из Нижнего-Новгорода в Юрьевец.

Несомненно, что писателя не столько интересовало затмение, сколько возможность пристальнее приглядеться к народу, вслушаться в его разговоры, вызванные столь необыкновенным событием. Жизнь народных масс всегда глубоко интересовала Короленко. В своих скитаниях по тюрьмам, этапам и ссылкам он радовался тому, что приходит в прямое соприкосновение с народом, находится в непосредственной близости к нему. По окончании ссылки, поселившись в Нижнем-Новгороде (1885 г.), Короленко предпринимает частые путешествия, то пешком, с котомкой за плечами, то на лодке или пароходе, выбирая места наибольшего стечения народа. При нем всегда записная книжка, небольшой альбом для рисования. В своих добровольных странствованиях по Руси, как и раньше в своих вынужденных скитаниях по тюрьмам и ссылкам, Короленко внимательно присматривался к жизни народных масс, стремился глубже проникнуть в сознание народа, тщательно изучить его.

Тесно связанный с народом, много думавший о нем, Короленко не мог пройти и мимо такого необыкновенного события, как полное солнечное затмение. Как воспримет его народ, как отзовется оно в сознании простого люда, в массе своей безграмотного, темного? — вот что привлекло внимание писателя. Свои впечатления о виденном и слышанном Короленко и передал в высокоху-

дожественном очерке «На затмении», опубликованном вскоре же после поездки в Юрьевец.

Как и следовало было ожидать, затмение вызвало большую тревогу в безграмотной народной массе, полной предрассудков и суеверных страхов. Широкой волной распространились нелепые толки и слухи о землетрясении, о близком конце мира, о пришествии антихриста. Не только о недоверии, но о прямой, открытой вражде к «астроломам», непонятные приготовления которых могут сами по себе накликать грозное явление, о ненависти к «немцам-остроумам», прибывшим сюда якобы с какой-то целью склонить на свою сторону народ, о прямых угрозах по их адресу, — вот о чем узнал Короленко, не успев еще сойти с парохода. Мастерской рукой большого художника Короленко нарисовал в своем очерке и самый городок, и волжские пейзажи, и бытовые сцены, прекрасно раскрывающие сознание простого люда, напуганного страшной «планидой».

«Я пошел вдоль волжского берега.

Небольшие домишки, огороды, переулки, кончавшиеся на береговых песках, — все это выступает яснее в белеющей утренней мгле. И всюду заметно робкое движение, чувствуется тревожная ночь, проведенная без сна. То скрипнет дверь, то тихо отворится калитка, то сгорбленная фигура плетется от дома к дому по огородам. В одном месте, на углу, прижавшись к забору, стоят две женщины. Одна смотрит на восток слезящимися глазами и что-то тихо причитает. Дряхлый старик, опираясь на палку, ковыляет из переулка и молча присоединяется к этой группе. Все взгляды обращены туда, где за меланхолическою тучей предполагается солнце.

— Ну, что, тетушка, — обращаюсь я к плачущей, — затмения ждете?

— Ох, не говори, родимый!.. Что и будет! Напуганы мы, милый, то есть до того напуганы... Ноченьку все не спали.

— Чем же напуганы?

— Да все планидой этой.

Она поворачивает ко мне лицо, разбухшее от бессонницы и искаженное страхом. Воспаленные глаза смотрят с оттенком какой-то надежды на чужого человека, спокойно относящегося к грозному явлению.

— Сказывали вот тоже: солнце с другой стороны

поднимется, земли будет трясение, люди не станут узнавать друг дружку... А там и миру скончание...»

В тоне добродушного юмора, но с болью в сердце, рисует Короленко страхи и предрассудки юрьевчан, встречающихся предстоящим затмением. С большой радостью рассказывает он, как при свете вновь появившегося солнца преобразается темное сознание простого люда, как меняется его представление о затмении, отношение к ученым-астрономам. Появилось солнце, и тает страх перед «планидой», недоверие и вражда к «остроумам», которых раньше собирались бить, «раскидать ихние трубы». И хотя мужичок из-за Пучежа и хвастнул тем, что старики и без остроумов знали, что будет затмение, «ежели месяц по зорям ходит», но и он вынужден признать: «Ну, только в какой день — этого не знали». И растет авторитет ученых:

«— А они, видишь, как рассчитали. В аккурат! Как ихний маятник ударил, тут и началось...

— Премудрость...

— Затем и разум даден человеку...»

Теперь уже без всякого страха подходят люди к самой ограде, за которой находятся ученые, и пытаются заговорить с ними, расспросить у них о происшедшем. А Гришку с завода, о котором раньше говорили, что он продался за двадцать пять рублей караулить трубы и согласился снять с себя не только крест, но и пояс, и таким образом приобщился к тайнам остроумов, этого самого Гришу окружает сейчас толпа любопытных. Язвительные насмешки, пускавшие по его адресу, уступили место расспросам, разговорам об астрономических приборах. А он, торжествующий, с видом человека, как будто готового принимать поздравления с благополучным окончанием важного дела, весьма авторитетно объясняет устройство трубы — секстанта.

Пусть еще брюзжит страшившаяся «скончания мира» старушка-бабушка, пусть попрекает греховодницей двенадцатилетнюю девочку за то, что та, не послушавшись, наблюдала затмение, но пред ее полным веселого возбуждения рассказом о том, что «и никаких страстей не было», старушечье брюзжание «звучит уступчиво и тихо». Зато голос девочки «звенит с молодым торжеством». Это торжество молодого, нового, будущего, это торжество света над тьмой.

Если по пути из Нижнего в Юрьевец большинство пассажиров третьего класса, а также значительная часть второго, относились к брошюре «О солнечном затмении» «сдержанно и даже с оттенком холодной вражды», то на обратном пути из Юрьевца та же брошюра, в том же третьем классе, «живо ходила по рукам». И в этой концовке очерка лишний раз подчеркнута и закреплена его основная мысль — победа света над тьмой, разума над предрассудком.

Хотя «На затмении» названо писателем «очерком с натуры», но при всей фактической достоверности бытовых сцен, портретных характеристик, прекрасно переданной речи персонажей изображенное в нем носит глубоко типический характер.

Короленко никогда не был простым бытописателем, пассивно созерцающим жизнь. Задачу искусства он видел не в натуралистическом копировании, не в простом воспроизведении отдельных фактов. Наблюдая определенные жизненные явления, он умел выделять в них наиболее важное, характерное, существенное, то, что способно полнее и ярче раскрыть их смысл и значение; он умел поднимать свои живые впечатления до глубоких художественных обобщений, давать типическое изображение действительности. Короленко считал, что подлинный художник обязан показать жизнь в движении.

Его внимание привлекало не только уходящее, «ощущение прошлого в настоящем», как он писал в своем дневнике,¹ но и то новое, что возникает в жизни, — рождение новых черт в сознании народа. «Литература, — писал он, — разлагает старое, из его обломков созидает новое, отрицает и призывает».² Правдивое отражение жизни он не мыслил себе вне оценки изображенного, вне открыто выраженного отношения к нему. Цель искусства, — писал он — «не просто отражать, а отражать, отрицая или благословляя».³ В его очерках и рассказах художественное изображение жизни обычно сочетается с публицистическими размышлениями, в эпическое повествование органически вплетаются лирические мотивы.

¹ В. Г. Короленко, Дневник, т. II, 1928, стр. 162. Запись от 3/15 октября 1893 г.

² Там же, Дневник, т. I, стр. 125. Запись от марта 1888 г.

³ Там же, стр. 125.

Так и в этом очерке. Правдиво рисуя сознание простого русского люда, порожденное мрачными временами царизма, державшего угнетенные народные массы в темноте и невежестве, Короленко с болью в сердце восклицает: «Сколько призрачных страхов носится еще в этих сумеречных туманах, так густо нависших над нашею святою Русью!..»

Отрицая подобную жизнь, Короленко, искренно любивший народ, вместе с тем благословляет его на новую, лучшую жизнь, в которую он глубоко верит. Заметив в окне хибарки мерцающий огонек, услышав раннее пение петуха, писатель вспоминает двестишестидесятилетнее из давно забытого стихотворения:

На святой Руси петухи кричат,
Скоро будет день на святой Руси...¹

которое, по его словам, так и «дышит утром и рассветом», и вслед за этим двестишестидесятилетием взволнованно пишет:

«Ох, скоро ль будет день на святой Руси,— подумал я невольно,— тот день, когда рассеются призраки, недоверие, вражда и взаимные недоразумения между теми, кто смотрит в трубы и исследует небо, и теми, кто только припадает к земле, а в исследовании видит оскорбление грозного бога?»

В этом вопросе звучит не только страстное желание скорее увидеть тот день, когда народ заживет свободной и разумной жизнью, когда он избавится от предрассудков и суеверий; в этом вопросе звучит и надежда и уверенность, что этот день придет. Залогом может служить рассказ о том, как тут же после затмения менялись представления людей, исчезало недоверие к ученым.

Недаром в своих очерках «В пустынных местах», написанных тремя годами позже, в 1890 году, Короленко писал: «Умирает исконная, старая Русь... Русь древнего благочестия, Русь потемневших ликов, Русь старых направленных книг, Русь скитов и пустынного жития, Русь старой буквы и старого обряда, Русь, полная отвращения к новшествам и басурманской науке...»

Короленко, внимательно изучавший жизнь народа, веривший в его творческие силы, всегда стремился найти

¹ Эти строки принадлежат перу журналиста, поэта и переводчика Н. В. Берга (1824—1884).

в нем то, что говорило о его движении вперед, об изменении и обновлении его сознания, о его приближении к рассвету будущего дня — лучшей, свободной и счастливой жизни. И хотя Короленко не понял решающей роли рабочего класса в борьбе за построение этой новой жизни (он не был марксистом), но его горячая любовь к народу, ненависть к царизму, к угнетателям народа помогали народу в его борьбе за свое освобождение.

Тема борьбы света и мрака, разума и предрассудка — важнейшая тема очерка. Пейзаж неба при всей реалистичности изображения приобретает обобщенный, символический характер — это гимн свету, победившему тьму, гимн разуму, науке, побеждающим суеверие, предрассудок.

«Все мы стояли вместе, подняв глаза кверху, туда, где все еще продолжалась молчаливая борьба света и тьмы, как вдруг вверху, с правой стороны, вспыхнула искорка, и сразу лица моих собеседников осветились. Так же внезапно, как прежде он набежал на нас, мрак убегает теперь к северу. Темное покрывало взметнулось гигантским взмахом в беспредельных пространствах, пробежало по волнистым очертаниям облаков и исчезло. Свет струится теперь, после темноты, еще ярче и веселее прежнего, разливаясь победным сиянием. Теперь земля оделась опять в те же бледные тени и странные цвета, но они производят другое впечатление: то было угасание и смерть, а теперь наступало возрождение...

Солнце, солнце!.. Я не подозревал, что и на меня его новое появление произведет такое сильное, такое облегчающее, такое отрадное впечатление, близкое к благоговению, к преклонению, к молитве... Что это было: отзвук старого, залегающего в далеких глубинах каждого человеческого сердца преклонения перед источником света, или, проще, я почувствовал в эту минуту, что этот первый проблеск прогнал прочь густо столпившиеся призраки предрассудка, предубеждения, вражду этой толпы?.. Мелькнул свет — и мы стали опять братьями... Да, не знаю, что это было, но только и мой вздох присоединился к общему облегченному вздоху толпы...»

Читая эти строки, невольно вспоминаешь Пушкина:

Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,

Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.

Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Короленко и показал в своем очерке, как пред умом, разумом, наукой мерцает и тлеет ложная мудрость религиозных представлений, предубеждений, исчезают призраки предрассудка.

Замечательный очерк Короленко имеет большое познавательное и воспитательное значение. Оно тем более ощутимо, когда мы сопоставляем то, что узнаем из очерка о старом Юрьевце царских времен, с тем, что он представляет собой в наше время. Беседа на эту тему, конкретные факты из жизни современного Юрьевца (да не только Юрьевца) с его широко развернувшимся хозяйственным и культурным строительством, учебными заведениями и клубами со всей очевидностью покажет, что сделала советская власть, власть подлинно народная, в корне преобразившая и самый город и его жителей — строителей новой жизни. Поможет этот очерк и в борьбе с остатками суеверий и предрассудков, которые, к сожалению, имеют еще место среди части отсталых людей старших поколений и о которых приходится слышать учащимся.

В книге В. Г. Короленко «Избранные сочинения», (М., Детгиз, 1940, стр. 253, 254, 256), имеются фотографии того времени на тему о солнечном затмении. Они могут быть использованы в качестве иллюстраций при анализе очерка.

В результате работы над очерком учащимся, в зависимости от состава кружка, могут быть предложены доклады на темы: «Очерк В. Г. Короленко о нашем городе», «Познавательное и воспитательное значение очерка В. Г. Короленко «На затмении», «Художественные особенности очерка» и др.

Очерк может быть использован не только в литературном кружке, но и на уроках географии или географическом кружке, а также на объединенном заседании обоих кружков.

Изучение очерка вызовет интерес учащихся и к другим произведениям выдающегося русского писателя, которого В. И. Ленин назвал «прогрессивным писателем» и о котором А. М. Горький сказал: «Всю жизнь, трудным путем героя, он шел встречу дню и неисчислимо, что сде-

лано В. Г. Короленко для того, чтобы ускорить рассвет этого дня».¹

Интересно отметить, что эти слова Горького, которыми он заключил свои воспоминания о Короленко, следуют непосредственно за словами: «В 87 году он закончил свой рассказ «На затмении» стихами Н. Берга:

На святой Руси петухи поют,
Скоро будет день на святой Руси».

Этот день, о котором мечтали и за который боролись и Горький и Короленко,— этот день пришел.

¹ М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 15, М., 1951, стр. 51.

А. П. ЧЕХОВ

Жизнь и творчество А. П. Чехова изучаются в 9-м классе. Знакомя учащихся с жизнью великого писателя, можно указать на некоторые факты из его биографии, в той или иной мере связанные и с нашим краем. Мать его, Евгения Яковлевна, имела прямое отношение к нашему краю.¹ Отец ее, Яков Герасимович Морозов, как и весь род Морозовых, происходил из деревни Фофаново, жил в Фофанове; мать ее была родом из деревни Сергеево. Обе деревни находятся недалеко от Палеха (первая в 15 километрах, вторая в трех). В детстве Евгения Яковлевна жила в Шуе. Связь с Шуей продолжалась и позже. О нашем крае Евгения Яковлевна рассказывала своим детям неоднократно. Имеются также указания на то, что Антон Павлович, будучи студентом, приезжал к родственникам Евгении Яковлевны. О посещении им других городов нашего края мы скажем ниже.

О матери Антона Павловича вообще можно рассказать учащимся несколько подробнее, независимо от краеведческих интересов, так как она немало способствовала пробуждению его самосознания в ранние годы, сыграла довольно значительную роль в его жизни. Заслуживает внимания и отношение самого Антона Павловича к матери. Все это имеет большое воспитательное значение для наших учащихся.

Известны слова Антона Павловича, сказанные им о себе и о своих братьях и сестре: «Талант в нас со стороны отца, а душа — со стороны матери». Вспоминая эти слова своего великого брата, Михаил Павлович писал:

¹ Подробную родословную А. П. Чехова со стороны отца и матери см.: Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова, т. XX, М., ГИХЛ, 1951, стр. 466—473.

«Я лично думаю, что и со стороны матери в моих братьях было прилито таланта не мало».¹

Мать и сестру ее, Федосью Яковлевну, Михаил Павлович называет «впечатлительными, чуткими созданиями», они «умели прекрасно рассказывать».² Особенно хорошо рассказывали они о том, как мать их поехала вместе с ними в тарантасе из Шуи на юг России разыскивать могилу отца, внезапно умершего (в 1847 г.) в Новочеркасске от холеры. Впечатления об этой поездке на лошадях через всю Россию служили предметом частых и многочисленных рассказов, которые Антон и его братья слушали с затаенным дыханием и широко раскрытыми глазами. «Я уверен, — пишет Михаил Павлович, — что в развитии фантазии и литературного чутья в моих братьях эти их (матери и ее сестры — П. Ш.) повествования сыграли выдающуюся роль».³

Сам Антон Павлович, как и его братья и сестра, постоянно говорят в своих письмах и воспоминаниях о том благотворном влиянии, которое оказала на их воспитание горячо любимая ими мать. Так, например, в письме к Г. А. Харченко от 19 января 1899 г. Антон Павлович писал: «Мать очень добрая, кроткая и разумная женщина, ей я и мои братья обязаны многим».⁴

В отличие от Павла Егоровича, отца писателя, человека деспотичного, правда, разносторонне одаренного (он играл на скрипке, увлекался живописью, пением), Евгения Яковлевна, действительно, была в высшей степени сердечной и доброй женщиной. Вся ее жизнь заключалась в заботе о детях. Она отдавала им всю свою любовь, всю свою материнскую нежность.

Убежденная противница крепостного права, по словам Михаила Павловича, она много рассказывала детям о тяжелой жизни народа во времена крепостничества. Ужасы крепостного права, жестокости помещиков, их глумление над крестьянами она видела собственными глазами. Ма-

¹ М. П. Чехов, Вокруг Чехова. Встречи и впечатления, М.,—Л., 1933, стр. 45.

² Там же, стр. 33.

³ Там же.

⁴ Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова, т. XX, М., ГИХЛ, 1951, стр. 319.

В дальнейшем письме А. П. Чехова цитируются по этому изданию (тома XIII—XX, ГИХЛ, 1948—1951). Том и страница указываются в скобках в тексте.

лейшее проявление несправедливости по отношению к невинному человеку она глубоко переживала. Она постоянно внушала детям отвращение к неправде, к угнетению, воспитывала в них чувства любви и уважения к незащищенным людям, даже к животным и птицам.¹ Антон Павлович, по свидетельству своего старшего брата Александра, «с самых ранних лет под благодетельным влиянием матери не мог видеть равнодушно жестокого обращения с животными и почти плакал, если видел, что ломовой извозчик бьет лошадь. А когда били людей, то с ним делалась нервная дрожь».²

Евгения Яковлевна не получила законченного образования, но она любила читать и очень высоко ценила образование. Она научила маленького Антошу читать, писать, считать на счетах. Она настаивала на том, чтобы его и брата Николая определили в гимназию. Правда, не сразу ей это удалось. Павел Егорович не посчитался с ее мнением и отдал детей в таганрогскую греческую школу. В то время самыми богатыми среди таганрогских купцов были греки-негоцианты. Павел Егорович мечтал видеть своих детей богатыми. Знакомые греки, посещавшие его бакалейную лавку, посоветовали ему обучать детей греческому языку. Павлу Егоровичу казалось, что знание греческого языка даст возможность его детям в будущем вести успешные коммерческие дела, наподобие тех, которые вели богатые греки. Однако уже через год он убедился в том, что сыновья его ничему в греческой школе не научились. Наконец-то восторжествовало мнение Евгении Яковлевны и Антошу отдали в гимназию.

Евгения Яковлевна постоянно оберегала детей от гнева отца, защищала их, заступалась за них. Она неизменно восставала против жестоких телесных наказаний, которым подвергал детей Павел Егорович. Порка, не говоря уже о подзатыльниках и оплеушинах, была обычным и частым явлением в его семье. Тяжелое воспоминание о порках осталось на всю жизнь в душе Антона Павловича. Будучи уже известным писателем, он как-то сказал В. И. Немировичу-Данченко: «Знаешь, я никогда не мог

¹ М. П. Чехов, Вокруг Чехова, Встречи и впечатления, М.—Л., 1933, стр. 45.

² Ал. П. Чехов [Из детских лет А. П. Чехова]. В книге: Чехов в воспоминаниях современников. Государственное издательство художественной литературы, 1952, стр. 11—12.

простить отцу, что он меня в детстве сек».¹ Насилие над человеческим достоинством остро переживалось Антоном Павловичем уже с ранних лет. Тем сильнее он должен был ощущать заступничество матери, которая всячески пыталась смягчить детство своих детей. Она решалась даже упрекать Павла Егоровича в том, что он слишком мучает детей церковными службами.² Однако ее увещания не помогали. Осуждала она мужа и за то, что он заставлял детей, в том числе и Антошу, отсиживать долгие часы, а то и целые дни, в лавке, лишая их отдыха, возможности погулять, пошалить. Вспоминая впоследствии свое безрадостное детство, которое он называл «страданием», Антон Павлович говорил: «В детстве у меня не было детства». Прекрасной иллюстрацией к этим словам может служить следующий отрывок из воспоминаний Александра Павловича.

«— Антоша, бери ключи и ступай с Андрюшкой и Гаврюшкой отпирать лавку! А я к поздней обедне пойду, — отдает приказ Павел Егорович.

Мальчик с кислой миной поднимается из-за стола, за которым только что пил чай, и без возражений идет исполнять приказание, хотя ему и очень грустно. Он еще вчера условился с товарищем-соседом притти к нему играть в мяч.

— Павел Егорович, пожалей ты ребенка! — вступается Евгения Яковлевна, мать Антоши. — Ведь ты его чуть свет разбудил к ранней обедне... Он обедню выстоял, потом домашний акафист выстоял... Ты ему не

¹ Вл. И. Немирович-Данченко, Чехов, В книге: Чехов в воспоминаниях современников, 1952, стр. 357.

² С детских лет Антон Павлович возненавидел религиозное воспитание и постоянно отзывался о нем не иначе, как резко отрицательно. В письме (от 9 марта 1892 г.) к писателю И. Л. Леонтьеву (Шеглову), восторгавшемуся школой профессора С. А. Рачинского, поборника религиозного воспитания, Антон Павлович писал: «...я не отдал бы в его школу своих детей. Почему? Я получил в детстве религиозное образование и такое же воспитание — с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне. И что же? Когда я теперь вспоминаю о своем детстве, то оно представляется мне довольно мрачным; религии у меня теперь нет. Знаете, когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пели трио «Да исправится» или же «Архангельский глас», на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками» (т. XV, стр. 339).

дал даже и чаю напиток как следует... Он устал...

— Пускай причаётся,— отвечает Павел Егорович. Я тружусь, пускай и он трудится... Дети должны помогать отцу.

— Он и так всю неделю в лавке сидит. Дай ему хоть в воскресенье отдохнуть».¹

Евгения Яковлевна не только настояла на том, чтобы Антоша учился в гимназии, но и добивалась, чтобы он ее успешно закончил. Когда у Павла Егоровича возникла мысль о том, чтобы засадить на все лето торговать в новооткрытой им привокзальной лавке Антошу и Сашу (первый перешел в четвертый, второй в шестой класс), а в случае, если торговля пойдет хорошо, то и вовсе забрать их из гимназии, Евгения Яковлевна буквально пришла в ужас:

— Боже сохрани! — всплеснула она руками.— Ни за что не позволю взять детей из гимназии!²

Евгения Яковлевна очень любила Антошу. После разорения отца семья вынуждена была переехать в Москву. Антоша остался на три года один в Таганроге, чтобы закончить гимназию. Евгения Яковлевна всегда с нетерпением ждала его приезда на каникулы, а в год окончания гимназии писала ему:

«Скорей кончай в Таганроге учебу да приезжай, пожалуйста, скорей, терпенья не достаёт ждать, и непременно по медицинскому факультету иди... Уважь меня, самое лучшее занятие... Мне так и кажется, что ты как приедешь, то мне лучше будет... Мне многое надо тебе рассказать».

Интересно отметить, что как раз в это время Антон Павлович, повидимому, затруднялся в выборе факультета. Спустя двадцать лет в письме к Г. И. Россолимо от 11 ноября 1899 г. он писал: «Вообще о факультетах имел тогда слабое понятие и выбрал медицинский факультет — не помню по каким соображениям...» (т. XVIII, стр. 243). Не исключена возможность, что желание Евгении Яковлевны могло оказать на него известное влияние. Так или иначе, мнение матери Антон Павлович разделил и поступил на медицинский факультет Московского университета, который закончил в 1884 году. В выборе этого фа-

¹ Ал. П. Чехов [Из детских лет А. П. Чехова], В книге: Чехов в воспоминаниях современников, 1952, стр. 8—9.

² Там же, стр. 29.

культета Антон Павлович, по его собственному признанию в том же письме к Г. И. Россолимо, «потом не раскаялся». Здесь же он указывает на то, что медицина только помогла ему в его литературной работе.¹

Не только в детские и юношеские годы, но и гораздо позже, когда Антон Павлович был уже известным писателем, Евгения Яковлевна не переставала с какой-то благоговейной нежностью заботиться о нем. Она настолько знала и понимала своего любимого сына, что по одному лишь выражению его лица или малейшему движению сразу же угадывала его желание и тут же спешила его исполнить. Она всегда стремилась создавать самые лучшие условия для его работы. Всю жизнь Евгения Яковлевна любила рассказывать о своем Антоше. Вспоминая о своем пребывании в Мелихове, писательница Т. Л. Щепкина-Куперник с любовью пишет о «кротчайшей и добрейшей» Евгении Яковлевне:

«...у нее в ее комнатке я любила сидеть и слушать ее воспоминания. Большею частью они сводились к «Антоше»...

С умилением она рассказывала мне о той, для нее незабвенной, минуте, когда Антоша — тогда еще совсем молоденький студентик — пришел и сказал ей:

¹ «Не сомневаюсь, — писал он Г. И. Россолимо, — занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно — предпочитал не писать вовсе...

К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу; и к тем, которые до всего доходят своим умом, не хотел бы принадлежать» (т. XVIII, стр. 243—244).

Медицинское образование сыграло очень важную роль в формировании мировоззрения Чехова. Можно напомнить и о том, какое большое место занимают в его творчестве образы врачей, вопросы медицины. Не говоря о многих мелких рассказах, достаточно назвать такие произведения, как «Палата № 6», «Июнь», «Случай из практики», «Попрыгунья» и др. Наконец, общеизвестно, что врачебная практика Чехова, общение с больными различных классов и слоев населения, способствовала расширению круга его жизненных наблюдений, давала обширный материал для его художественных произведений.

— Ну, мамаша, с этого дня я сам буду платить за Машу в школу!

(До этого за нее платили какие-то благожелатели).

— С этого времени у нас все и пошло...— говорила старушка.— А он — первым делом,— чтобы все самому платить и добывать на всех... А у самого глаза так и блещут — «сам, говорит, мамаша, буду платить».

И когда она рассказывала мне это, у нее самой блестяли глаза и от улыбки в уголках собирались лучи-морщинки, делавшие чеховскую улыбку такой обаятельной. Она передала эту улыбку и А. П. и М. П.»¹

Об улыбке Антона Павловича, переданной ему Евгенией Яковлевной, писал и Вл. И. Немирович-Данченко в своих воспоминаниях:

«Его... улыбка... была совсем особенная. Она сразу, быстро появлялась и так же быстро исчезала. Широкая, открытая, всем лицом, искренняя, но всегда накоротке. Точно человек спохватывался, что, пожалуй, по этому поводу дольше улыбаться и не следует.

Это у Чехова было на всю жизнь. И было это фамильное. Такая же манера улыбаться была у его матери, у сестры и, в особенности, у брата Ивана».²

Любовь и забота матери нашли глубокий отклик в сердце Антона Павловича еще с детских лет, и до конца своих дней он не переставал относиться к ней с какой-то особой теплотой и нежностью.

Когда Антон Павлович, оставшись в Таганроге оканчивать учебу в гимназии, узнал, что его двоюродный брат Миша бывает у Евгении Яковлевны и со вниманием выслушивает ее жалобы, он написал ему 10 мая 1877 г. письмо, в котором просил, чтобы письма, которые он будет присылать матери через него, он отдавал ей «не при всей компании, а тайно», так как «бывают в жизни такие вещи, которые можно высказать только единому лицу, верному».

Таким верным другом для Антона Павловича была его мать. В том же письме он просил двоюродного брата исполнить и вторую просьбу, которую он считал еще более важной. «Будь так добр,— писал он,— продолжай

¹ Т. Л. Шепкина-Куперник, О Чехове, В книге: Чехов в воспоминаниях современников, 1952, стр. 271.

² Вл. И. Немирович-Данченко, Чехов, В книге: Чехов в воспоминаниях современников, 1952, стр. 355.

утешать мою мать, которая разбита физически и нравственно. Она нашла в тебе не одного племянника, но и много другого, выше племянника. У моей матери характер такого сорта, что на нее сильно и благотворно действует всякая нравственная поддержка со стороны другого. Не правда ли, глупейшая просьба? Но ты поймешь ее, тем более, что я сказал «нравственная», т. е. духовная поддержка. Для нас дороже матери ничего не существует в сем развешидственном мире, а посе́му премного обяжешь твоего покорного слугу, утешая его полуживую мать» (т. XIII, стр. 23).

Антон Павлович тяжело переживал деспотическое отношение отца к матери и всегда с болью вспоминал об этом. Порицая брата своего Александра за его «ужасное, ни с чем не сообразное обращение» с женой, Антон Павлович напоминал ему о любимой матери:

«Я прошу тебя вспомнить,— писал он ему 2 января 1889 года,— что деспотизм и ложь сгубили молодость твоей матери. Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать дурой. Отец теперь никак не может простить себе всего этого. Деспотизм преступен трижды» (т. XIV, стр. 278).

Узнав в Ялте о смерти отца, Антон Павлович немедленно телеграфирует (14 октября 1898 г.) сестре, Марии Павловне. Выражая свое глубокое сожаление по поводу случившегося, он не забывает напомнить: «берегите мать» (т. XVII, стр. 328). В тот же день он пишет сестре подробное письмо, полное заботы о матери:

«...грустная новость, совершенно неожиданная, печалила и потрясла меня глубоко. Жаль отца, жаль всех вас; сознание, что вам всем приходится переживать в Москве такую передрагу в то время, как я живу в Ялте, в покое,— это сознание не покидает и угнетает меня все время. Что мать? Где она? Если она не поедет в Мелихово (ей там тяжело одной), то где ты поселишь ее? Вообще много вопросов, которые следовало бы решить. Судя по твоей телеграмме к Синани, у Вас существует сомнение насчет моего здоровья. Если ты и мать беспокоитесь, то не приехать ли мне не надолго в Москву? Или не пожелает ли мамаша приехать ко мне в Ялту, чтобы отдохнуть

здесь? Кстати бы она огляделась здесь, и если бы ей понравилось, то мы поселились бы здесь навсегда. Тут все теплая погода, ходим без пальто, и, повидимому, зимовать здесь очень удобно. Мы зимовали бы в Ялте, а лето проводили бы в Мелихове или в Кучукое под Ялтой.

Если мамаша поедет ко мне, то пусть телеграфирует: я выеду в Севастополь к ней навстречу и с вокзала прямо повезу ее в Ялту на лошадях.

Со скорым поездом ехать удобно. Здесь мамашу встретят дружелюбно и устроят ее хорошо» (т. XVII, стр. 329).

Все, знавшие Антона Павловича, бывавшие в доме Чеховых, постоянно отмечают его исключительное внимание к матери. «...К матери у него было самое нежное отношение», — писал Вл. И. Немирович-Данченко в своих воспоминаниях о великом писателе.¹

Учащимся не безинтересно будет узнать, что Антон Павлович побывал в Плесе и Кинешме. Предпринимая в 1890 году поездку на остров Сахалин, Антон Павлович мог из Москвы поехать железной дорогой в Нижний Новгород, но он предпочел поехать в Ярославль, а оттуда уже пароходом до Нижнего. Ему очень хотелось повидать Волгу. 18 апреля 1890 года он писал из Москвы А. С. Суворину: «Следующее письмо получите с Волги, которая, говорят, очень хороша. Я нарочно еду в Ярославль, а не в Нижний, чтобы побольше захватить Волги» (т. XV, стр. 60).

Спустя пять дней, 23 апреля, он сообщал сестре с парохода «Александр Невский»: «Кострома хороший город. Видел я Плес, в котором жил томный Левитан; видел Кинешму, где гулял по бульвару... заходил здесь в аптеку...» (т. XV, стр. 61).

В тот же день он писал С. П. Кувшинниковой: «Видел Плес. Узнал я кладбищенскую церковь, видел дом с красной крышей²... Слышал унылую гармошку» (т. XV стр. 63).

¹ Чехов в воспоминаниях современников, 1952, стр. 357.

² В доме с красной крышей жила С. П. Кувшинникова — художница, ездившая вместе с И. И. Левитаном в Плес на этюды. Упомянутая кладбищенская церковь увековечена И. И. Левитаном в его картине «Над вечным покоем».

О нашем крае Антон Павлович вспомнил и позже в письме от 2 марта 1901 г. к академику Н. П. Кондакову, который подарил ему свою книгу «Современное положение русской народной иконописи», написанную им после посещения Палеха. Антон Павлович писал Н. П. Кондакову: «Моя мать, уроженка Шуйского уезда, 50 лет назад бывала в Палехе и Сергееве (это в 3 верстах от Палеха) у своих родственников иконописцев... Когда я сообщил матери содержание Вашей книги, она оживилась и стала рассказывать про Палех и Сергеево»... (т. XIX, стр. 48). О Палехе Евгения Яковлевна рассказывала Антону Павловичу и его братьям и раньше и безусловно вызвала в них интерес к искусству древней живописи.

Как известно, в семье Чеховых с особенным интересом относились к живописи. Мы уже упоминали выше, что отец писателя, Павел Егорович, увлекался живописью. Брат Антона Павловича, Николай, был талантливым художником, учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, написал ряд картин, дружил с И. И. Левитаном, поместил в юмористических журналах восьмидесятых годов много рисунков на темы Антоши Чехонте.

Хорошо рисовали Мария Павловна (она выдержала вступительный экзамен в Училище живописи, ваяния и зодчества, но учительство помешало ей и она посещала вечерние курсы Строгановского училища) и Михаил Павлович (ему принадлежат зарисовки чеховских мест — Таганрога, Бабкина, Воскресенска, Мелихова). Наконец, необходимо вспомнить об удивительном мастерстве пейзажа и портрета в произведениях Антона Павловича, о его дружбе с Левитаном, о близости их пейзажей. Антон Павлович любил Левитана, восхищался его картинами, среди которых были и картины, написанные им в Плесе и Юрьевце.

По свидетельству С. П. Кувшинниковой, Антон Павлович, увидав первые его картины, написанные в Плесе, очень их расхвалил.

— Знаешь, — заметил он Левитану, — на твоих картинах даже появилась улыбка.

Действительно, здесь было написано несколько лучших картин Левитана: «Золотой плес» («Вечер»), «После дождя», «Тихая обитель» и др. Писал их Левитан с ма-

леньких набросков и больше по впечатлению, а многое и целиком с натуры.

Тут же после поездки в Рыбинск начал он и свою великолепную и оригинальную картину Волги «Свежий ветер»...¹

Сам Исаак Ильич очень высоко ценил мастерство изображения природы в произведениях Чехова. В одном из своих писем он писал Антону Павловичу, что он его «поразил... как пейзажист», что пейзажи в его рассказах «верх совершенства».

Постоянный и живой интерес к живописи и сказался на том, как Антон Павлович воспринял книгу Н. П. Кондакова. По его словам, он прочел ее «с большим интересом и с большим удовольствием», но в то же время книга навела его на грустные размышления.

Н. П. Кондаков рассказывал о том, как тяжело жилось палехским иконописцам в мастерских крупных предпринимателей. Приходилось работать в тесноте и духоте по пятнадцать часов в сутки. Особенно тяжело было ученикам-детям.

«...время этого ремесла,— писал Н. П. Кондаков,— ложится всею тяжестью особенно на детей всех трех сел,² и нельзя, без тяжелого чувства, глядеть на то, что терпит несчастное детское население этих сел. Здесь детские работы так же тяжки, как на самых злостных мануфактурах, и что самое ненавистное в этом положении — то, что не видно выхода из него: так называемые ученики как раз ничему не учатся в таком деле, где единственно учение и умение облегчают работу, превращают ее из пытки в наслаждение. Отцы, поддаваясь, простительной в их тяжком положении, слабости, твердят и себе, и другим, что в иконописном деле лучше тотчас садиться за работу, а не за праздное обучение искусству. И, правду сказать, самый вид несчастных детей — крайне болезненный и надорванный в самые нежные годы...»³

Каково это было читать Чехову, который в своих рас-

¹ С. П. Кувшинникова, Из воспоминаний художницы. В книге: И. И. Левитан, 1861—1900. Воспоминания и письма. К 50-летию со дня смерти. Государственное издательство «Искусство», М., 1950, стр. 55.

² Речь идет о Палехе, Холуе и Мстере.

³ Н. П. Кондаков, Современное положение русской народной иконописи, 1901, стр. 52.

сказах дал целую галерею образов детей, как и он сам, не знавших детства («Ванька», «Спать хочется» и др.)!

Затем Кондаков рассказывал о большом упадке иконописного искусства палешан. Художники превращались в простых ремесленников, фабриковавших тысячи икон. Помимо всего, предприимчивые фирмы Жако и Бонакер в Москве стали фабриковать иконы на жести. «Фирма Жак», — писал Кондаков, — владеющая большим производством коробок для ваксы, нашла, что она с удобством для себя может совместить выработку икон на потребу православного народа и выхлопотала себе разрешение печатать и обдeldывать свои отпечатки так, чтобы они совсем походили, «до обмана», на иконы, продаваемые в Москве».¹

Антону Павловичу было ясно, что «иконопись (Палех и Холуй) уже умирает, или вымирает» (т. XIX, стр. 49), что она становится предметом извлечения прибылей всякого рода предпринимателями. «Да, — писал Антон Павлович Кондакову, — народные силы бесконечно велики и разнообразны, но этим силам не поднять того, что умерло. Вы называете иконопись мастерством, она и дает, как мастерство, кустарное производство; она мало-помалу переходит в фабрику Жако и Бонакера, и если вы закроете последних, то явятся новые фабриканты, которые будут фабриковать на досках, по закону, но Холуй и Палех уже не воскреснут» (т. XIX, стр. 49).

Чехов был, конечно, прав, когда утверждал, что народные силы не поднимут того, что умерло. Да они и не собирались его поднимать. Вместе с тем, ему, понятно, трудно было себе представить в то время, в 1901 г., когда он писал Кондакову, что эти же народные силы, которые, по его словам, «бесконечно велики и разнообразны», направят искусство палехских иконописцев по иному пути, резко противоположному тому, на котором оно находилось.

Великая Октябрьская социалистическая революция, освободив народ от его вековых угнетателей, раскрепостила замечательные народные таланты, освободила их от оков иконописного ремесла, дала им должное и нужное направление. Не лики святых, никому ненужные, рисуют в наше время художники-палешане. Они обра-

¹ Н. П. Кондаков, Современное положение русской народной иконописи, 1901, стр. 37.

тились к совершенно иным, новым сюжетам. Героическое прошлое русского народа, его революционная борьба, его великое настоящее — советская действительность, русская народная поэзия (сказки и былины), классическая русская и зарубежная литература («Слово о полку Игореве», Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Гомер, Шекспир, Мольер и др.), советская литература и прежде всего произведения любимейшего палешанами М. Горького — вот чем вдохновляются народные художники обновленного Палеха, создавая свои замечательные композиции, широко известные по всей Советской стране и за ее рубежами.

Трудно было Антону Павловичу представить себе, что и его произведения смогут явиться источником творческих вдохновений для художников Палеха (например, композиция Ф. Каурцева «Человек в футляре»).

Таковы некоторые факты из биографии А. П. Чехова, в той или иной мере связанные и с нашим краем.

Часть приведенных материалов может быть использована на уроке при изложении биографии А. П. Чехова. Более подробно можно об этом говорить в литературном кружке. Учащимся могут быть предложены темы для докладов: «А. П. Чехов и его мать», «Палех во времена Чехова и в наше время». Эти темы можно разработать на материале писем («Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова», тт. XIII—XX, М., ГИХЛ, 1948—1951) и воспоминаний («Чехов в воспоминаниях современников», Гослитиздат, 1954 и др.). Тему «Палех во времена Чехова и в наше время» можно раскрыть шире путем привлечения отрывков из произведений М. Горького и его высказываний о Палехе, а также работ о Палехе в советское время.

А. М. ГОРЬКИЙ

Творчество Алексея Максимовича Горького, основоположника социалистического реализма в искусстве, неотделимо от деятельности Коммунистической партии, прочно связано «с рабочим движением России и всего мира»¹. Оно подлинно народно и патриотично в самом высоком смысле этого слова.

Эти положения должны быть стержневыми при изучении жизни и творчества Горького в школе. Для их раскрытия в распоряжении учителя имеются богатейшие возможности. Они могут быть также частично конкретизированы и на местном краеведческом материале.

Известно, что Горький самыми разнообразными путями был связан с различными уголками нашей Родины; он проявлял глубокий интерес к жизни, к людям, в том числе к жизни и людям нашего текстильного края, славного своими революционными традициями. Материал о взаимоотношениях писателя с ивановцами — литераторами, художниками Палеха, рабочими, крестьянами, школьниками — может быть использован учителем как на уроках, так и, главным образом, во внеклассной работе — работе литературного кружка, в организации внеклассного чтения и т. д.

В 5-м классе учащиеся знакомятся с отрывком «Из воспоминаний» из повести «В людях», где ярко показана «страсть к чтению» маленького Алеши Пешкова. В связи с этим в доступной для детей форме ставится тема «Горький и книга». Она позволяет организовать вокруг этого вопроса внеклассное чтение с привлечением высказываний Горького о книге и о том, как надо читать.²

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 16, стр. 89.

² См. об этом в книге: Н. Гердзей-Капица, Горький в школе, изд. 2, М.—Л., Учпедгиз, 1953, стр. 223.

Для внеклассного чтения можно, в частности, порекомендовать и другой отрывок из повести «В людях» — главу XIV (в извлечениях). В этой главе рассказывается о жизни Алеши Пешкова в иконописной мастерской, в которой работали мастера из Палеха, Холуя и Мстеры. Алеша старался внести, насколько мог, свет и веселье в безрадостный быт иконописцев. В свободное время он читал им книги, стихи русских поэтов. Особенно большое впечатление произвела на них поэзия Лермонтова.

«С книгами у нас стало как весной, когда зимние рамы выставляют и первый раз окна на волю откроют», — так говорит один из мастеров-палешан о значении книги под впечатлением чтения Алеши. Необходимо, чтобы это высказывание, такое горьковское по духу, учащиеся запомнили.

Алеша не только читал книги иконописцам. Вместе с мальчиком-палешанином Одинцовым он разыгрывал смешные сценки, рассказывал истории из прочитанных книг, о своей жизни на пароходе, о людях, с которыми встречался.

Мастера были благодарны Алеше за его душевную отзывчивость и заботу. В день его именин мастер Капендюхин и иконописец Жихарев произносят слова, полные любви и признательности и в то же время прекрасно вскрывающие его близость к родному народу:

«...хвалю тебя, одобряю за то, что ты ко всему стоишь не боком, а лицом!»

«Хорошо в тебе то, что ты всем людям родня, вот что хорошо!»

Эти замечательные слова в полной мере могут быть отнесены ко всей жизни и деятельности Горького и использованы при изучении его биографии как в 7-м, так и в 10-м классах. А в 5-м классе, отправляясь от предложенного для внеклассного чтения отрывка, можно организовать небольшую беседу о палешанах в прошлом и настоящем, иллюстрированную некоторыми образцами их послеоктябрьского творчества. В этой беседе не лишним будет сообщить о дружбе Горького с палешанами и об оценке Горьким их искусства, а также искусства художников Мстеры и Холуя. Яркие, праздничные краски художников Палеха, сказочные мотивы в их творчестве близки мировосприятию школьников-пятиклассников.

Ряд краеведческих материалов может быть рекомендован при изучении биографии Горького, входящей в программы 7-го и 10-го классов.

В биографии необходимо выделить чрезвычайно важную тему «Горький и революция». На почве революционной деятельности устанавливается знакомство писателя с одним из организаторов и активных деятелей «Северного рабочего союза» М. А. Багаевым. Багаев вел революционную работу непосредственно в Иваново-Вознесенском районе. О своих неоднократных встречах с Горьким он рассказал в воспоминаниях, опубликованных на страницах «Рабочего края» (1928, №№ 72—75) и в книге «Моя жизнь» (Ивановское областное государственное издательство, 1949, стр. 143—144, 227—230, 236—237, 241).

Принимая участие в работе Лондонского съезда партии (1907 г.), описанного затем в очерке «В. И. Ленин», Горький, по свидетельству В. А. Десницкого, тесно общался с революционными рабочими—делегатами съезда. В. А. Десницкий пишет: «Рабочие, делегаты с Урала, из Иваново-Вознесенского района, с Кавказа, из Питера и Москвы, с юга России и из Сибири, давали Горькому, как художнику, богатейший материал для наблюдений. Во время перерывов, во время холодных завтраков и обедов, в помещении съезда он завязывал знакомства, превратившиеся потом в дружеские отношения»¹.

Горький был информирован (возможно, через Багаева) о ходе знаменитой летней стачки иваново-вознесенских рабочих в 1905 году. В борьбе против рабочих царские власти не останавливались перед самыми жестокими репрессиями, приказывали разгонять рабочих, стрелять в них. На эти события великий пролетарский писатель откликнулся в статье «О кавказских событиях», в которой писал, разоблачая народных палачей: «В Нахичевани, Курске, в Риге и в Иваново-Вознесенске — везде видна гнусная работа кучки людей, обезумевших от страха потерять свою власть над страной,— людей, которые стремятся залить кровью ярко вспыхнувший огонь сознания народом своего права быть строителем форм

¹ В. Десницкий, М. Горький, Л., Гослитиздат, 1940, стр. 110.

жизни».¹ Впоследствии в романе «Жизнь Клима Самгина», рисуя революционные события лета 1905 года, Горький в уста большевика Корнева вкладывает такую фразу: «В Иваново-Вознесенске огромная забастовка, руководят наши».

Наряду с откликами на революционные события и показом близости писателя к Ленину, к революционерам при рассмотрении темы «Горький и революция» необходимо подчеркнуть огромное революционизирующее значение его произведений. В этом отношении несомненный интерес представляют отклики передовых иваново-вознесенских рабочих на творчество Горького. Они свидетельствуют о том, что он рано стал их любимым художником, вдохновителем на борьбу против капитализма.

М. А. Багаев говорит: «Томики Горького стали настольной книгой каждого читающего рабочего. Горький сделался «нашим писателем». С «Песней о Буревестнике» мы почувствовали в Максиме Горьком не только писателя, но и революционера. Эту песню мы, рабочие-революционеры, выучили наизусть и пожелание его: «Пусть сильнее грянет буря!» осуществили в 1905 году»².

Этот отзыв уместно и целесообразно привести на уроке при изучении «Песни о Буревестнике» в 7-м классе в ряду высказываний об этом произведении В. И. Ленина, М. И. Калинина, Е. Ярославского, так как программа требует от учителя показать широкую популярность «Песни о Буревестнике» в дореволюционной России. То же самое можно порекомендовать в 10-м классе при изучении раннего периода жизни и творчества Горького.

Примечательно и другое высказывание о творчестве Горького, которое принадлежит старому большевику-ивановцу И. С. Частухину. Он рассказывает, что после поражения революции 1905 года, когда царили упадочные настроения и репрессии, ивановские рабочие, большевики-подпольщики «черпали из произведений Максима Горького источники бодрости и радости», «Бывало, — вспоминает И. С. Частухин, — усталый, кинешься на лежанку смрадной спальни Витовской фабрики. Но когда возьмешь книгу Горького..., то от усталости и следа не останется. Какой дрянью не заполнялись тогда библио-

¹ М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 23, М., Гослитиздат, 1953, стр. 337.

² «Рабочий край», 1928, № 72.

теки, но мы всегда умели выуживать книги Горького и находили на близких нам страницах то, что нужно было тогдашнему рабочему, полузадушенному реакцией, обессиленному от голода, изнеможенному от тяжелых условий труда».¹

При ознакомлении с послеоктябрьской жизнью и деятельностью Горького надо показать его как страстного борца за социализм, активного участника социалистического строительства в СССР. Поразительно, с каким вдохновением и жаждой познания знакомился он после возвращения на Родину с обновленной социалистической Россией. Широкое общение с родным народом и пламенную народную любовь к писателю можно хорошо раскрыть и на его взаимоотношениях с трудящимися Ивановской области, переписке с ними, интересе к бурному социалистическому строительству, которое развернулось в городе Иванове. Известно, что Горький просил местных литераторов специально писать о Меланжевом комбинате, «Красной Талке» и других ивановских новостройках.

Изучая послеоктябрьскую деятельность Горького, ученики должны познакомиться с ним как организатором и руководителем советской литературы, мудрым наставником и учителем молодых писателей. Неплохо будет, если учителя ивановских школ сообщат о большой роли Горького в жизни и творчестве писателей-ивановцев Фурманова, Семеновского, Шочина и др.

Тема о связях Горького с ивановцами может быть интересно и поучительно разработана на занятиях литературного кружка 10-го класса. Учащимся можно рекомендовать темы для таких докладов: «Горький и трудящиеся нашего края», «Литературные связи Горького с ивановцами», «Горький и Фурманов», «Горький — учитель молодых писателей» (с привлечением материала писем и к ивановским литераторам — Д. Семеновскому, М. Шочину, М. Маркову, Н. Орлову, Л. Маклашину и др.).

Можно предложить также устройство литературного вечера на эту тему с докладом, чтением стихов о Горьком (в том числе и стихов ивановских поэтов А. Благова — «Буревестник», Д. Семеновского — «Письма», «Горький» и др.), отрывков из интересных воспоминаний Семеновского («М. Горький. Письма и встречи»), выступ-

¹ «Рабочий край», 1928, № 75.

лениями местных поэтов. Писатели Семеновский и Шопин могут поделиться на вечере своими воспоминаниями о встречах и переписке с Горьким. Подготовка к вечеру обычно вызывает большую инициативу и самостоятельность учащихся.

Краеведческие материалы, правда в гораздо меньшей степени, есть возможность использовать и при изучении творчества Горького, таких произведений, как «Мать», «В людях», «Дело Артамоновых».

Известно, что прототипом Ниловны, главной героини романа «Мать», является Анна Кирилловна Заломова, которая в 1901 году возила из Нижнего-Новгорода прокламации в Иваново-Вознесенск, где в это время было крупное забастовочное движение. «Ниловна,— писал Горький,— портрет матери Петра Заломова, осужденного в 1900-х годах за демонстрацию 1 мая в Сормове. Она работала в организации, развозила литературу, переодетая странницей, в Иваново-Вознесенском районе...»¹

Интересно рассказывает о поездке в Иваново сама Анна Кирилловна Заломова: «Помню, попросилась я везти прокламации в Иваново-Вознесенск. «Если поймают,— учил меня сын,— говори, что я послал». «Нет,— думаю,— меня не поймаешь! Прикурну на чемоданчике — никому и невдомек, что у тетки в укладке!» Сижу на вокзале, притворяюсь, что дремлю, а у самой сердце стучит. Приходит жандарм. Остановился. Смотрит. «Ну, пропало дело,— думаю,— поймали!» Набралась храбрости да и спрашиваю его: «Скоро поезд?» А он фыркнул в бородину и отошел. Нет у него собачьего нюха, не учуял! А в Иваново ждали этот чемодан с нетерпением и встретили меня как родную».²

В романе «Мать» нет прямого указания на то, что Ниловна ездила с прокламациями в Иваново-Вознесенск. Но рассказанное Анной Кирилловной о себе, несомненно, нашло определенное отражение у Горького. В романе ч. II, гл. VIII) читаем: «Наташа поступила учительницей в уезд на ткацкую фабрику, и Ниловна начала доставлять к ней запрещенные книжки, прокламации, газеты».

¹ В. Десницкий, М. Горький, Л., 1940, стр. 310.

² Рассказ о своей жизни Анны Кирилловны Заломовой. В сб. «Семья Заломовых», составитель Дм. Левоневский, Л., «Молодая гвардия» 1948, стр. 109—110; см. также стр. 79 (Воспоминания Петра Андреевича Заломова).

В конце романа Ниловна везет к Наташе листовки с речью своего сына на суде, но на вокзале арестовывается.

Повесть «В людях» в старших классах средней школы входит в круг внеклассного чтения (8-й класс) и в общий обзор дореволюционного творчества Горького, где идет речь о работе над автобиографической трилогией (10-й класс). В связи с этим произведением значительно шире, чем в 5-м классе, может быть развернута внеклассная работа на тему «Горький и художники Палеха».

Эта тема интересна в том отношении, что она поможет учащимся уяснить взгляды Горького на народное творчество, раскроет его глубокий интерес к изобразительному искусству, позволит ознакомить учащихся с палехской живописью. Все это должно способствовать их эстетическому воспитанию и более разностороннему и углубленному изучению творчества Горького.

При работе над темой «Горький и художники Палеха» целесообразно выделить следующие вопросы:

1. «Палех — село народных художников»: древние народные корни палехского искусства; неизбежность вырождения иконописи; расцвет талантов палешан после Великой Октябрьской социалистической революции; тематики и особенности их творчества.

2. «Дореволюционный Палех в творчестве А. М. Горького (рассказ «Встряска», повесть «В людях»): встреча Алеши Пешкова с палешанами в иконописной мастерской Д. А. Салабанова в Нижнем-Новгороде; изображение их труда; образы Жихарева, Павла Одинцова и образ Алеши Пешкова; взаимоотношения Алеши с палешанами.

3. «Горький и Палех после Октября»: новый характер творчества палешан; оценка их искусства Горьким; встречи Горького с художниками Палеха; забота о процветании их искусства.

4. «Горьковские мотивы и образы в творчестве художников Палеха»: творчество Горького — источник вдохновения художников Палеха; их иллюстрации к отдельным произведениям писателя («Старуха Изергиль», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Мать», «В людях» и др.); укрепление реалистической манеры в произведениях палешан на горьковские сюжеты. Портреты Горького, написанные художниками Палеха (Н. Зиновьев, И. Мызников и др.).

По предложенным выше вопросам учащиеся, под руководством учителя, готовят доклады, подбирают соответствующий иллюстративный материал, составляют альбом. Разбор иллюстраций поможет учащимся глубже понять произведения Горького.

Кстати, некоторые из перечисленных выше работ палешан на горьковские сюжеты могут быть привлечены учителем в качестве иллюстративного материала при прохождении произведений, входящих в школьную программу. Особенно интересны композиции Н. Зиновьева «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике», а также композиция заслуженного деятеля искусств И. Вакурова «Буревестник».

Не лишне познакомить учащихся с портретом Горького, принадлежащим кисти палешанина Павла Дмитриевича Корина (портрет написан в Сорренто в февралемарте 1932 года). П. Д. Корин вышел из семьи потомственных иконописцев, но еще до Октябрьской революции получил специальное художественное образование. В наши дни он является крупным советским художником, заслуженным деятелем искусств РСФСР, лауреатом Сталинской премии (Сталинскую премию П. Д. Корин получил за оформление станции метро «Комсомольская — кольцевая»). Горький дан Кориним во весь рост на фоне гор и моря. Это один из немногих горьковских портретов, написанных с натуры. Горький считал его лучшим своим портретом. В настоящее время он находится в Москве, в Государственной Третьяковской галерее.¹

Работа над темой «Горький и художники Палеха» может быть завершена экскурсией в Палех — в Музей палехского искусства и мастерские палехских художников.

Роман «Дело Артамоновых» изучается в 10-м классе лишь обзорно, он включен в список произведений, рекомендуемых для внеклассного чтения. Роман является своеобразной художественной историей русского капита-

¹ Фотокопию этого портрета можно приобрести в Третьяковской галерее. Следует учесть также, что для составления альбома из работ палехских художников на горьковские сюжеты школа может заказать необходимые фотокопии в Государственном музее палехского искусства (пос. Палех, Ивановской области), частично в Музее М. Горького (г. Москва), Музее народного искусства (г. Москва), Ивановском краеведческом музее и т. д.

лизма и утверждает идею о неизбежности гибели буржуазного строя.

Любопытно, что материалом для произведения в какой-то степени послужила история семьи вичугско-кинешемских фабрикантов Разореновых. И. П. Ладыжников рассказывает об этом следующим образом:

«В 1903 году я познакомил Алексея Максимовича с семьей фабриканта-промышленника Разоренова.

Разореновы владели большими ткацкими фабриками в Вичуге, Костромской губернии, и прядильнями в Кинешме, на Волге.

Фактическим хозяином фабрики, «дельцом» был только старший брат, имени его я не помню. Средний брат — Сергей — пьяница, кутила, бездельник. Сестра была психически больной.

Горький был хорошо знаком с младшим братом — Алексеем Александровичем Разореновым. Именно он в какой-то мере послужил прототипом образа Ильи Артамонова-младшего...

Вскоре после знакомства с Разореновым Алексей Максимович, имея в виду историю этой семьи, как-то сказал мне: «Интересная тема для произведения о вырождающихся поколениях буржуазии. Напишу роман».

Сведения, сообщенные И. П. Ладыжниковым, включены в настоящее время в материалы творческой истории «Дела Артамоновых» и приняты в научной литературе о Горьком. Они приведены в комментариях к роману в 16 томе нового, тридцатитомного собрания сочинений М. Горького (стр. 596—597). Подробнее эти сведения использованы в статье В. А. Максимовой «Из творческой истории романа М. Горького «Дело Артамоновых» (сб. «Горьковские чтения», 1947—1948. Издательство АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 146—147).

Было бы интересным собрать в Кинешме и Вичуге более подробные сведения об Алексее Александровиче Разоренове — прототипе Ильи Артамонова-младшего. Вероятно, его знают старые рабочие. Подобная работа в известной мере отвечала бы призыву, выдвинутому 6 февраля 1934 года в «Литературной газете» А. А. Ждановым, — «проследить судьбы горьковских героев и городов».

В план краеведческой работы, связанной с Горьким,

следует также включить выявление лиц, которые встречались и переписывались с ним, запись воспоминаний о нем, проверку их достоверности. Иногда такая разыскательская работа может натолкнуть и на маленькие «открытия».

Вспоминается пример из собственного опыта. Хотя то, о чем пойдет речь ниже, никак нельзя назвать «открытием», пускай и маленьким, но оно свидетельствует об определенных возможностях подобной разыскательской работы. С годами таких возможностей будет все меньше и меньше.

В 1938 году мы, несколько учеников 9-го класса, познакомились с учителем начальной школы в городе Кохме Григорием Михайловичем Белороссовым. Это был чудесный старик, свыше сорока лет проработавший в школе. В 1912 году вместе с группой земских учителей ему привелось побывать в Италии, и конечно же учителя решили навестить Горького на Капри. Живой, яркий, увлекательный рассказ Григория Михайловича о Горьком врезался в память нам на всю жизнь, как будто бы мы побывали в гостях у Горького, как будто бы мы катались с ним на лодке по озеру к чудесному гроту, как будто бы мы испытали на себе чарующую теплоту и ласковость его улыбки. Из рассказа старого учителя перед нами встал обаятельный образ Горького — человека. Когда на следующий год в 10-м классе мы стали изучать творчество Горького, Горький уже был нам органически близок и как-то по-особому знаком.

В моих записях сохранился интересный эпизод, рассказанный Г. М. Белороссовым.

Вынужденный жить за пределами родной страны, Горький особенно интересовался всем, что происходило на Родине.

— Ну, как там, в России? — был первый вопрос, обращенный Горьким к учителям.

Вечером Алексей Максимович пригласил к себе каприйских крестьян-соседей, среди них было много молодежи. По предложению Горького, они познакомили учителей с итальянскими национальными песнями и танцами. Особенно с восхищением следил Горький за тарантеллой, хвалил танцоров. Когда танец окончился, он обратился к своим русским гостям:

— Давайте покажем итальянцам русскую пляску.

Среди учителей нашелся хороший плясун. Он вышел в круг и начал танец: в его движениях в одно целое соединялись удаль и грациозность, а во всей его фигуре так и чувствовался широкий размах русской души.

Горький, не отрывая глаз, смотрел на него и с каким-то задором и гордостью сказал:

— Наша все-таки лучше.

Как память о незабываемой встрече с Горьким Григорий Михайлович показывал нам его книгу «Жизнь Матвея Кожемякина» с автографом. К сожалению, содержание автографа ни тогда, ни в последующих встречах с Г. М. Белороссовым я не записал, чего никак не могу простить себе.

Предложенные выше материалы, пути и методы краеведческой работы о Горьком в школе, разумеется, не являются исчерпывающими. Что касается материалов, то, помимо приведенных выше, их можно найти в следующих работах:

1. Д. М. Семеновский, А. М. Горький, Письма и встречи. Издательство «Советский писатель», 1938; изд. 2-е, 1940.

2. П. Куприяновский, А. М. Горький в общении с ивановцами. Ивановское областное государственное издательство, 1950.

Главы книжки: I. Литературные связи Горького с ивановцами; II. Горький и художники Палеха; III. Горький — трудящимся нашего края.

3. П. В. Куприяновский, М. Горький и Д. М. Фурманов. — «Ученые записки» Ивановского государственного педагогического института, т. VI. Филологические науки, 1954.

4. Е. Вихрев, Палех. М., Гослитиздат, 1938.

5. Сб. «Палех», Ивановское книжное издательство, 1954.

П. В. КУПРИЯНОВСКИЙ
(при участии А. М. МЯГКОВА)

А. С. СЕРАФИМОВИЧ

Александр Серафимович Серафимович — один из зачинателей советской литературы. Еще в дооктябрьские годы своим творчеством он помогал народу бороться за освобождение от гнета капитализма. Он был литературным соратником великого пролетарского писателя А. М. Горького. После Октябрьской революции Серафимович создал классическое произведение социалистического реализма — «Железный поток».

С этим произведением учащиеся 10-х классов знакомятся в обзорном порядке, при изучении путей развития советской литературы. Более подробное ознакомление с ним выносится на часы внеклассного чтения. Для внеклассного чтения рекомендованы также и другие произведения Серафимовича («На льдине», «Бомбы» и др.). В круг внеклассного чтения 5—7-х классов включены рассказы писателя для детей.

Таким образом, школьная программа по литературе ориентирует на изучение творчества Серафимовича в порядке внеклассного чтения. Это лучше всего сделать на занятиях литературного кружка путем сообщений и докладов о его жизни и творчестве, а также путем бесед по содержанию прочитанных школьниками произведений Серафимовича. Специальное занятие кружка в старших классах можно провести по теме «А. С. Серафимович и наша область».

Серафимович трижды приезжал в Иваново. Он побывал также в Кохме, Комсомольске, Ново-Леушине, Тейкове, Кинешме и других местах области. Эти поездки дали писателю богатый запас жизненных наблюдений.

На ивановском материале им написаны рассказ «История одной забастовки» и очерк «Город рабочих».

Краеведческий материал, связанный с Серафимовичем, поможет ярко обрисовать его как писателя нового типа.

Подобно Горькому и Маяковскому, Серафимович много ездил по родной стране, часто встречался с читателями. Чем были вызваны эти поездки? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к очерку «По родимой стране» и к статьям «Вечера рабочей критики», «Читатель и писатель», «Писатель раньше и теперь», «Отчет художника», «Писатель должен шагать вровень с эпохой» и другим статьям, вошедшим в десятый том его собрания сочинений (М., Гослитиздат, 1948). В них Серафимович настойчиво подчеркивает мысли о том, что роль писателя как передового общественного деятеля в условиях советского строя неизмеримо выросла, что требования советского читателя к литературе всё возрастают, что писатель должен хорошо знать жизнь народа, должен постоянно быть с ним связанным, должен указывать читателю дорогу вперед.

«Мы, писатели,— заявлял Серафимович,— еще мало знаем родную страну. Она быстро изменяется. То, что вчера было ново, сегодня уже стало привычным. Жизнь могуче раздается вширь и вглубь, несказанно усложняется. За ней нужно непрерывно поспевать — иначе отстанешь, иначе будешь видеть только прошлое» (т. X, стр. 247).

Однако поездки Серафимовича по родной стране преследовали не только эту цель — набраться впечатлений о новом, чтобы не отстать в творчестве от жизни. Свои поездки Серафимович расценивал одновременно и как отчет писателя перед читателями, как средство живого обмена мнениями. Он считал, что встречи с читателем, «вечера рабочей критики» будут способствовать творческому росту писателя.

«На этих вечерах,— говорил Серафимович,— я встретил своего читателя, я почувал связь с ним, я, так сказать, поглядел на него, я выслушал его требования, я выяснил ту правку, которую он вносит в мою работу, и это для меня, как для работника пролетарской литературы, драгоценно.

Это как раз и есть та смычка писателя с читателем, которая заставляет писателя расти...» (т. X, стр. 348).

Рассматривая вопрос о мотивах поездок Серафимовича, нельзя упускать из виду еще одного обстоятельства. Серафимович был писателем-трибуном, общественником, агитатором. Он хотел быть в гуще любимого им народа не только для того, чтобы наблюдать жизнь и знать народное мнение о литературе, но и для того, чтобы использовать слово писателя для пропаганды великих идей Коммунистической партии, для духовного и эстетического воспитания народных масс.

Все эти качества Серафимовича как писателя нового, горьковского типа ярко проявились и в его произведениях и в его выступлениях перед читателями.

Они обеспечили ему широкую народную любовь и популярность.

Читатели-ивановцы дали высокую оценку творчеству Серафимовича. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы, опубликованные газетой «Рабочий край» 20 января 1933 г. к 70-летию писателя. Рабочие фабрики им. Балашова писали в газете: «Произведения Серафимовича понятны каждому рабочему читателю. Книги его расходятся в нашей фабричной библиотеке нарасхват. За сердце хватают его повести о 1905 годе. Особенно же популярен роман Серафимовича «Железный поток», который по художественности можно сравнить с лучшими произведениями Горького».

В своем обращении к писателю граверы Сосневской фабрики заявляли: «Мы знаем все, написанное тобою. С первых рассказов — «На льдине», «Снежная пустыня», «На плотях» — ты определился в глазах рабочих читателей как борец за дело трудящихся... Ты помог рабочему разобраться в положении эксплуатируемых и сделать отсюда революционные выводы... Мы высоко ценим твою роль как глашатая новой пролетарской культуры, как учителя новых кадров писателей из рабочего класса».

**
*

Остановимся подробнее на материале, связанном с пребыванием Серафимовича в Ивановской области.

Первый раз Серафимович приехал в Иваново (тогда

еще — Иваново-Вознесенск) 4 февраля 1923 г. и пробыл в городе три дня.¹ Он был приглашен Губполитпросветом для прочтения лекции на тему «Революция, литература и пролетариат». Лекцию на эту тему писатель дважды читал в городском театре, затем выступил на вечере в совпартшколе. На вечере он прочел также свой рассказ «Бабыя деревня». В свою очередь курсанты школы, по просьбе Серафимовича, прочли несколько своих произведений литературно-художественного характера. В заключение они подарили писателю два номера рукописного журнала «Знамя курсанта». Уезжая с этого вечера, оставившего сильное впечатление и у читателей и у писателя, Серафимович сказал: «Писатель силен богатством впечатлений. В Иваново-Вознесенской совпартшколе я разбогател: у меня так много осталось впечатлений об этой тесной курсантской семье, что я боюсь за то, сумею ли их довести до Москвы».

Эти впечатления писателя нашли затем свое отражение в очерке «Город рабочих».

Последнее выступление Серафимовича состоялось 6 февраля в клубе коммунистов. Оно было посвящено вопросам рабкоровского движения и обсуждению рассказа одного молодого писателя. «Затем,— как пишется в газетном отчете,— тов. Серафимович прочел свой рассказ «Чудо», живо и увлекательно написанный, который аудитория прослушала с большим вниманием».

Наряду с чтением лекций и встречами с читателями Серафимович использовал свой приезд в Иваново для того, чтобы ближе узнать прошлое и настоящее города текстильщиков, познакомиться с производством. Он говорил: «Иваново-вознесенские рабочие проявили себя истинными ударниками восстанавливающейся промышленности. Их пример должен был соответственным образом воздействовать на ткачей других отстающих фабрик» (т. VIII, стр. 431).

Этими мыслями писатель руководствовался, когда писал очерк «Город рабочих». Очерк был опубликован в «Рабочей газете» (Москва) 24 февраля 1923 г., т. е. вскоре после возвращения из Иванова.

¹ Сведения о пребывании Серафимовича в Иваново в 1923 г. почерпнуты нами в газете «Рабочий край», 1923, №№ 25, 28, 29 за 4, 8 и 9 февраля.

«Город рабочих» — произведение маленькое по объему, но емкое по содержанию. В нем проявилось искусство Серафимовича писать сжато, так, чтобы «словам было тесно, а мыслям — просторно».

В начале очерка писатель набрасывает внешний облик города, который «прост, крепок, широко раскинулся». И во внутренней жизни, замечает автор, город «крепок, прост, по-рабочему, может быть, потому что рабочая жизнь дает ему свою окраску, содержание». Вспомнив, далее, о старой жизни ткачей, он противопоставляет ей «трудовую, крепкую, кряжистую жизнь» советского Ивано-Вознесенска.

Тема ростков нового, «ростков коммунизма» — вот что объединяет нарисованные затем в очерке три картинки из жизни города рабочих: в губкоме партии, на заводе и в совпартшколе.

Эта тема раскрывается и в деятельности секретаря губкома, в улыбающихся глазах которого проступает «кипучая несокрушимость», и в трудовом энтузиазме молодых рабочих, стремящихся разобраться в окружающем мире, жить и работать сознательно, и в образах курсантов совпартшколы, в их настойчивой тяге к науке, знаниям, в их быте, разумных развлечениях.

Очерк «Город рабочих» входит в серию очерков Серафимовича тех лет, где он изображает преимущественно фабричную и заводскую жизнь («Новая стройка», «У текстилей» и др.). В них писатель стремился творчески ответить на задачи, выдвинутые В. И. Лениным и Коммунистической партией перед печатью и писателями: воспитывать массы на живых, конкретных примерах, показывать, как на деле рабочие и крестьяне строят нечто новое, коммунистическое в своей будничной работе.

Вскоре после возвращения из Иванова Серафимович написал и другое произведение, посвященное городу текстильщиков, — рассказ «История одной забастовки» (впервые напечатан в журнале «Безбожник» за 1924 г., № 7—8).

Писатель позднее говорил об этом произведении: «Я изобразил в нём рассказанный мне когда-то случай из рабочей жизни в Ивано-Вознесенске» (т. X, стр. 445). Трудно сейчас утверждать, что этот случай был рассказан именно во время пребывания автора в Иванове в

1923 г. Несомненно, однако, что пребывание в Иванове, живые впечатления от города, беседы с рабочими не прошли для него бесследно и помогли в создании рассказа.

Из рассказа нельзя точно установить время действия в нем, но сам автор изображенные события приурочивал к революции 1905 года. Это подтверждается тем, что в 1935 г. он включил рассказ в сборник своих произведений о 1905 годе (см. А. Серафимович, «1905 год», издательство «Советский писатель», 1935).

Было бы неправильным усматривать в «Истории одной забастовки» лишь пересказ какого-то конкретного случая. Это реалистическое произведение, воспроизводящее в обобщенных, типизированных образах жизнь рабочих-ткачей при капитализме и их революционную борьбу.

В центре повествования — судьба семьи Ивана Вязалкина. Вязалкин «бунтует фабрику», распространяет листовки. Арест одного из рабочих является поводом для забастовки, для открытого протеста против невыносимых условий жизни. Забастовка заканчивается расстрелом рабочих. В числе убитых и Иван Вязалкин. Семья осталась без кормильца. Но кровь рабочих пролита не даром: она раскрыла многим глаза, толкнула на путь революционной борьбы.

Образом жены Вязалкина, Татьяны, писатель ставит одну из основных тем своего творчества — тему пробуждения революционного сознания. Эта забитая, религиозная женщина, когда-то осуждавшая своего мужа, продолжает теперь его дело. И хотя она арестована, но не сломлена, на её стороне масса народу, преисполненного решимости бороться за свои права. «Мы своё возьмем, навалимся на иродов. Еще свидимся!» — так отвечает Татьяне громадная толпа на её призыв «сготовить стачку» и «навалиться на хозяев». Идея грядущего торжества рабочего дела окрашивает собой всё произведение, хотя судьба Татьяны и оставшихся после неё детей тяжела: сына-подростка ждет тюрьма (его обвинили в воровстве), а дочери в конце концов уготован дом с красным фонарем.

С большой силой в рассказе поставлен вопрос о том, кто виновник тяжелой драмы, обрушившейся на семью

Вязалкина. Параллельно семье ткача Серафимович изображает семью фабриканта. Фабрикант и его домохозяева представлены как сытые, лицемерные кровососы рабочих. В их услужении находятся церковь, жандармерия, суд, оправдывающие любое преступление своих хозяев.

История забастовки, в изображении Серафимовича, это не только история тяжелой драмы семьи Вязалкина, но вместе с тем и история обнажения классовой сущности религии, царского суда, буржуазной филантропии, история социального прозрения рабочего класса. Особенно большое место в рассказе занимает антирелигиозный мотив. В соответствии с жизненной правдой писатель показывает, что церковь была верным оплотом буржуазного строя. Это подчеркивается и такой деталью: на престольном празднике у фабриканта поп сидит посреди стола рядом с жандармом. В изображении «хозяев» и «батюшки» Серафимович пользуется приемом резкого сатирического заострения образа. Это направлено главным образом на то, чтобы обнажить несоответствие между их словами и делами.

В рассказе писатель показал себя мастером скупой, но выразительной характеристики персонажей, что особенно чувствуется в обрисовке Татьяны, жены фабриканта и попа. Описания быта, обстановки, природы также отличаются лаконичностью и несут на себе большую идейную нагрузку. «Угрюмо сечет дождь темнокирпичные казармы. А внутри холодно, голодно, тревожно». Всего несколько слов, а как они сразу вводят читателя в дальнейшее повествование о жизни Вязалкиных, в характер Татьяны! С другой стороны, короткий весенний пейзаж в главе «Весна» как бы предваряет рассказ о социальном пробуждении, обновлении Татьяны. Основной принцип композиции в рассказе — принцип контраста. Он позволяет Серафимовичу наглядно раскрыть непримиримые классовые противоречия между рабочими и буржуазией.

Рассказ «История одной забастовки», как значительное художественное произведение Серафимовича, должен привлечь к себе особое внимание, и наряду с очерком «Город рабочих» его следует проанализировать на занятиях литературного кружка.

Перейдем к приездам Серафимовича в область в 1941 и 1945 гг.

В 1941 г. писатель был в Иванове в конце января и начале февраля. 29 и 30 января состоялись его встречи с партийным, советским, профсоюзным и комсомольским активом, а также с писателями.¹ 31 января в клубе хлопчатобумажного комбината он выступил перед рабочими г. Кохмы.²

Серафимовича сопровождал редактор его произведений Г. Б. Нерадов, который читал доклады о жизни и творчестве писателя. Серафимович делился с присутствующими своими воспоминаниями о Короленко, Горьком, Л. Андрееве, Куприне, останавливался на вопросах современной советской литературы, её недостатках, рассказывал о том, как стал писателем, читал свои произведения и отвечал на вопросы аудитории. По такому, примерно, плану проходили выступления писателя, всюду тепло встречаемого многочисленными слушателями.

Вот как описал одну из встреч с Серафимовичем в 1941 году ученик 10-го класса 32-й школы г. Иванова В. Савельев.

«На вечер я шел с огромным интересом. Еще бы! Ведь приезжает старейший и лучший советский писатель, лично знавший Горького, написавший прекрасное произведение «Железный поток»! Я ожидал услышать много интересного и нового. И я не ошибся в своих ожиданиях. Нерадов, литературный секретарь Серафимовича, оказался прекрасным докладчиком. Сжато, красочно ознакомил он слушателей (которых было много!) с творчеством Серафимовича. Но более интересное было впереди. Выступил сам Серафимович. Мне он показался мудрым, ласковым, добродушным человеком. Говорит очень тихо, но так, что слушают его очень внимательно, и все понятно. Несмотря на свой возраст, выглядит очень бодро и на вопрос: «Как Вы в таком возрасте сумели сохранить себя?» — шутливо ответил: «А кто Вам сказал, что я стар!».

¹ «Рабочий край», 1941, №№ 21, 23, 24, 25 за 26; 29; 30 и 31 января; «Ленинец», 1941, № 14, 1 февраля.

² «Ленинский путь» (г. Кохма), 1941, № 10, 2 февраля.

На вечере было много учеников из младших классов. Должно быть, из них кто-то прислал записку: «Нам учительница в школе сказала, что все писатели начинают со стихов. Писали стихи Вы?» «Это действительно так,— сказал Серафимович,— большинство писателей начинают со стихов. Даже самый серьезный и суровый писатель Салтыков-Щедрин в юности писал стихи, но впоследствии к поэзии относился весьма недоброжелательно. И когда ему напоминали, что он сам писал, он отмахивался, говоря: «Уйдите! Не приставайте ко мне! Мало ли что в юности было!» Салтыков-Щедрин в шутку говорил, что стихотворение подобно натянутой веревочке, по которой двигается человек и через 3 шага приседает. Но я,— продолжал Серафимович,— хотя сам писатель, стихи никогда не писал. Однажды, по ходу действия моего рассказа, потребовалось четверостишие. Я не мог написать его, хотя сидел и выдумывал целый день. Ничего не получилось!»

Много интересного рассказал Серафимович о Горьком. Однажды, до революции, Горький пригласил писателей, чтобы прочитать им новую пьесу. Был приглашен и Серафимович. Горький читал, читал и вдруг, прервав чтение, вышел на середину комнаты и стал делать гимнастические упражнения. Это никого не удивило: привыкли, и Серафимовичу, недавно узнавшему Горького, сказали, что Горький, читая, чувствует избыток энергии и силы, которую ему некуда девать.

Серафимович был знаком с Маяковским, отзывается о нем тепло и ценит как огромный талант: «Маяковский явился разрушителем застоявшихся форм поэзии».

«Кого вы всего больше цените из здравствующих прозаиков?» — спросили его.

«Себя, себя, конечно!» — шутливо ответил, улыбаясь, Серафимович. Это было встречено дружными аплодисментами. Талантливейшим писателем он считает Шолохова.

Сергея Есенина, оказывается, читают многие, и многие им интересуются. О нем было задано несколько вопросов. Серафимович сказал: «Это был великий художник, но несчастный человек».

С вечера я шел с чувством глубокого уважения к этому мудрому человеку. «Я доли десятой не передам»

качеств его: неизгладимое впечатление оставил он у меня»¹.

В 1945 г. Серафимович пробыл в области значительно дольше, чем в 1941 г.: всю вторую половину мая. На этот раз писатель, после выступлений в Иванове,² совершил большую поездку по области, побывав в Кинешме,³ в Комсомольске и Маркове-Сборном,⁴ в Ново-Леушине,⁵ в Тейкове.⁶ Программа творческих вечеров Серафимовича была такая. Сначала доклад о его жизни и творчестве делал Г. Б. Нерадов. Потом с воспоминаниями о Ленине и Горьком, с рассказом о заграничных впечатлениях и о посещении фронтов Великой Отечественной войны выступал Серафимович. Говорил он, как отмечается в одном из отчетов, «с обаятельной простотой и теплотой, характерной для его произведений». Вечер завершался чтением художественных произведений писателя (артисты Е. М. Славина и Д. А. Дальский). Как всегда, не обходился вечер и без вопросов, без задушевной беседы писателя со своими читателями.

Во время последнего приезда в нашу область Серафимович общался с самыми различными людьми: студентами, рабочими торфопредприятий, журналистами, писателями, научными работниками, ранеными бойцами, обслуживающим персоналом госпиталей и т. д. Он побывал на Меланжевом комбинате (в Иванове), посетил в Комсомольске ИВГРЭС, съездил на Октябрьское торфопредприятие, всюду проявляя живой интерес к людям, их труду и быту.

Газетные отчеты о посещениях Серафимовичем нашей области в 1941 и 1945 гг., к сожалению, очень скупы, они носят чисто информационный характер. Поэтому в местах, где он побывал, в план краеведческой работы следует включить запись воспоминаний о писателе от тех людей, которые с ним встречались. С их помощью могут быть восстановлены некоторые интересные факты, мате-

¹ Литературно-художественный журнал 32-й школы г. Иваново за 1940—1941 гг.

² «Рабочий край», 1945, № 96, 18 мая.

³ «Приволжская правда» (г. Кинешма), 1945, № 60, 23 мая.

⁴ «Рабочий край», 1945, № 103, 29 мая.

⁵ «Торфяник» (г. Тейково), 1945, № 16, 5 июня.

⁶ «Большевистская трибуна» (г. Тейково), 1945, № 21, 29 мая.

риалы и детали, позволяющие более живо представить облик Серафимовича как писателя и человека.

В этом отношении очень полезной окажется также статья Г. Нерадова «Поездки А. С. Серафимовича по Советскому Союзу», которая напечатана в сборнике «А. С. Серафимович. Исследования, воспоминания, материалы, письма» (М.—Л., издательство Академии наук СССР, 1950, стр. 197—235). В этой статье есть много сведений, касающихся встреч писателя с людьми нашей области, его выступлений перед читателями.

Автор сообщает, например, такой, характерный для Серафимовича, факт: собираясь куда-нибудь в поездку, он обязательно собирал и изучал материал об этом крае. Перед поездкой в Ивановскую область он обстоятельно ознакомился с материалом о ткачах и торфяниках.

Выступал Серафимович много лет в одном и том же простом, черном, хорошо сшитом и всегда свежем костюме, который по возвращении с вечера бережно вешал на распялку или на стул. Иногда Серафимович шутил: «Он у меня — без износу. Из «аглицкого» сукна, самой настоящей ивановской марки».

Нерадов рассказывает, что после выступлений писатель любил беседовать с простыми, рядовыми работниками, разговаривал тепло и дружески, и они чувствовали себя с ним свободно. Нерадов приводит в статье интересные записи бесед Серафимовича с девушками, работницами тейковских торфоразработок, с ранеными в госпитале Кинешмы. Он воспроизводит также интересные «прения» слушателей на Меланжевом комбинате по поводу произведения «Железный поток».

В статье сообщается о встречах с местными писателями, читках и обсуждениях рукописей, которые проводил Серафимович: «Обычно он приглашал на эти читки писателей из местного отделения Союза советских писателей. В Иваново-Вознесенске в такой работе участвовали писатели Полторацкий (ныне корреспондент «Известий»), Благов, Семеновский, Шошин, Прокофьев и др.

Обсуждения проходили очень оживленно. «Хозяин» умело и тактично руководил прениями. В обращении со всеми Серафимович был неизменно мягок и деликатен, не допускал резкостей. Но совершенно преобразался, когда дело касалось принципиальных и острых вопросов.

Он тогда не скупился на самые беспощадные слова, был непреклонен, негибем, как истинный большевик».

Заслуживают особого внимания высказывания Серафимовича об изображении положительного героя и народной массы, которые он сделал в лектории текстильщиков в Иванове.

«Надо, — утверждал писатель, — чтобы положительный герой вызывал в читателе чувство национальной гордости. Хорошо будет, если положительный герой будет одновременно в подлинном смысле и национальным героем, т. е. если его действия, умонастроения будут отражать черты сотен тысяч, миллионов таких же, как он.

Но приближается время — это время, можно сказать, уже наступило — когда отдельный положительный герой нас уже не сможет удовлетворить. Как бы величав ни был герой сам по себе, печально, если он будет стоять одиноким и возвышаться над бесцветной и пассивной массой. Надо видеть и изображать героинку широких масс на фронтах военном и производственном. Художник должен пытливо искать и отображать массовый подъем, массовый подвиг, при совершении которого вся масса движима единой волей, единой целью».

Эти высказывания Серафимовича помогают лучше уяснить особенности его произведений и, прежде всего, особенности «Железного потока». Они имеют принципиальное значение для всей советской литературы, так как подчеркивают, что объектом художественного изображения для советских писателей в первую очередь должен быть народ — творец истории, что советской литературе должен быть чужд культ отдельного героя, пускай и положительного.

**
*

Выше нами изложены основные факты, связанные с пребыванием Серафимовича в Ивановской области. Будучи рассмотренными на занятиях литературного кружка в виде сообщений «Поездки Серафимовича по нашей области» и «Произведения Серафимовича об Иванове», эти факты дадут возможность поставить некоторые общие вопросы о типе советского писателя и о Серафимовиче как писателе социалистического реализма. Надо, чтобы учащиеся самостоятельно разобрались в этих во-

просах, поработав над указанными в статье источниками, особенно над произведениями самого писателя.

Краеведческий материал, несомненно, «приблизит» писателя к учащимся, возбudit интерес к его жизни и творчеству. В этом, главным образом, и будет состоять смысл работы над ним.

В. А. БАРТЕНЕВ

Д. А. ФУРМАНОВ

Выдающийся писатель-коммунист, один из славных зачинателей советской литературы, Дмитрий Андреевич Фурманов крепко был связан с Иваново-Вознесенском и всем нашим текстильным краем.

Он большую часть своей так рано закончившейся жизни провел в Иваново-Вознесенске. Здесь прошли его детские и юношеские годы, здесь и в Кинешме, он получил среднее образование. В Иваново-Вознесенске он идейно сформировался и воспитался как видный советский и партийный работник.

В Иваново-Вознесенске началась литературная деятельность Фурманова и как писателя-публициста, и как автора художественных произведений. Со своим родным рабочим краем, с его сердцем — Иваново-Вознесенском, городом замечательных революционных традиций и бурного социалистического строительства, Фурманов не порывал тесных отношений до самой смерти, часто навещал Иваново и активно участвовал в местной печати. Так, перелистывая пожелтевшие страницы старых комплектов газеты «Рабочий край», начиная с 1917 года и по 1926 год, когда оборвалась нить жизни Д. А. Фурманова, встречаешь его подписи и под целым рядом статей на политические темы, и под очерками, и под заметками по вопросам литературы и искусства, и под произведениями художественной прозы и поэзии.¹

Следует в связи с этим отметить, что многое из помещенного Фурмановым в «Рабочем крае» явилось свое-

¹ Подробно об этом см. в статье «Дм. Фурманов на страницах «Рабочего края», сб. «Дм. Фурманов — писатель-большевик», Ивгиз 1951, стр. 27—56.

образными творческими заготовками для его крупнейших художественных произведений — романов «Чапаев» и «Мятеж», повести «Красный десант» и пр.

В произведениях Д. А. Фурманова, вошедших в позднейшее трехтомное собрание его сочинений¹, мы найдем страницы, оразившие прошлое иваново-вознесенского пролетариата, у которого, по словам писателя, «никогда не переставало колотиться революционное сердце». В других своих произведениях Фурманов показал Иваново-Вознесенск в незабываемые дни, предшествовавшие великому Октябрю, и сам Октябрь. Особенно же ярко и широко он воплотил в своем творчестве многогранную жизнь и борьбу сынов и дочерей «третьей рабочей столицы», — как не без основания Фурманов называл Иваново-Вознесенск, — в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, а также в наступивший вслед за ними период восстановления народного хозяйства молодой Советской Республики.

«Слава тебе, прокоптелый от фабричного дыма Иваново-Вознесенск, — писал Фурманов в статье, напечатанной в конце 1920 года в центральных «Известиях». — Много дорогих жертв принес ты на алтарь рабочей революции... Да будет славно твоё имя, третья рабочая столица, да будет она поднимать наш дух в суровой борьбе и указывать, как борются и как должны бороться честные и мужественные рабочие рабочего государства».

Всё выше приведенное подчеркивает большое значение литературного наследия Фурманова для организации краеведческой работы в школах нашей области.

Работа в данном направлении может быть осуществлена и в процессе классного изучения творчества Фурманова, предусмотренного школьной программой в 6-м классе, и в порядке кружковых занятий.

В том и другом случаях надлежащее место должно занять изучение материала, относящегося к биографии Фурманова, имеющей определенное значение и в плане краеведческой работы, и в плане идейного воспитания нашей молодежи. Программой литературного чтения для учащихся 6-го класса предусмотрена специальная беседа учителя о жизни и творчестве Д. А. Фурманова, расчи-

¹ Д. А. Фурманов, Сочинения, М., Гослитиздат, 1951—1952 гг.

танная на один урок. Это тем более необходимо, что в книге по литературному чтению для 6-го класса помещен только текст 5 и 6 глав романа «Чапаев», изучаемых в данном классе, и совсем отсутствуют биографические сведения об авторе произведения.

К сожалению, пока еще нет научно разработанной и ярко написанной биографии нашего писателя-земляка.

В некоторых книгах о нем, в частности, А. Фурмановой (1941) и Е. Наумова (1954) слабо освещены детские и юношеские годы Фурманова, которые всегда привлекают внимание школьников, и к тому же в его жизнеописание вкрались неточности. Лучше, полнее и точнее этот период жизни писателя освещен в недавно вышедшей книге Г. Владимирова¹. Вторая глава этой книги хорошо отражает связи Фурманова с Иваново-Вознесенском. В целом работа Г. Владимирова всесторонне раскрывает жизненный и творческий путь выдающегося писателя-коммуниста.

Необходимые сведения о жизни и творческом пути Фурманова учитель найдет также в очерке, помещенном в сборнике «Писатели текстильного края», выпущенном Ивановским книжным издательством в 1953 году.

При этом он должен, в целях краеведения, подчеркнуть те места из биографии писателя-земляка, которые говорят о его тесных связях с родным краем.

Далее, переходя к рассмотрению программного материала для учащихся 6-го класса (указанные нами главы из романа «Чапаев», в котором значительное место занимает образ Федора Клычкова), учителю следует заметить, что прототипом Клычкова является сам автор — Дмитрий Фурманов, прибывший на фронт вместе со вторым отрядом ивановских рабочих. Этот отряд влился в 25-ю дивизию, которой командовал В. И. Чапаев, составив особый Иваново-Вознесенский полк. Об отправлении рабочего отряда на фронт рассказывается в первой главе романа.

¹ Г. П. Владимиров, Творческий путь Фурманова, ГИЗ, УзССР, Ташкент, 1953. Из других вновь выпущенных книг о нашем писателе-земляке рекомендуются: В. Озеров, Д. А. Фурманов, «Советский писатель», М., 1953; А. Калнберзина, Д. А. Фурманов, Латгосиздат, Рига, 1953.

Из этой главы, на наш взгляд, уместно прочесть небольшой отрывок, где говорится о выступлении Федора Клычкова на старом ивановском вокзале перед отправляющимися на Восточный фронт рабочими и пришедшими их провожать земляками (том 1 сочинений Д. А. Фурманова, стр. 36—39, со слов: «Вокзал не широк...» и кончая словами: «Прощайте, дорогие товарищи, от имени красных солдат отряда — прощайте...»).

Перенеся более обстоятельное изучение творчества нашего выдающегося писателя-земляка на занятия литературного кружка и привлекая на них учащихся старших классов, в особенности 10-го класса, где, согласно программе, о Фурманове говорится лишь в общем очерке литературы периода гражданской войны и восстановления народного хозяйства, учитель найдет в произведениях Фурманова много материала, отразившего революционную борьбу иваново-вознесенских рабочих в прошлом (рассказы «Талка», «Как убили Отца»), их жизнь и борьбу в дни, предшествовавшие Великой Октябрьской социалистической революции («Незабываемые дни», «На подступах Октября») и особенно — героические подвиги иваново-вознесенцев, включая и самого Фурманова, в период гражданской войны («Чапаев», «Мятеж», «Красный десант», «Маруся Рябинина», «Фрунзе» и другие).

Вспоминая минувшие боевые дни и битвы нашего народа за Советскую власть на многочисленных фронтах, Фурманов слагает подлинный гимн революционной энергии и активности иваново-вознесенцев.

В статье, приуроченной к пятой годовщине Красной Армии и помещенной на страницах «Рабочего края», он пишет:

«Я вспоминаю имена иваново-вознесенцев. Гибли сотнями... Немного на фронте было таких частей, где бы так много было рабочих, как в Иваново-Вознесенском полку. Этим и объясняется исключительная стойкость, холодное спокойное мужество, изумлявшее наших врагов», — подчеркивает Фурманов и продолжает: «Потом я встречался со своими земляками по самарской работе. В Ташкенте, в Верном, в Туркестане, в Грузии, на Кубани, на Дону — всюду они вели большую работу, пользовались неизменным уважением, их считали как бы старшими по революционной работе, по боевому стажу, по развитию, общей подготовке».

На занятиях кружка на основе художественных и публицистических произведений Фурманова можно было бы поставить небольшие доклады учащихся старших классов на такие темы:

1. «Революционная борьба ивановских рабочих в царское время».

2. «Ивановские рабочие на фронтах гражданской войны».

3. «Фурманов и Фрунзе» и другие.

Полезно совершить с учащимися ивановских школ экскурсию на тему: «По фурмановским местам». Эти места отмечены в книге Ю. Ф. Глебова «Революционные памятники города Иванова» (Ивгиз, 1950).

Экскурсию следует завершить посещением областного музея, где имеются некоторые материалы, относящиеся к Д. А. Фурманову.

Аналогичную экскурсию можно организовать с учащимися школ Кинешмы, где жил Фурманов в период с 1909 года по 1912 год, обучаясь в местном реальном училище. У входа в здание реального училища, где ныне находится средняя школа № 4 (Красная ул.), прибита мемориальная доска, указывающая на то, что в этом здании окончил среднее образование писатель-коммунист Д. А. Фурманов. Мемориальные доски прикреплены также к дому на улице Осоавиахима, где жил Фурманов в 1910—1911 гг., и к дому № 2 по Советскому переулку, где он жил в 1911—1912 гг.

В Кинешемском краеведческом музее имеются некоторые материалы, относящиеся к Фурманову: альбом учащихся реального училища, окончивших последнее в 1912 году, и в числе их Д. А. Фурманов; листки воспоминаний о нем, относящиеся к периоду пребывания в училище, — С. В. Киселевой (ныне учительницы кинешемской семилетней школы № 1) и М. В. Тарутиной (Гавриловой), у которой снимал комнату Фурманов-реалист. Интерес представляет и находящаяся в материалах музея статья Н. Смирнова «Д. А. Фурманов в Кинешме», помещенная в «Приволжской правде» 15 марта 1941 года, к 15-летию со дня смерти писателя. (См. также статью Н. Смирнова «В старой Кинешме. Школьные годы Дмитрия Фурманова», журнал «Смена», 1951, № 5.)

В городе, носящем имя писателя, в доме б. Милова, где Дмитрий Андреевич жил до шестилетнего возраста,

находится дом-музей Д. А. Фурманова, куда и можно организовать экскурсию с учащимися школ города Фурманова. Следует также отметить, что Фурманов был связан не только с б. Середой, Ивановом и Кинешмой. В 1917—1918 гг., по поручению Иваново-Вознесенского Совета, он читал лекции и доклады в Шуе, Лежневе, Кохме, Дунилове, Тейкове и других селениях Иваново-Вознесенского района. Он выступал перед крестьянами в деревнях и на рабочих митингах. Все это нашло отражение в его дневниках тех лет.

Желательно, чтобы в результате работы учащихся над изучением жизни и творчества Д. А. Фурманова и проведенных ими экскурсий в школах были созданы постоянные выставки, посвященные нашему выдающемуся писателю-земляку.

В заключение необходимо сделать следующее замечание.

Выше мы кратко указали на связи Фурманова с нашим краем. Но изучение его как выдающегося советского писателя, одного из зачинателей социалистического реализма, ограничивать этим ни в коем случае нельзя. Важно, чтобы учащиеся заинтересовались его творчеством в более широком объеме и обстоятельно познакомились с ним. Краеведческие занятия должны способствовать этому. На них надо поставить ряд общих вопросов об идейно-художественной проблематике произведений Фурманова и показать, как он решал те или иные творческие задачи, используя и материал, связанный с нашим краем. Например, следует выяснить, как наблюдения за жизнью ивановских рабочих помогли ему создать типические образы борцов за революцию и решить задачу художественного изображения роли рабочего класса в революции, его воспитательного воздействия на крестьян и т. д. В результате изучения жизни и творчества Фурманова перед учащимися встанет образ писателя горьковского типа, активного участника общественно-политической жизни советского народа.

ПРИЛОЖЕНИЕ¹

(Сведения о пребывании писателей в Ивановской области)

Аввакум протопоп (1620—1682), известный древнерусский писатель-старообрядец, автор произведения «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» и других сочинений. Служил в Юрьевце в 1652 г. (Н. К. Гудзий, История древней русской литературы, изд. 4-е, М., Учпедгиз, 1950, стр. 449).

Аввакум «писал таким языком, что каждому писателю непременно следует изучать его» (И. С. Тургенев).

«Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и «Жития» его остаются непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца» (А. М. Горький).

Писемский Алексей Феофилактович (1820—1880), русский писатель и драматург. Был в Кинешме в 1849 г. на первой выставке сельских произведений Костромской губернии. Написал о выставке очерк (А. Ф. Писемский, «Избранные произведения», Ярославль—Москва, 1940, вступительная статья).

Островский Александр Николаевич (1823—1886), великий русский драматург. С Кинешмой и кинешемским Заволжьем писатель был связан на протяжении 39 лет, с 1848 по 1886 гг. (см. статью «А. Н. Островский»).

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), выдающийся русский писатель и публицист. Был в Юрьевце в 1887 г. (см. статью «В. Г. Короленко»).

¹ Приложение и библиография составлены П. В. Куприяновским.

Чехов Антон Павлович (1860—1904), великий русский писатель и драматург. Был в Кинешме в 1890 г. (см. статью «А. П. Чехов»).

Серафимович Александр Серафимович (1863—1949), советский писатель. Трижды (в 1923, 1941 и 1945 гг.) приезжал в Иваново, посетил также Кохму, Кинешму, Комсомольск, Тейково, Ново-Леушино и другие пункты области (см. статью «А. С. Серафимович»).

Фурманов Дмитрий Андреевич (1891—1926), советский писатель. В своей жизни и творчестве тесно связан с Ивановской областью (см. статью «Д. А. Фурманов»).

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933), видный советский общественный деятель, критик, историк и теоретик литературы. Выступал на ряде митингов в Иваново 17—19 апреля 1919 г. Темы выступлений — международное и внутреннее положение Советской республики, вопросы культуры («Рабочий край», 1919, №№ 86—88). Бывал позднее в Иваново неоднократно.

Багрицкий Эдуард Григорьевич (1895—1934), советский поэт. Первый раз приезжал в Иваново в сентябре — октябре 1928 г. Выступал на собраниях литературных кружков и литературного актива. Собирал материал для своих будущих произведений («Рабочий край», 1928, № 231, 4 октября). В газете «Рабочий край» был опубликован ряд его произведений, в том числе впервые напечатано его стихотворение «Можайское шоссе» (за 2 октября 1928 г., № 228). Второй раз поэт был в Иваново летом 1930 г. на областной конференции писателей (см. воспоминания А. Н. Благова о Багрицком в газете «Рабочий край», 1939, № 38, 16 февраля).

Гайдар Аркадий Петрович (1904—1941), советский писатель. Посетил Иваново в 1934 г.

«Светлые воспоминания об этой встрече сохранились у всех, кто встречался тогда с писателем в библиотеках и рабочих клубах. Он долго, тепло и душевно беседовал с детьми. Любимый писатель сказал тогда пионерам и школьникам: «Вы — наше будущее. Из вас, друзья, могут быть такие люди,

как челюскинцы, как герой летчик Громов и отважный пионер Павлик Морозов. Умейте находить себе работу, не бойтесь труда, растите настоящими большевиками...» (Н. Соловьева, «Любимый писатель советских детей», «Рабочий край», 1951, № 211, 26 октября).

Фадеев Александр Александрович (родился в 1901 г.), советский писатель. Посетил Шую и Иваново в конце апреля 1939 г. вместе с известными деятелями кино С. Эйзенштейном и Э. Тиссе. Здесь они собирали материалы для кинокартины о М. В. Фрунзе: знакомились с материалами Шуйского музея М. В. Фрунзе, беседовали в обкоме партии со старыми большевиками, которые работали с Фрунзе, и т. д. («Рабочий край», 1939, № 99, 29 апреля).

«Он прошел школу петербургских кружков и массовой борьбы питерских рабочих. И он глубоко усвоил ленинскую программу плебейского решения буржуазно-демократической революции в России...

...Он был революционером ленинско-сталинской складки. И, будучи человеком незаурядным, сделался вождем иваново-вознесенских рабочих.

Впоследствии они дрались под водительством Фрунзе в Заволжье и под Уфой, под Оренбургом и на Урале, у Каспия и в Крыму. И в трудные голодные годы он не раз навещал их, ходил по квартирам рабочих и расспрашивал о их нуждах» (А. Фадеев, «Михаил Васильевич Фрунзе», «Октябрь», 1938, № 2, стр. 82).

Ставский Владимир Петрович (1900—1943), советский писатель. В начале сентября 1936 г. выступил с докладом о Горьком на собрании ивановского партийного актива совместно с активом комсомола. (Текст доклада опубликован в «Рабочем крае», 1936, № 209, 10 сентября).

Эренбург Илья Григорьевич (род. в 1891 г.), советский писатель. Был в Палехе летом 1933 г. В марте 1935 г. приезжал в Палех вторично, принял участие в праздновании 10-летнего юбилея нового палехского искусства («Рабочий край», 1935, № 59, 12 марта). В мае 1948 г. писатель встречался в Иваново с читателями, местными писателями и журналистами. Он рассказал

о своей работе над романом «Буря», прочитал отрывки из него, ответил на многие вопросы, касающиеся его творчества, советской и иностранной литературы, остановился на нравах продажной капиталистической прессы Соединенных Штатов Америки («Рабочий край», 1948, № 167, 30 мая; в этом же номере опубликован портрет писателя работы художника М. Троицкого).

«Художника не надлежит спрашивать, имеет ли его искусство «будущее»; поскольку оно совершенно и приносит радость, оно оправдано и прекрасно». И. Эренбург о палехском искусстве).

«...Вы очень молоды: вы не только знаете по книгам, что жизнь можно изменить, вы сами её меняете, свою жизнь и чужую.

Я не раз беседовал с вашими французскими сестрами. Они стоят у таких же станков, как вы, у широких или узких. Кожа у них смуглее вашей. Они говорят «rrr» картавя. Вы мне сказали, что любите соленые огурцы, а вот они никогда в жизни не пробовали соленого огурца. Они любят грызть жареную картошку. Это хорошие девушки. Они могли бы быть веселыми, как вы, Дуся. Но их глаза разучились смеяться. Как любопытные девочки, они заглянули в жизнь, но в жизни для них не оказалось места...

Вы мне рассказали, что любите читать Фенимора Купера. Это хорошо: как я не хочу прикидываться молоденьким, вы не хотите прикидываться «героиней» романа, которая не смеется, не вздыхает, не целуется, но только ходит на заседания и читает умные книги. Затаив дыхание, вы читаете про следопытов. Вряд ли вы при этом думаете, что и вы, Дуся,— следопыт. Вы ведь первая надумали, как можно сразу работать на всех ваших станках, а это значит — идти сквозь тайгу не только без прожатых, но и без малой тропинки. Вы узнали самую большую человеческую радость — открытия, и, сколько бы у вас ни было впереди преград и тревог, память об этой радости неизменно вас будет поднимать.

Люди давно поняли, как был счастлив Ньютон, найдя закон тяготения, или веселился Колумб,

увидев туманные берега. Они давно поняли, какую радость переживали Шекспир, Рембрандт, Пушкин, открывая сцепление человеческих страстей, цвет, звук и новую значимость обыденного слова. Но люди почему-то всегда думали, что есть труд высокий и низкий. Они думали, что вдохновение способно водить кистью, но не киркой. Я не люблю бахвальства: в нашей стране еще много косного и темного, в ней еще много приниженности и чванства, ложной роскоши и убожества. Но есть в ней то, чего нет, не было и не может быть в их мире, то, что прежде только мерещилось отверженным поэтам и прекрасным чудакам: пала, навсегда пала глухая стена между художником и ткачихой, труд перестал быть библейским проклятьем, музы не брезгают и шумными цехами фабрик, а в духоте шахт люди без цевниц добывают не только тонны угля, но и высокое удовлетворение мастера. Вас принимали, Дуся, у архитекторов, художники и писатели приветствовали вас как товарища. Мы любим вас не потому, что вы знамениты и знатны, но потому, что у нас одни муки и одни радости; назовем их прямо: это муки и радости творчества...»¹

Новиков-Прибой Алексей Силыч (1877—1944), советский писатель. В начале июля 1943 г. знакомился с жизнью и бытом текстильщиков Иванова, с писателями и журналистами, с рабочими Меланжевого комбината. («Рабочий край», 1943, 3 июля). Затем он побывал в Палехе, где осмотрел музей, мастерские художников и встретился с мастерами палехской миниатюры («Рабочий край», 7 июля).

«От души благодарю художников палешан за ту светлую радость, которую я испытал, осматривая музей.

Желаю Вам в дальнейшей работе попутного ветра» (запись в книге отзывов Палехского музея).

¹ Из письма ткачихе Вичугской фабрики им. Ногина Евдокии Виноградовой, одной из зачинательниц стахановского движения в текстильной промышленности. Письмо опубликовано в газете «Рабочий край», 1935, № 273, 28 ноября.

«Изумительным мастерам искусства — дорогим палешанам сердечно автор. А. Новиков-Прибой. 19/VII—43»¹.

Горбатов Борис Леонтьевич (1908—1954). Был в Иваново 14—16 декабря 1946 г. Встречался с городской интеллигенцией, комсомольцами, писателями и журналистами. Рассказывал о своем пребывании в Японии и на Филиппинах, беседовал по вопросам советской литературы («Рабочий край», 1946, №№ 245, 249 за 13 и 18 декабря).

Бабаевский Семен Петрович (род. в 1909 г.). В мае—октябре 1936 г. жил в Иваново, работал литературным сотрудником в комсомольской газете «Ленинец», где напечатал несколько статей и очерков о молодежи и школе.

«Для меня, природного южанина, непривычными были и белые ночи, и сосновые, черные снизу леса, и тихие речки, и фабричные поселки. Я скучал по Кубани, по родным кавказским местам.

Я и сейчас часто вспоминаю Иваново. И может быть потому, что там жил только летом, мне и поныне кажется, что над просторным русским гордом всегда цветет ясное, голубое небо» (из письма писателя от 3 января 1955 г.).

Вайян-Кутюрье Поль (1892—1937), выдающийся деятель рабочего движения во Франции, один из руководителей компартии, писатель, поэт и публицист, главный редактор «Юманите», центрального органа коммунистической партии Франции. Посетил Палех летом 1932 г. («Рабочий край», 1935, № 59, 12 марта).

«Несмотря на то, что Палех еще хранит в себе традиции минувшего, его произведения — это всё, что есть лучшего в искусстве русской части Советского Союза. Здесь живут художники-крестьяне, художники, чрезвычайно восприимчивые к богатству красок и гармонии движений. Они глубоко понимают и любят свою работу.

Я думаю, что из этого источника русского деко-

¹ Надпись на книге А. Новикова-Прибоя «Цусима», кн. 2, М., «Советский писатель», 1935. Книга хранится в библиотеке палехских художников. Надпись публикуется впервые.

ративного искусства может родиться истинно пролетарское искусство с присущей русским национальной гениальностью. Оно сыграет большую роль в истории искусства мирового социализма» (из записи в книге посетителей Палеха. Опубликовано в кн.: Е. Вихрев, Палех, М., Гослитиздат, 1933, стр. 408).

Григ Нурдаль (1902—1943), выдающийся норвежский писатель-антифашист. Был в Палехе в апреле 1933 г. Нурдаль Григ горячо интересовался палехским искусством («Известия», 1933, 21 ноября № 283).

Залка Мате (1896—1937), известный венгерский писатель, участник гражданской войны и строительства социализма в СССР. Героически погиб в Испании во время освободительной войны 1936—1939 гг. (был известен там как «генерал Лукач», командир 12-й Интернациональной бригады). В составе бригады писателей в октябре 1934 г. выступал в Иванове и районах области с сообщениями о I Всесоюзном съезде советских писателей и встречался с читателями («Рабочий край», 1934, 3 октября, № 228). В марте 1936 г. на вечере памяти Фурманова выступал с воспоминаниями о нем («Ленинец», 1936, 26 марта, № 42).

«Однажды Дмитрий (Фурманов.— *Ред.*),— говоря со мной об Иванове, мечтательно заметил: «Написать бы «Ткачей», только не по Гауптману¹, а по Ленину. Ивановские ткачи — народ хороший, ворчливый, бедный, но пролетарский дух из них вышибешь только с жизнью. Многие сделали ивановские товарищи для революции и делали это от всего сердца» (из воспоминаний М. Залка о Фурманове, «Литературная газета», 1936, № 16).

Хикмет Назым (род. в 1902 г.), турецкий писатель-революционер, выдающийся борец за мир, лауреат Международной премии мира. Приезжал в Иваново во второй половине декабря 1953 г. Присутствовал на премьере пьесы «Легенда о любви», посетил Меланжевый комбинат, беседовал со студентами педагогического института, встречался с писателями, журналистами и работниками культуры.

¹ Г. Гауптман — немецкий писатель, автор драмы «Ткачи».

«Назым Хикмет... говорил о высокой ответственности писать для советского читателя, воспитанного на чудесных произведениях Пушкина, Л. Толстого, Горького, Маяковского. «Советский Союз,— сказал Назым Хикмет,— это центр мировой культуры». Он с восхищением отзывался о культурных учреждениях нашего города. Назым Хикмет дал высокую оценку коллективу артистов Ивановского драматического театра, поставившему его пьесу «Легенда о любви». Поэт с волнением говорил о благородном труде ивановских текстильщиков и их высоком культурном уровне» («Рабочий край», 1953, 23 декабря, № 251).

«Дорогие товарищи!

Я сохраню в своем сердце, как одну из самой радостной памяти встречу с вашим коллективом. Желаю вам всем больших успехов в вашей работе, в создании новых людей. От ваших успехов много зависит.

Получил фотографии. Спасибо Сергею Васильевичу Смирнову. Пока лежу больной, но обязательно выздоровлю и буду писать о вашем чудесном городе, о чудесных ткачах, о студентах пединститута, носящих солнце в их глазах. Хотелось бы еще много, много раз повидаться с вами...

4. II—54.»¹

Ваш Назым Хикмет.

¹ Письмо адресовано преподавателям и студентам Ивановского педагогического института. Публикуется с незначительными сокращениями впервые.

БИБЛИОГРАФИЯ ПО ШКОЛЬНОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ

I. Общие вопросы

1. Шире размах краеведческой работы (Передовая), «Учительская газета», 1951, 18 августа.
2. Изучение родного края пионерами и школьниками в экскурсиях и походах. Учпедгиз, 1947.
3. Краеведение в школе. Сб. статей под ред. проф. А. А. Яковлева, изд. АПН РСФСР, 1949.
4. Внеклассная краеведческая работа в средней школе, сб. под ред. проф. А. А. Яковлева, изд. АПН РСФСР, 1951.
5. Изучай свой край. Книга юного краеведа, изд. «Молодая гвардия», 1951.
6. Родин А. Ф., История родного города. Методическое пособие для учителей средней школы, М., изд. АПН РСФСР, 1951.
7. Родин А. Ф., История родного села. Пособие по внеклассной краеведческой работе, М., изд. АПН РСФСР, 1954.
8. Ставровский А. Е., Краеведческая работа в школе. Второе переработанное и дополненное издание, М., Учпедгиз, 1954.

II. Литературное краеведение

1. Баранцев А. Д., Литературно-краеведческая экскурсия «По пушкинским местам» с учащимися 8—10-х классов средней школы, сб. «Краеведение в средней школе», под ред. проф. А. А. Яковлева, изд. АПН РСФСР, 1949.
2. Белоруссов П. М., Элементы краеведения в преподавании литературы, там же.
3. Бейсов П., Преподавание литературы и краеведение, «Литература в школе», 1949, № 4.
4. Горюхин М. А., Урок литературы в краеведческом музее, «Литература в школе», 1954, № 6.
5. Иванов-Панков П. А., Изучение фольклора и быта, сб. «Изучение родного края пионерами и школьниками в экскурсиях и походах», Учпедгиз, 1947.

6. Кахновская О., Использование краеведческого материала на уроках литературного чтения и во внеклассной работе, сб. «Из опыта краеведческой работы школ Алтайского края», Барнаул, 1949.
7. Порман Р. Н., Краеведческая работа литературного кружка, Казань, Татгосиздат, 1952.
8. Прессман Л., Литературное краеведение в классных и кружковых занятиях, «Литература в школе», 1952, № 6.
9. Седов В. Д., Литературно-туристические походы, сб. «Из опыта работы учителя литературы», под ред. Н. А. Глаголева, М., Учпедгиз, 1951.
10. Селиванов К. А., Работа краеведческого кружка Карлинской школы, «Литература в школе», 1953, № 5.
11. Тропников В. С., Из опыта работы по собиранию и изучению фольклора местного края, сб. «Краеведение в школе» (Из опыта работы школ Вологодской области), Вологда, «Красный север», 1948.

2000

